

"Новик (СИ)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Порт Владивосток. Полтора месяца спустя. Шестое мая. Полдень. Офицерская палата военного госпиталя.

Открыв глаза, я медленно повёл ими из стороны в сторону, с некоторым трудом, была сильная слабость после долгой болезни, поворачивая голову. Больничная палата. Чёрт, как же я так опять, а?

Сидевшая рядом сестра милосердия из добровольных помощниц, заметив, что я очнулся, тут же оживилась и, дав мне напиток, и выбежала из палаты. Уже через час, я ещё был в сознании, прокручивая перипетии последних сражений, где после купания в ледяной воде, минировать английский броненосец пришлось лично, меня снова свалила горячка простуды, двери вдруг распахнулись и широким шагом в палату вошёл адмирал Макаров, свита, видимо осталась снаружи, а за ним...

«Бежать, нужно бежать», — сразу же машинально подумал я, и отдал телу команду, вскочить с кровати и рыбкай уйти в приоткрытое окно, однако тело подвело меня и осталось лежать, лишь чуть пошевелило рукой и повернулось на бок от моего желания сбежать. Чёрт, в этот раз удрать не получилось, я был полностью во власти недавно назначенного нового наместника и его гостя.

— Ну что отрок, — подходя, сказал адмирал. — Наконец мы снова встретились, хватит бегать, пора и поговорить. Думаю, ты узнал посетителя. Разреши представить тебе...

Тут раздался стук в дверь выделенной мне на «Отроке» каюты, и я так и не услышал, как Макаров представляет гостя. Хотя это было излишне, я и так узнал его. Резко сев на достаточно широкой койке, тут же поморщился от накатившей головной боли, и потёр затылок. Глюки адмирала и императора Российского таяли перед глазами. Тьфу ты, привидеться же такое. Хм, и ведь не принимал ничего, просто лёг отдохнуть на часик, пока мы с неизвестным конвоем сближались. В этот раз, похоже, допинг из кокаина не потребовался.

— Опять видение... Хм, но теперь я знаю что нужно делать чтобы избежать попадания в госпиталь, — после этого крикнул. — Встал! Что там?!

Дверь открылась, и в каюту заглянул молоденький вихрастый рыжий матрос из освобождённых русских моряков. Кажется, это был матрос палубной команды на крейсере, я точно не помню, хотя активное участие принимал в распределении команды на крейсер, когда люди находились ещё в лагере для военнопленных под Токио. Ну точно, это моряк с торгового судна что вёз по мнению японской стороны военную контрабанду.

— Мы вошли в зону открытия огня. Мы сменили курс и ветер начал сносить дым из труб в другую сторону. Наш флаг стало видно и капитаны судов забеспокоились, — речитативом выдохнул тот, видимо на память сообщив всё, что ему велел передать капитан боевого корабля. — Капитан приказал сообщить, что почти у всех британские флаги. У трёх вроде

японские.

— Отлично. Иду.

Матрос, который о военной субординации пока имел смутное представление убежал, а я стал натягивать сапоги, так как прилёг отдохнуть полуодетым. А что, время было, хотя и шли мы практически на встречных курсах не на полном ходу, но до этой самой встречи оставалось часа два, вот я и решил прилечь, а то уж больной день был суматошный. Да и половина команды так же отдыхала. Лишь абордажная команда готовилась, скоро у неё будет ой как много работы.

Всё же полуодев один сапог, я задумался. Выходить на палубу снова в форме японского флотского офицера не стоило, поэтому быстро скинул её с себя и, подойдя к своим вещам, чемоданам и узлам, нашёл в одном из кофров гражданскую одежду. Так оно как-то лучше будет. Жаль моя форма прапорщика по Адмиралтейству пропала с другими вещами. Ну что ж, будем обходиться тем, что есть. Да в принципе я сам снял русскую форму, пообещав себе её больше не надевать, так что будет воевать по гражданке.

Только я успел застегнуть верхние пуговицы, как наш бронепалубный крейсер содрогнулся от залпа. Особо неожиданным это для меня не было, командир крейсера имел неоднозначные приказы, данные мной. Японцев топить, англичан досматривать. Если есть военная контрабанда, то тоже топить. Те же суда, что имели превосходный ход и радиостанции, брать в качестве трофеев. У меня были на них свои планы. Так что раз крейсер дал полный бортовой залп, значит, мы проходили мимо одного из японских пароходов. Странно только что не обошлось парой палубных орудий, к чему тратить ценный боезапас на обычные грузовые суда? Надо узнать к чему это.

Быстро посмотрев в зеркало, как я выгляжу, умыться успел в тазике, что стоял у окна, я поспешил наверх, очень уж хотелось узнать как обстановка снаружи. В окно было видно три судна, что активно дымили уходя в разные стороны, сообразили наконец, кто к ним подошёл, да поздно, а вот того кого мы обстреляли в окно было не видно.

Взлетев по трапу наверх, я сходу забежал в боевую рубку, тут же потребовав доклада:

— Что у вас?

Пришлось переждать, так как последовал повторный залп. В принципе на кого оба обрушились, я успел рассмотреть ещё, когда поднимался бегом по трапу. Впечатляющие результаты. Оказалось, лейтенант совместил оба залпа. Часть орудий были направлены на ближайшие японские суда, всё же сблизаться мы стали именно с ними, благо те шли как бы отдельной группой, а другие орудия открыли заградительный огонь. У конвоя имелось сопровождение из трёх английских миноносцев. Если до глюка я об этом мог только догадываться, то теперь знал точно, как в принципе и наши возможные действия. Я ведь теперь мог их менять, не повторяя тот сценарий из глюков.

Капитаны боевых кораблей Великобритании явно были ошарашены нашей наглостью и попытались показать, что они всё же не зря сопровождают конвой. Может, их атаки и были имитационными, чтобы сбить нас с боевого курса и заставить отвернуть, но вот наши снаряды вставали у них на пути, заставляя как раз их отворачивать. То есть лейтенант одним залпом делал два дела, топил японцев, первое судно уже легло на бок, второе получило несколько попаданий, хотя больше всплесков было вокруг судна, ну и наглых нагличан отогнал. Хм, судя по качеству стрельбы, не удивлюсь, что капитан трофейного крейсера приказал открыть огонь по миноносцам на поражение, но у нас были такие комендоры, что попасть просто не могли.

Если только случайно. Ладно, миноносцы, там цель юркая и маленькая, но как часть канониров по японцам промахнулась? Тут до них чуть ли не докинуть можно. Чую скоро их ждут серьёзные времена по боевой подготовке. Будем учить стрелять. Безобразия. Прошлые моряки, что мне попадались, стреляли куда лучше. Можно сказать, были выше на голову по мастерству. Тут или мне так везёт, или бывшие моряки крейсера, канлодки и с миноносцев с трудом осваивают крейсер. Может и всё сразу. Хотя если вспомнить что из-за недостатка личного состава к орудиям частично пришлось поставить членов абордажной команды, то есть казаков, не удивителен такой результат. Да и команда «Варяга» что частично присутствовала на палубе «Отрока», особо себя не проявила в бою у Чемульпо. Плохо они стреляли. Кстати, один расчёт как раз из них был сформирован. Остальные из команды этого прославившего себя крейсера были из трюмной и машинной команды и сейчас находились внизу.

Лейтенант мельком обернулся, продолжая держать в руках бинокль, и тут же вернулся к наблюдению, отстранённо доложив, правда, в его голосе столько радостных ноток было, отчего он часто запинался:

— Ворвались как лица в курятник... Англичане так и рванули в разные стороны, значит, им есть что прятать... Точно контрабанду везут... Орудия левого борта товсь, цель третий японец по левому борту.

Дождавшись, когда орудия «Отрока» произведут несколько выстрелов, залпировать уже не требовалось, хватило шести выстрелов из двух двадцатимиллиметровых орудий левого борта, чтобы отправить судно на дно. То, что оно отправится на дно сомнений не было, слишком тяжело осело на корму. В этот раз точность выстрелов была достаточно высока, что тут же прояснил Головизнин, назначенный мной капитан «Отрока».

— Самых опытных капониров перекинул на эти два орудия. Почти не было промахов.

— Один был, за судном, поэтому всплеска и не заметили, — поправил я его.

— Почему же, — возразил тот. — Видел. Поэтому и сказал почти... Англичане уходят. С японскими судами мы закончили, если даже какое судно не утонет, само до берегов Японии оно точно не дойдёт. Догоняем?

Вопрос был не праздный. Двух залпов хватило, чтобы дать понять командам английских миноносцев, чтобы к нам не лезли, так что они поспешили нагонять своих подопечных, с истинной английской невозмутимостью сделав вид, что три судна под японскими флагами не под их защитой. В чём-то Головизнин был прав, одно дело японцы, другое английские торговцы под английским же охранением. Тут и до войны с Британией недалеко. С другой стороны, сами контрабанду везут, а я слишком наглый и уверенный в себе, чтобы спускать им это дело, хотя своими действиями и могу спровоцировать конфликт между Россией и Англией. Не знаю. В своём видении этот бой у меня в памяти отложился, правда кусками, но зато самыми интересными, причём до объявления войны так дело позже и не дошло, Англия не стала сильно раздувать это дело. Разве что меня снова мясником объявила, что топит пассажирские суда, но помогать Японцам стала уже не скрываясь, нагло и цинично, что полностью развязало мне руки. Если русские военные моряки были связаны приказами, и старались не открывать огонь по английским кораблям, что сопровождали японские конвой из Японии в Корею, то у меня таких проблем не было.

— Мы их уже и так догоняем, — едва заметно улыбнулся я. — Два румба вправо, отсечём самых медлительных. По дальнему из двух судов, что мы собирались подрезать, можно стрелять и с

близкого расстояния, а вот по ближайшему что-то мне подсказывает, что лучше с дальней дистанции. Мой ангел-хранитель шепчет в ухо, что на нём, возможно, везут боезапасы, и если судно рванёт, нам тоже достанется. А мне бы не хотелось, чтобы была уничтожена мачтой со взорвавшегося англичанина, радиорубка, с последующими работами по извлечению из брони этой мачты, и чтобы погибло от взрыва два десятка человек из команды. Так что дальняя дистанция и только дальняя. Придётся канонирам с ходу поднимать своё мастерство. Как я понял, лучших наводчиков вы уже отобрали?

— Это да, командир... А как мы стрелять будем? — встряхнувшись, он явно с увлечением меня слушал, изредка поглядывая на курс боевого корабля, удивился лейтенант. — Это же англичане, без досмотра нельзя.

— Некоторые суда конвоя имеют палубное вооружение. Так мелочь, но капитаны совсем потеряли голову от своей наглости и могут первыми открыть огонь, уверенные в своей безнаказанности. В этом случае свод правил позволяет нам открывать ответный огонь. Кстати, заметил, что английские миноносцы ни одного выстрела не сделали? Только имитацию торпедной атаки? Понимают что к чему.

— Думаете, они будут стрелять?

— Увидите, лейтенант. Подрежьте корму этому судну, кажется «Валенсия»? Однако ответного огня не открывайте. Когда подойдём ко второму судну, перед абордажем или после, в случае если этот нагличан нас всё же обстреляет, отойдя подальше, откроем ответный огонь до утопления судна. А лучше предварительно укроемся за корпусом второго нагличанина... Хм, как дымят, так стараются сбежать от нас.

Лейтенант, тут же передав приказы канонирам, с большим интересом наблюдал за дальнейшим развитием ситуации, как она сложится. При этом он постоянно отдавал приказы, наблюдая за рулевым, и в бинокль за водами вокруг. В общем, выполнял все функции капитана, и части отсутствующих офицеров. В помощи он не нуждался, кажется, даже упивался своей работой, поэтому я стоял в стороне, наблюдая как за капитаном «Отрока», так и за англичанами. Кстати, дважды по палубе пронеслось мощное «Ура-а» из лужёных глоток. За тонушими японцами всё же следили и когда два из них пошли ко дну, это не осталось без внимания. Первые жертвы нашей работы, что не могло не радовать. Капитан крейсера тут же внёс их в корабельный журнал боевых действий, он ещё и его на ходу вёл. Вот третий японец, вторая из целей нашей первой атаки тонуть пока не желал, хотя крен и был очень силён, но видимо с помощью затопления противоположной стороны, команда смогла немного выпрямить судно, однако волны теперь чуть ли не перекатывались по палубе. Немного ему осталось, это было видно, но пока не тонул.

К удивлению Головизнина, но было всё так, как я и говорил. При приближении к первому английскому транспортному судну с его борта по нам открыли огонь две пушки. Одна мелкокалиберная, а вторая вот посерьёзнее, водяные столбики её снаряды поднимали заметно выше. Что удивительно, даже одно попадание было, мелкий снаряд рванул неподалёку от радиорубки, не нанеся никаких повреждений. Как доложил сбежавший посмотреть посыльный, тот самый рыжий матрос, там разве что краску на броне поцарапало. Раненых не было, там в это время по счастливой случайности никого не оказалось. Лишь радист был не доволен, разрыв снаряда для него был неожиданен. Английские миноносцы издали наблюдали за нами, но не приближались. А вот канониры с транспортника, заметив, что мы обходим их по кругу, чтобы подойти ко второму судну, кстати, не вооружённому, усилили темп стрельбы. Видимо посчитали, что смогли отогнать нас с помощью своей артиллерии. Наивные.

Догнав второе транспортное судно, не смотря на явно предельную для него скорость, тот вряд ли давал больше одиннадцати узлов, я кивнул Головизнину. Можно начинать. «Отрок», подойдя к судну с левого борта, противоположного от зубастого транспорта, с ходу сбрасывая скорость, заскрежетал металлом бортов, прижимаясь к англичанину, и вместе с крюками на его борт к изумлению команды перепрыгнуло с десятков русских казаков. Ну а когда корабли сцепились, то следом за оравой из трёх десятков бойцов, что уже осматривали внутренние отсеки судна, перешёл и я. Так как я один знал английский язык.

Почти сразу концы были отданы и наш «Отрок» стал отходить в сторону. Так как корабль лишился абордажной команды, а это большей части подносчиков боеприпасов и заряжающих соответственно, кондуктор Лисов, что отвечал за неимением офицеров за всю артиллерию крейсера, сформировал три компактных артиллерийских расчёта, с самыми опытными и как уже выяснилось лучшими наводчиками. Ну а после отмашки лейтенанта стал вести ленивый огонь по первому транспорту. При этом крейсер как я и велел, был укрыт корпусом взятого нами на абордаж судна. Снаряда над нашими головами летели.

Мы же в это время проводили осмотр груза. Ещё до того как капитан судна, по моему приказу принёс мне документы на груз, старший абордажный команды вахмистр Жигарев доложил, что в трюме какие-то крупные детали явно военного значения. А так как среди его абордажной команды присутствовали моряки, их было шестеро, укомплектовали для количества, ну и чтобы казаки не заблудились на захваченных судах. Так вот, один из этих моряков сообщил, что в трюме были детали для больших корабельных пушек. Более того, там же находилась практически в сборе орудийная башня, причём таких размеров, что явно для броненосца. Вроде ещё были пушечные стволы, но осмотреть не успели, вахмистр поспешил мне доложить о находках. Понятно. Значит идёт ремонт одного из броненосцев и англичане поспешили поделиться ремкомплектами чтобы японцы побыстрее ввели встрой одного из своих тяжёлых боевых кораблей. Ну-ну. Ну удивлюсь что на втором судне, вокруг которого сейчас вставали всплески разрывов, везли снаряды как раз для броненосцев. А так пока ни одного попадания не было, не смотря на то, что по палубе метался между орудий взбешённый Лисов, морально и физически убеждая канониров, чтобы они были более точными. А то уже третья минута пошла и ни одного попадания.

Когда английский капитан подал мне документы на груз, он уже успел всё сообщить, что он о нас думает, мол, мы пираты и всё такое, однако я лишь усмехнулся, обнаружив, что в документах на груз указано что везли они ткацкие станки.

— Готовь судно к затоплению, — приказал я Жигареву, а тот продублировал приказ морякам, которых ему придали, как утопить судно те знали прекрасно, ну а я сказал капитану «Селены» убирая документы на груз в небольшой портфель, что был при мне, специально захватил его на этот случай. — Спускайте шлюпки. Судно готовится к затоплению.

— Но вы не имеете права!.. — взбешённо заорал тот.

— Имею, — зло ответил я. — Если думаете, что нацепив британский флаг на флагшток, можете возить контрабанду, то ошибаетесь. Не быть этому пока я стою на страже русских интересов. Ясно?.. У вас две минуты, спускайте шлюпки. И не забудьте взять с собой воду и продовольствие, всё же до берега восемьдесят ми...

В это время, похоже, один из канониров, накрученных Лисовым, попал куда надо. На месте первого транспорта взмыл в небо натуральный смерч. Причём ударная волна была такова, что «Селена», на борту которой мы продолжали находиться, едва не легла на борт и потом ещё

долго качалась с борта на борт, когда с заметным трудом выпрямилась. Многих заметно раскидало по палубе, в основном англичан, наши-то как раз знали чего ожидать от расстреливаемого издали судна, я всех предупредил, поэтому не пострадали, а вот команда взятого на абордаж судна, пострадала. Погибших не было, но переломов хватало. Двое вон и промокнуть смогли, когда за борт свалились. Их уже подняли, выдавая одеяла и сменную одежду.

Я тоже опытный, стоял под прикрытием палубных надстроек, где пряталась рубка, так что не пострадал, как в принципе и капитан «Селены». Повторив что на борт мы его взять не можем, показал где находится берег и посоветовал поспешить. Подрывные заряды уже заложены, его судно и так перегружено, так что как камень пойдёт ко дну. Грязно ругаясь, тот направился руководить спуском лодок, кстати, одна пострадала от ударной воды, её бросило на палубу, и та получила заметные повреждения. Ничего, команда тут не сказать что большая. В двух других вполне уместиться, хотя им и будет тесно.

«Отрок» уже подошёл к борту судна, часть абордажников стали перебираться обратно на его борт, когда я дал отмашку Жигареву. А тот передал в трюм, чтобы поджигали бикфордовы шнуры для подрывов зарядов. Мне сильно не понравилось, как англичане практически демонстративно медленно готовятся к спасению. Они явно пытались нас задержать, давая возможность другим судам уйти как можно дальше. Зря стараются, как и «Селена» те были перегружены, и дать хороший ход просто не могли. Я вообще удивлён, что им в сопровождение дали одни только миноносцы, видимо все крейсера были заняты. Что ж, это нам на руку.

Правда надо отдать им должное, что мы сделали они поняли сразу, и ещё до того как «Отрок» отвалил от их борта, молниеносно спустили лодки, и работая вёслами поспешили отойти от обречённого судна. Ну а мы, а что мы? Мы, наращивая темп, погнались за остальными. В этот раз миноносцы, что прикрывали уже снова собравшихся на горизонте суда в конвой, встали между ними и нами, явно со всей серьёзностью собираясь не допустить нас к своим подопечным.

Подрывные заряды сработали как надо, и как я и предсказывал, «Селена» на удивление быстро скрылась под водой. Жаль, что столько времени было потрачено на закладку зарядов, но спецов что могли их заложить, у абордажников было всего двое. К счастью время закладки в первый раз было не критично, «Отрок» вёл огонь по первому судну, так что время было, но мне всё равно эта задержка не понравилась. Нужно что-то делать.

Пройдя в боевую рубку крейсера, я передал судовой журнал «Селены» Головизнину, и своей рукой сделал запись в корабельном журнале боевых действий, что завёл капитан корабля, об абордаже, ну и о реальном грузе английского судна. Написал немного расширенный доклад, упомянув о противодействии команды, после чего поставив свою подпись, направился на палубу, где абордажная команда под шутки и взрывы хохота делилась тем, как впервые взяла судно на абордаж. Делиться действительно было чем, не сказать, что захват прошёл идеально, поэтому я решил заняться ими, поделится так сказать опытом. Тем более часа три у нас было, именно столько нам потребуется времени, чтобы догнать конвой. Кстати, наш угольщик как держался на горизонте, так и держится. Судно было не вооружённым, и влезать в конвой ему не стоило. Вот я и приказал капитану судна мичману Гаранину, держатся пока в стороне. Мало того что у него и так людей в команде не хватало, фактически полуторная смена, так ещё и пушки мы на него установить не успели, создавая из неплохого и ходкого судна вспомогательный крейсер.

Где достать команду для обоих моих кораблей я уже подумал, в том же Шанхае стоит интернированный «Маньчжур». Незаметно проникнуть в порт, добраться до корабля под видом

китайцев и с одобрения капитана сагитировать часть команды, это можно, стоит попробовать. Тем более до того как перегнать будущие трофеи и всё захваченные боевые корабли к Владивостоку, пока я только о бывшем «Галботе», у меня в планах хорошо порезвиться на японских коммуникациях. Конечно, на те где идут поставки в Корею сейчас мне не сесть, весь японский флот там охраняет свои транспорты от моего возможного появления, но как только информация уйдёт о том, что я атаковал конвой, уничтожая те суда, что везли контрабанду, уверен часть японских сил направиться сюда. Англичане всеми силами будут помогать им найти меня. В результате появиться возможность слегка порезвиться на японских коммуникациях. Долго мне там поработать не дадут, но что успею, всё моё будет.

Всё свободное время я пустил, продолжая натаскивать абордажников. До этого я ими не занимался, Жигарев своим умом пытался их подтянуть, ну а первый же абордаж показал, кто чего стоит. Не идеал конечно, больше на адреналине работали, можно сказать своим умом, а теперь нужно их было учить. Благо первый опыт показал, что не всё у них гладко получилось, много огрехов и бойцы это видели, так что учились с охоткой. К сожалению учебных абордажей, проделать было нельзя, но скоро возможности для практики прибавиться, а там уже не зевай.

Наблюдения с английских миноносцев мы не снимали, так что когда они при нашем приближении двинули наперерез я следом за посыльным, которого направил ко мне капитан «Отрока», поспешил в рубку. Учёба шла на корме, место тут было, так что до рубки я добрался быстро. Основы абордажа, было в обучении, но главное, чёткое распределение обязанностей каждого я им дал, так что пусть Жигарев дальше самостоятельно ведёт тренировки. Куда стремиться солдаты и немногочисленные унтеры из казаков теперь знали, дальше только наработка опыта.

— До наступления темноты осталось два часа, — сказал я, проходя в боевую рубку. — Стоит поспешить и прижучить хотя бы одного-двух нагличан. Уверен, что у всех англичан груз входит в контрабандные списки.

С моей лёгкой руки прозвище англичан быстро распространилось на русском флоте, так что их теперь никто кроме как «нагличанами» и не звал. Даже на сухопутные войска начало распространяться. Это я по казакам понял. В заметках Эриха я не редко едко проходилсь по нагличанам, тот в тексте ничего не менял, что вызывало взрывы возмущения у джентльменов Туманного Альбиона.

— Я тоже так думаю, командир, — кивнул Головизнин, опуская бинокль. — Вот только дадут ли нам провести осмотр английский судов? Японцы и те два думаю, мы взяли больше на наглости, не ожидали англичане от нас такого, а вот к остальным капитаны миноносцев нас не пустят. Это ведь считай конец их карьеры, и так она под ударом от наших действий.

— Думаешь, будут атаковать? — с интересом спросил я, с любопытством посмотрев на лейтенанта. Меня интересовал его ответ и соответствующие выводы анализа возможной ситуации.

— Думаю, атакуют, — уверенно кивнул тот. — Нейтральные воды. Если дойдёт до конфликта, это может привести к войне, мы и так действуем по краю всех писанных и не писанных правил. Можно сказать, балансируем по краю закона.

— Это так, — не мог не согласиться я. — А вот действия англичан, что доставляют японцам всё им остро необходимое. Это как по твоему мнению?

— Это уже верх наглости, — покачал тот головой. — Англичане нарушают все возможные законы и моральные принципы. Но мы не они.

— И это так, — вынужден согласиться я, поглядывая на лейтенанта и обдумывая, что сказать дальше.

В моём глюке, который я видел всего несколько часов назад, этот момент тоже был. И что немаловажно, в глюке мы всё же отвернули и направились на соединение с нашим угольщиком, не доводя ситуацию с конвоем до крайности. Тогда лейтенант смог убедить меня не доводить эту самую ситуацию до этой самой крайности, и мы довольствовались семью утопленными судами. Сейчас же мне хотелось хоть немного, но изменить ситуацию, посмотреть, что из этого выйдет. Правда в случае если дойдёт до боя с миноносцами, не думаю, что меня поддержат флотские офицеры, да и сам Макаров тоже. Можно было ведь и не доводить до этого.

В принципе я и сам был согласен, что атаковать охраняемый караван не стоит. Если дойдёт до боя, и до погибших с той стороны, крайним сделают меня, тут без сомнений, всё же команду тут я, а вот по-тихому подгадить британцем, это я за всегда готов, главное чтобы это потом ко мне не привело. Но не так в открытую как сейчас. Конечно, на меня и так всех собак спустят, из моих глюков знаю, что позже во всех газетах появятся заголовки о том, что я потопил транспортные суда с беженцами из Японии, мол, они были пассажирскими, и везли не контрабанду, как сообщалось в русский газетах, а именно людей. Однако после заметок Эриха, англичанам верить уже перестали, потеряли они своим враньём веру в их печать. Правда, если долго врать, кто-то будет считать это за правду...

— Отворачиваем? — прервал мои размышления Головизнин.

Он, как и все присутствующие в рубке, рулевой, часть кондукторов, что отвечали за управлением кораблём, поглядывали на меня. Сейчас всё решиться, или в бой, или отворот. Я не обманул их ожиданий, желание поквитаться с наглыми англичанами были у всех, но Головизнин смог не только убедить меня, но и остальных, что это будет удар и по России, а нам этого не нужно.

— Время пока есть, идём на караван, а как войдём в зону уверенного открытия артиллерийского огня с миноносцев, отворачиваем к Гаранину и идём на соединение с ним.

Капитан «Отрока» с заметным облегчением улыбнулся, его порадовал мой приказ. Такой прямой конфликт нам действительно не был нужен, и так сделали немало дел. Пять судов с контрабандой на дно пустили, уже немало.

— Командир, разрешите уточнить, — сказал вдруг лейтенант.

— Говорите, — кивнул я.

— Почему нам следует тянуть с разворотом? Действуем на нервы английских офицеров с миноносцев?

— И это тоже, но не это главное. Посмотрите на все суда, насколько я вижу и могу их подсчитать, их четырнадцать. Все они идут полным ходом?

— Думаю, у большей части клапана заклепаны, чтобы дать максимальный ход. Взрыв судна с боеприпасами явно подстегнул их, напугав команды.

— Верну. А теперь подумайте, что будет с котлами, да и со всеми механизмами после такого их насилия над ними?

— Думаю, большую часть судов ждём серьёзный ремонт, — уверенно ответил лейтенант, по его губам скользнула понимающая усмешка. Он понял, почему нам так важна каждая секунда погони. — Вы были правы, крайнее право судно вывалилось из конвоя, замедляя ход. Похоже, неполадки в машинном отделении, такое бегство не прошло для них зря. Видимо у него механизмы и так были изношены и не выдержали такого отношения к ним.

— Ну как говорит мой ангел-хранитель, до поворота осталось ещё минуты три, а это не последнее судно, что сбросит ход. Ещё у одного, как вы сказали лейтенант, должны быть до предела изношенные механизмы и оно не выдержит такого бегства. Самое забавное, что миноносцы охранять их не будут и уйдут следом за конвоем. Видимо командиры миноносцев решили, что мы можем перешагнуть черту, и пугнуть их на поражение. В этом случае нам никто не помешает досмотреть их. Ну или им дали чёткий приказ, довести до точки назначения хоть что-то, не скажу. Радист слушает эфир, зёву много, у некоторых судов имеются радиостанции, но толку пока мало. Эфир он не забивает, нужно чтобы японцы быстро узнали, где мы, чтобы среагировать на это. Пока всё по плану.

— Надеюсь так и будет, — кинув на меня заинтересованный взгляд, лейтенанта явно интриговали такие мои предсказания, сказал тот.

Мне удалось не разочаровать лейтенанта. И второе судно стало сбрасывать ход, и мы отвернули очень вовремя к заметному облегчению команд миноносцев. У нас крейсер как раз предназначался для охоты на такие вот миноносцы так что ситуация была патовой. Скорее всего, мы взаимно уничтожили бы друг друга. Не смотря на овеянную славой храбрость британских моряков, погибать они всё же не хотели. Думаю именно из-за этого, не обращая на бедственные сигналы двух тяжелогружённых судов, что дрейфовали в стороне, те бросились нагонять конвой. В общем, бросили нам добычу, чтобы мы тут застряли, пока конвой уходит. Как доложил наш радист им пришёл приказ уводить остальной конвой. Правда, не думаю, что их капитанов это спасёт. В глюках о них было мало информации, но вроде старшего над миноносцами сняли и уволили с позором из флота. Но информация не точная, через третьи руки дошла до меня. Да и глюки всё же.

Дав возможность миноносцам догнать конвой, тот как раз добрался до горизонта, мы, сделав полукруг, направились к первому из двух английских судов. Тот ход сохранил в отличие от собрата, шёл на двух узлах, однако это нисколько не помешало нам притереться к его борту, снова сдирая краску, и спокойно высадить абордажную команду. В этот раз бойцы действовали куда увереннее, всё же некоторые знания закрепились в их памяти, да и прошлые ошибки были учтены. Тут груз так же был военного назначения, стрелковое оружие, боеприпасы и даже пулемёты. Все пулемёты по моему приказу стали поднимать на палубу, как и ящики с боеприпасами. Ракетой был дан сигнал Гаранину приблизится, погрузка будет осуществляться на американца. Благо там была грузовая стрела.

Скоро должно было стемнеть, поэтому половина абордажной команды вернулась обратно на борт «Отрока» и тот, отойдя от борта английского судна, поспешил ко второму транспорту, пока наш угольщик к нам шёл на максимальном для него ходу. Всё же Головизнин не успел. Когда тот начал сближаться из трюма второго транспорта показался дым и языки пламени, а от его бортов отходили лодки полные людей. Так что лейтенант дал почти в упор пару выстрелов ниже ватерлинии, чтобы наверняка и направился к нам обратно. Команда этого судна, не смотря на его вооружение, было видно три орудия, не стала рисковать и сама уничтожила его.

Когда крейсер вернулся, Гаранин ещё был на подходе, я перешёл на борт «Отрока», и стал инструктировать лейтенанта по дальнейшим действиям. Понятно, что тот тоже устал, и адреналин уже не гуляет по его крови, но работы предстоит ещё много. Так что, хорошенько проинструктивровав командира крейсера, что ему делать дальше и когда меня будить, я с частью абордажной команды направился отсыпаться, на ночь у меня в планах много работы, и я собирался отдохнуть, чтобы набраться сил. Вот остальным требовалось поработать за двоих, всё же на такой крейсер требовалась команда в полтысячи человек, а в наличии было всего едва половина, но я надеялся поправить эту проблему в морях и офицерах за счёт «Маньчжура».

Особо ничего невозможного лейтенанту я не поручал. Требовалось с прибытием угольщика перегрузить на его борт английские винтовки и все наличные в грузе пулемёты. Винтовки не все, пару сотен. Вот боеприпасов их много. Часть амуниции, включая бинокли. В общем, всё из списков, что я дал Головизнину. Аврал по перегрузке закончиться уже в полной темноте. Дальше отойти от борта англичанина, подорвать его, чтобы то затонуло, в это время английская команда должна быть в шлюпках, и на полном ходу оба корабля по плану двинут к берегам Китая. Точнее к Шанхаю.

В моих глюках истории с «Маньчжуром» не было, это уже моя идея. А команду мне удалось пополнить случайно, встретив через три дня русское судно, что принадлежало Добровольному флоту. Там с него было снято с два десятка палубных матросов, десятков кочегаров, и что немаловажно, полноценная рота казаков с офицерами. Они мне были нужны. Совершив переход через Тихий океан из Америки, судно имело проблемы с машинами и сейчас ремонтировалось, дрейфуя в полтора сотнях километрах от нас, счастливо избежав чужого внимания. Насчёт него я из своей истории ничего не помню, не мелькало о нём информация. Вот в глюках я присоединил этот пароход к себе. Правда быстро пожалел и избавился от него. Мало того что тихоходное, так ещё постоянные поломки. В общем, балласт.

Ничего, ремонтировать тому ещё три дня, так что успею навеститься в Шанхай и пообщаться с и. о командиром «Маньчжура» лейтенантом Лазаревым. Кроуна на борту канлодки уже не было, с частью команды, надо сказать не большой, он смог незаметно перебраться в Порт-Артур, где адмирал Макаров назначил его начальником штаба Тихоокеанской эскадры. В принципе всё как и в моём мире.

Разбудил меня стук в дверь. Пошевелившись, я лёг на спину, протерев ладонью лицо, прогоняя сонную одурь. Спал я на боку. Окно было закрыто, думаю как крейсер, так и угольщик, следуя моему приказу, идут в режиме светомаскировки, так что нарушать её, включая в каюте свет, я не стал. Да у меня закрытый шторами иллюминатор, однако, мало ли. Вся операция может сорваться от любого пренебрежения к светомаскировке, никто не должен знать, что мы тут.

Легко встав, я подошёл к двери и открыл её. За дверью стоял тот же рыжий и вихрастый посыльный, только в этот раз на его лице была заметна печать сильной усталости. Лицо я его хорошо рассмотрел, в коридоре неярко горел один ночник. Как только я открыл дверь, тот вытянулся, отдавая честь и с рукой у виска, научили-таки, доложил:

— Ваше благородие. Командир крейсера «Отрок», его благородие лейтенант Головизнин сообщает, что появились огни Шанхая. Согласно его приказу я был направлен поднять вас.

— Не идеально, но вполне неплохо, — кивнул я. — Передай лейтенанту, что я сейчас поднимусь на мостик.

— Есть, — снова козырнул тот, и немного неумело развернувшись быстрым шагом направился к выходу из офицерского кубрика, там был ближайший трап наверх. Команда уже успела изучить боевой корабль и стала свободно ориентироваться в лабиринте внутренних проходов и отсеков.

Умывшись, в тазике была свежая вода, я протёр полотенцем торс и лицо, после чего быстро оделся, взял приготовленный портфель, что стоял на стуле и направился в боевую рубку, которую сам же обозвал «мостиком». К сожалению мостиков, у рубки не было, что сильно сказывалось на возможности хорошего наблюдения за водами вокруг. Всё же видимость через узкие щели бойниц боевой рубки, была так себе, особенно в бою.

Говоря про мостики, я имел ввиду площадки для наблюдения по бокам от боевой рубки. Сейчас, когда стало ясно их важность, на некоторых боевых кораблях свежей постройки, они появились, но вот на «Телботе» их не было, и даже после модернизации и ремонта проведённого японцами, площадки так и не появились. А так в принципе неплохой крейсер, слегка устаревший, но не плохой.

Взбегая по трапу, я поправил скрытую пиджаком кобуру с одним из бельгийских пистолетов, что взял с собой, и вошёл в рубку, где меня дожидался сильно уставший лейтенант.

— Шанхай, — указал тот вперёд. — Шлюпка готова, солдаты, что вы отобрали взять с собой, тоже.

Посмотрев на пошатывающегося от усталости командира «Отрока», тяжело ему было одному управлять кораблём, я кивнул, изучая едва видную береговую линию.

— Хорошо. Сейчас я покину борт корабля, дальше уже мои дела. Что вам делать дальше вы в курсе.

— Так точно. Отойти в открытые воды, лечь в дрейф и отдыхать, выставив наблюдателей.

— Отойти миль на сорок, — продолжил я. — Всё же тут довольно серьёзное транспортное движение, поэтому не стоит попадать на глаза местным торгашам. Быстро сдадут. В дрейф ляжете подальше от их традиционных маршрутов. Они в основном у берега ходят. Редко когда далеко от берега. Если американцы только, но они тут редки, если повезёт, так никого и не встретите... Что дальше делать помните?

— Да, как стемнеет, вернутся к устью входа в порт Шанхая, и встретить вас.

— Сигнал?

— Три раза должна мигнуть сигнальная лампа. Временной промежуток между сигналами — три секунды.

— Всё верно, три на три.

В это время подбежал боцман и сообщил, что лодка спущена и отобранные мной люди уже в ней. В общем, не стоит задерживаться. В этом я был прав, даже ночью тут было движение. Правда, в основном каботажников, всё же серьёзные грузовые суда ходили днём, особенно те, где капитаны плохо знали эти воды, а таких в последнее время тут стало хватать, поэтому поторопимся. Кстати, перехваченный нами конвой вышел из Шанхая.

Быстро попрощавшись с Головизниным, я направился к трапу и действуя одной рукой, во

второй продолжал находиться портфель, спустился в лодку, где сидело два матроса и четыре казака. Причём все в военной российской форме. Это требовалось для скорейшего опознания и переговоров с офицерским составом канлодки. Я не переоделся по той причине, что помимо формы офицера ВМФ Японии у меня были только гражданские костюмы.

«Отрок» и угольщик, которому мы пока так и не дали имени, не заслужил, двинули в открытое море, шли они тёмными массами без ходовых огней, потеряться в этом случае очень легко, но отойдя подальше, включают ходовые, а мы направились к порту. Как я и думал, пару раз в стороне мелькали китайские джонки. Рыбаки вышли на ночной лов. Иногда ночью можно взять рыбы больше чем днём. Подойдя к одной лодке и не договорившись, мы направились ко второй. Тут была крохотная джонка тонн на восемьдесят с шестью китайцами-рыбаками. Вот с ними мы смогли договориться.

Старик с кучей бородкой, когда назвал цену за работу и получил её в английских фунтах, деньги из судовой кассы «Отрока», на моё сетование на счёт первой джонки затрясся всем телом, квохча от смеха. Китайский я знал очень плохо, хотя разобрать о чём говорят, теперь мог, но хозяин лодки владел корейским как родным, так что проблем с пониманием не было.

— Так то контрабандисты, ждут второе судно, а тут вы. Не удивительно, что они вас послали далеко и надолго. Странно, что не обстреляли, видимо что-то важное ждут раз бояться шуметь.

— Теперь понятно, — кивнул я. На джонке горела керосиновая лампа, так что нашу мимику было видно. — Ладно, все приготовления закончены, можем двигаться. Всё как и договорились.

Договориться с китайцами было действительно не сложно. За деньги те были готовы на всё. Я говорю за всю социальную сферу Китая. Даже дворяне могут за деньги сделать многое, тут всё от сумм зависит. Тем же рыбакам я заплатил на удивление мало, цена за три их улова примерно, но они и этому были рады.

— Это сделаем, — согласился старик и стал отдавать приказы своим родственникам, что и состояли в команде.

Моя боевая группа из моряков и казаков уже перебралась на джонку. Нашу шлюпку привезли к корме и забросали её старыми сетями, чтобы часть свешивалась за борт. Маркировка туфтовая, но хоть так. Жаль, что в устье мы войдём при свете солнца, горизонт уже посветлел и вот-вот появится светило. Однако ничего, прорвёмся. Наши уже ушли за горизонт, мы их не видели, так что пока о нашем появлении в Шанхае никто не знал. Надеюсь, до нашего отбытия всё так и будет.

Я устроился на носу джонки, один из китайцев по приказу старика бросил тут свёрнутый кусок брезента, так что полулежал вполне с удобствами. Пара казаков наблюдали за хозяевами лодки, остальные отдыхали, крепко сжимая японские винтовки. Вот так и плыли в порт.

Сам я поглядывал по сторонам. Охраны на входе не было. «Маньчжур», до интернирования охранял старый японский крейсер «Мацусима». Сейчас его, конечно же, тут не было, и он действовал в составе японского флота. Пока он мне на пути не попадался, хотя с этим типом встречаться уже приходилось. В бухте Сасебо однотипный «Ицукусима» не был нами торпедирован, но как я потом узнал, один из случайных снарядов с горевших складов с боеприпасами попал ему в полубак и нанёс серьёзные повреждения и вызвал пожары. Сейчас этот крейсер стоял на ремонте. Хотя уже достаточно много времени прошло, могут уже вернуть в строй. Японские ремонтники на удивление быстро работали.

Нас не досматривали, просто не кому было, и мы направились в порт. Шли достаточно далеко

от нашей интернированной канлодки, казаки и те из моряков, что не спали, вытянув шеи, старались рассмотреть стоявший на якоре боевой корабль, который, к сожалению, был исключён из этой войны, но ничего не поделаешь. А так глядишь и нам он пригодится. Насколько я знал, на борту оставалось около сотни моряков, и с пяток офицеров.

Пока мы не торопливо входили в порт, уже рассвело и нижний край солнца оторвался от горизонта, поднимаясь выше. Китайцы были с уловом и их уже ждали на пирсе, чтобы купить свежую рыбу, но мы сперва свернули к стоянке джонок. Там китайцы отцепили лодку вместе с нами, и пошли уже к пирсу. Со стороны особо внимания мы не привлекли. Старые сети старик нам отдал, вернее я их у него купил. Как за новые оплатил, но торговаться не хотелось. Дальше просто, подходя к разным судам, я узнавал, какая из джонок продаётся. На нас смотрели без особого любопытства, тем более по приказу моряки и солдаты скинули верхнюю одежду и фуражки оставаясь в нательных рубашках. Винтовки прикрыли сетями, там же и подсумки спрятали. Солнце уже припекало, жарко было, так что нашу национальную принадлежность распознать китайцы сходу не могли, а общался я вообще на корейском. Знатоки этого языка тут встречались, так что удалось достаточно быстро выяснить, какие суда были выставлены на продажу.

После недолгого осмотра, тут я уже специалистом стал за эти месяцы, выбрал небольшую джонку тонн на сто пятьдесят, и уплатил за неё хозяину всю сумму. По моим прикидкам, если повезёт, то добудем около пятидесяти так нужных нам моряков, так что джонка спокойно их переправит до крейсера. Причём после оплаты, я нанял бывшего владельца судна на пополнение припасов, так что тот быстро всё организовал и в её трюм было спущено с три десятка мешков с рисом, с крупой и несколько бочонков с солониной. Дальше ещё проще, моя команда быстро освоилась на борту свежешопленного судна, а я на шлюпке с двумя казаками направился к «Маньчжуру». На дне было две корзины со свежей рыбой, для маскировки мы рыбаки. Тем более через бывшего хозяина лодки нам удалось приобрести китайской одежды. Я в курсе, что тут хватает разнотипных шпионов, и информация тоже стоит, скорее всего о нас быстро узнают, но я особо об этом не переживал. Везде я доплачивал за молчание, тут отдельный тариф, так что надеялся, что до вечера информация будет попридержана, а дальше уже не важно.

— Эй, на лодке! — окликнули нас с борта канлодки.

Кричали английским, в Шанхае это был международный язык. Да и вряд ли кто из команды знал китайский, а тут знатока хоть как да найдёшь.

— Свежая лыба, сэл, свежая лыба, — как картавят обычно китайцы, крикнул я в ответ, кутаясь в накидку. — Ещё лис.

Уверен, за канлодкой со стороны наблюдают и любая лодка привлечёт внимание, поэтому и такие наряды с маскировкой.

— Рыба с рисом? — задумчиво пробормотали с канлодки на русском, явно пробуя эти слова на вкус, после чего ответили на английском. — Ладно, подходи к правому борту, спустим забортный трап.

— Гребите к правому борту, — тихо велел я двум казакам, что сидели на вёслах, моряки с «Отрока» остались на джонке, готовя её к выходу. Требовалось там провести некоторые процедуры, сама джонка уже больше года стояла на якорной стоянке и требовала заметного ухода.

Как только шлюпка подошла к правому борту канлодки, я бросил наверх веревку, чтобы вахтенный закрепил конец, а сам руками о забортный трап погасил скорость и вторым концом привязал к нему лодку. К нам уже спускалось два моряка, сверху поглядывал офицер в звании мичмана, поэтому часто кланяясь русским морякам, я тихо сказал ближайшему на русском языке:

— Я, Максим Ларин. Отведи меня к командиру «Маньчжура».

Тот несколько удивлённо покосился на меня, рассматривая лицо, потом на казаков, убеждаясь, что мы славяне. Один из казаков, Рустем Закиров, из казанских татар, улыбнулся белозубой улыбкой и негромко спросил:

— Что, не веришь? Из Японии мы. Из плена бежали. Его благородие выручил, освободил.

— Делайте вид что всё идёт как и прежде, мы китайские рыбаки, привезли вам рыбу и рис, а ты проводи меня к капитану корабля, — быстро велел я.

— А шлюпка-то корабельная... Прошу за мной, — припросил тот и пока второй осматривал корзины и два мешка с рисом на дне лодки, мы поднялись по трапу на палубу «Маньчжура».

Матрос первым с немалой ловкостью и сноровкой взлетел наверх и что-то шепнул на ухо встревожившемуся офицеру, тот сверху не мог не заметить наше общение. Судя по округлившимся глазам мичмана, матрос с ходу выдал кто мы. В принципе правильно сделал. Передав меня с рук на руки своему вахтенному офицеру, тот по приказу быстро вникшего в суть дела мичмана поспешил дальше изображать обычную суету при покупке продовольствия. То есть спустился в нашу шлюпку помогать напарнику. Я продолжал изображать китайца, то есть кланялся всем подряд, офицерам глубоко, унтерам, уже меньше, но мы всё же добрались до каюты, что занимал исполняющий обязанности капитан канлодки. Кстати, не каюту капитана, Краун до сих пор числился её реальным командиром, а старпома.

Пока мы шли, мичман, не смотря на мои маскировочные действия, из команды похоже так никто и не понял что я не китаец, то есть не местный, всё же не удержался и при возможности, когда не было свидетелей, быстро спросил:

— Скажите, а вы действительно тот самый Максим Ларин?

— Что значит тот самый? — заинтересовался я, разгибаясь у двери в каюту. Мы уже спустились вниз, так что надобность в маскировке отпала.

— Тот самый что потопил броненосцы Того в первый день войны и навёл панику в Сасебо чуть позже. Все газеты только об этом и пишут. Тот немецкий журналист, что с вами был, сейчас стал самым знаменитым в своей братии. После вас конечно.

— Если броненосцы и Сасебо, то тот самый, — поправляя одежду, кивнул я.

— А где вы пропадали этот месяц? Никаких слухов о новых сражениях не было, только заметки о ваших действиях в Сасебо и после. Недавно вышла последняя заметка с теми приключениями, где участвовал тот немецкий журналист. На этом всё. Больше слухов.

— В Японии жил, изучал противника так сказать изнутри. Заодно освободил лагерь военнопленных с нашими парнями. Угнал из столичного порта Токио японский крейсер, бывший английский «Талбот», ну и угольщик. По пути досмотрел четыре английских судна, все везли контрабанду, снял команду и потопил их. Ещё три японских без досмотра пустил на дно.

Сейчас у меня проблемы с недостатком команды и я планировал её решить за ваш счёт. Поэтому и прибыл в Шанхай. Это реально? Люди у вас есть? Беру только добровольцев. Могу обещать море приключений, и если повезёт то и славу.

— Надеюсь, командир решит этот вопрос. Мичман Богданов к вашим услугам. Если что, я первый из добровольцев.

— После меня, — сказал молодой мужчина в накинутом сюртуке с погонами лейтенанта, что открыл дверь. — Вы так «шептались» что я всё слышал... Лейтенант Лазарев к вашим услугам. Наслышан. Прошу.

Лейтенант посторонился, и мы с мичманом прошли в его надо сказать не такую и большую каюту. Однако это не помешало нам устроиться с некоторыми удобствами.

Исполняющий обязанности капитана очень желал услышать мои приключения, однако я напомнил, что долго задерживаться не могу, это может вызвать подозрения у возможных наблюдателей. А они точно есть. Поэтому при возможности хотелось бы закончить побыстрее. Однако и уйти без рассказа я не мог. Лейтенант вызвал других офицеров, даже того что был вахтенным ночью и спал, в каюте сразу стало тесно, шесть офицеров и я. Кроме и. о, остальные были мичманами, лейтенантов Краун с собой забрал, как и расчёты тяжёлого калибра. Парни понимали, что могут простоять тут всю войну и честно говоря, желали повоевать, тем более обо мне какие только слухи не ходили.

В общем, когда офицеры собрались, я достаточно кратко, без особых подробностей описал свои приключения. Даже упомянул то, что встречался с выздоравливающим Того в японском госпитале и мы неплохо поболтали. Про подарки ему и императору тоже упомянул, не видя в этом ничего такого. Описание подарков вызвало у офицеров одобрительные улыбки. Они посчитали их щелчком по носу императора. Потом я коснулся проблем с «Отроком» и американцем. У меня действительно не хватало команды, вот я и решил её решить за счёт «Маньчжура».

Лазарев что большей части моего рассказа пребывал в задумчивости, я его сразу озадачил своей просьбой, прикидывал, сколько людей и офицеров может дать. Так что когда я закончил, и достал из-за пазухи запечатанный сургучом мой доклад по последним действиям, он принял его на руки, молча кивнув, соглашаясь передать через наше консульство в Шанхае дальше, то озвучил:

— Знаете, Максим Евгеньевич. Я прикинул все возможности пополнения ваших кораблей специалистами и выходит вот что. Самый минимальный для ухода за нашим кораблём экипаж может быть в количестве семнадцати матросов при трёх кондукторах и одном офицере. Получается с борта можно снять восемьдесят шесть матросов, одиннадцать кондукторов и пять офицеров.

— Отлично, — широко улыбнулся я. — Я, честно говоря, на меньшее рассчитывал.

— Это ещё не всё. Кроме «Маньчжура» в порту Шанхая стоят два наших грузовых судна. Они тоже интернированы. Есть возможность и с них снять часть экипажей, тем более они штатные. Беседу с капитанами я возьму на себя.

— Я так понимаю, Андрей Олегович, что вы тоже идёте? — уточнил я. — Вы можете это сделать? Да и кто после вас остаётся?

— Да, я решил пойти с вами. Покинуть нашу канлодку могу. Напишу приказ о назначении одного из мичманов исполняющим обязанности и уйду с вами. Влетит, конечно, но позже. А вот по поводу того кто останется, я долго думал и решил пустить выбор на волю случая. Жребий.

— Это без меня, времени не осталось.

— Согласен.

Мы достаточно быстро обговорили, как я буду снимать экипаж с «Маньчжура», намекнув, что среди моряков стоит отобрать добровольцев. Все кто не желает войны, мне не нужны, пусть остаётся тут и несут тихую и спокойную службу. В общем, после обсуждения порядка принятия добровольцев, я покинул каюту Лазарева, меня сопровождал к лодке тот же офицер, всё для маскировки, после чего мы отчалили и на вёслах пошли обратно к стоянке джонок. Дальше уже не моя работа, надеюсь, Лазарев справится, было видно, что ему до тошноты надоела стоянка в порту, и ему хотелось действий. В принципе в том же состоянии были и мичманы, а тут такой луч надежды в моём лице. Теперь понятно, почему они зачитывали до дыр газеты с заметками Эриха о наших приключениях.

Мы благополучно вернулись обратно, и я включился в дело по подготовке судна к отплытию. В принципе матросы уже всё сделали, поэтому я назначил отбой. Сам устроился в одной из двух кают, а пятёрка подчинённых во второй. Лишь один гулял или сидел на палубе. Он был вахтенным. В обед он прямо на палубе, там был железный лист и тренога, приготовил нам обед. Вполне неплохой, кстати, казак оказался рукастым и сведущ в кулинарии. Рис с рыбой был. Очень вкусно. На ужин, кстати, тоже-самое блюдо было.

Когда стемнело, джонка, скрипя рангоутом, снялась якоря и медленно поползла в сторону канлодки. Хотелось бы сказать, что поползла под парусом, но нет. Ветер был, однако встречный. Поэтому я спустил всю шестёрку в лодку и те канатом стали буксировать судно с места стоянки на чистую воду. Шлюпка у нас четырёхвесельная была, но ничего, на одну пару по двое село.

Наконец джонка была выведена на чистую воду, и я велел уставшим буксировщикам возвращаться. До канлодки тут по прямой с пару километров будет, замучаются грести, так что когда те привязали шлюпку к кормовому канату и поднялись на борт, то командуя двумя своими моряками, я поднял парус и галсами направился к «Маньчжуру». На стоянке я так идти не мог, вот и воспользовался буксиром. С опозданием в получас, ветер был немного неожиданной преградой, наша джонка подошла к борту канлодки. После негромких окриков, опознание прошло нормально, мы подвели наше судно к боевому и, к сожалению, разоружённому кораблю.

Как только мы встали борт к борту, три каната крепко прижали судно к бронированному борту канлодки, как были перекинута к нам два штурм-трапа и по ним с личными вещами в руках стали перебираться матросы. Казаки, одетые по всей форме, правда, было темно, едва освещали палубу пара дежурных светильников на «Маньчжуре», но руководить приёмом людей они могли. Так что часть их отправили в трюм, часть размещалась на палубе. Каюты были для офицеров и кондукторов.

Как и обещал Лазарев, большей частью тут были именно добровольцы. Так что моряки перебирались к нам с большой охоткой. К сожалению, я не рассчитывал на такое количество людей при выборе судна, однако перед наступлением темноты решил эту проблему, купив

большую лодку. Часть моряков были направлены туда, как и в нашу шлюпку, что так же буксировалась за кормой. В свежкупленной лодке кроме шести вёсел ничего больше не было, но её предполагалось буксировать, так что тут я проблем тоже не видел. В эту лодку могло вместиться до шестидесяти человек, но это впритык, так что поменьше устроим.

— Кто остался по жребию на канлодке? — поинтересовался я у лейтенанта, который следил, чтобы матросы, спускавшие его вещи в одну из кают, уложили их как надо.

— Мичман Богданов. Тот, что был вахтенным офицером, когда вас встречал.

— Справится?

— Конечно, Всеволод молодой офицер, меньше года на службе, но я оставил ему трёх кондукторов в качестве вахтенной смены, один вполне опытный. Справится... Все разместились? Места есть?

— Как я понял есть. Размещением ваши офицеры командуют, я им передал это дело.

— Ну значит всё в порядке.

— Как там переговоры с капитанами торговых судов?

— А знаете, есть подвижки. Сейчас лодки подойдут от них. По времени уже должны быть. Удалось договориться с обоими капитанами. Они в принципе не против были, так что выстроив команды на палубе, я пообщался с ними. Как вы и говорили, только добровольцы. Так что по спискам должно прибыть сорок семь человек, включая трёх шкиперов, они числятся прапорщиками по Адмиралтейству. Но как вы понимаете, призвать их никто не успел. Война застала нас тут. Не мы одни скучаем в местном порту. Часть добровольцев составляют машинные команды и кочегары. При стоянке кормить такую ораву, которая ничего не делает, капитанам не хочется, так что они вполне легко расстались с нужными специалистами. У обоих осталось по одной смене, так что порядок.

— Отлично, — обрадовался я, и тут же замолчал, мысленно прикидывая, хватит нам места для новых людей или нет. По всему выходило, что нет. — Похоже, придётся задействовать шлюпки с «Маньчжура», посадочных мест не хватает.

— Не проблема, те кто остался на канлодке, приведут их обратно.

— Отлично. Действуйте.

Тут как раз начали подходить шлюпки с торговых судов, поэтому сходу часть людей была поднята на борт джонки, часть пересажены на шлюпки «Маньчжура», которые спустили на таях в воду. Знакомство со всеми добровольцами я оставил на потом, так что когда все разместились и была проведена переключка, мы отошли от борта канлодки и направились к выходу из порта. Там, где-то на горизонте нас должен был ожидать «Отрок» под командованием Головизнина.

Покинули порт без проблем. Ночь, ничего не видно, вперёдсмотрящие только и поглядывали по нашему курсу, чтобы не налететь в кого, не мы одни без ходовых огней ходим. Однако ничего, в тесноте да не в обиде покинули порт, и вышли в открытые воды Восточно-Китайского моря. Когда огни Шанхая стали едва видны, один из матросов, достал сигнальную лампу, зажёл её и, прикрывая тряпчочкой на необходимое время, подал сигнал в открытое море. Через пару минут был ответный сигнал, он оказался сильно в стороне, так что сменив маршрут, мы

направились в сторону «Отрока». Это мог быть только он, ответный сигнал правильный.

На подходе мы слышали сначала шум судовых механизмов, и только потом из ночной темени, а действительно было очень темно, тучи даже звёзды закрыли, вынырнула крупная туша нашего лёгкого крейсера. Как только тот сбросил скорость и лёг в дрейф, мы подошли к спущенному трапу. Я знал, что нас держали на прицеле двух пулемётов, так на всякий случай, так что, ещё опознавшись голосом, приказал спускать забортный трап. Народу я доставил много, почти полторы сотни, причём очень нужных специалистов, однако, конечно же, всё равно не достаточно.

Одного трапа было мало, однако, для приёма людей самое то. Сперва на борт подошла большая купленная мной шлюпка с частью моряками с «Маньчжура» и частью добровольцев с обоих грузовых судов интернированных в Шанхае. Особо людей не сортировали, оставили это на завтра, на завтрашний день, тогда же и распределение по боевым постам будет, а пока просто поднимали на борт и с помощью сопровождающих отправляли их в матросские кубрики или устраивали прямо на палубе. Там тростниковые маты набросаны были.

Вот офицеров конечно по каютам распределили. Ожидалось, что будет два-три, а тут сразу восемь, я и троих гражданских штурманов считаю. В общем, почти сорок минут понадобилось, чтобы все добровольцы поднялись на борт крейсера и распределились по кубрикам. Шестёрка моряков с канлодки, что должны были вернуть шлюпки обратно, как только трюм джонки был освобождён от продовольствия, перешли на неё и, забрав все плавсредства, двинули обратно. Своё дело они сделали, ну а мы, дав ход, двинули в открытое море. Новички тут не помогали, напомним, распределение будет завтра, так что устроившись на своих местах они отсыпались, как в принципе и я. Прошёл к себе в каюту, принял водные процедуры, помывшись, и спокойно уснул на своей кровати. Всё же койкой её не поворачивается язык назвать. Натуральная двуспалка.

Поднялся я в восемь утра, как раз когда прозвучал сигнал к завтраку. Выйдя на палубу чтобы подышать свежим воздухом, с интересом посмотрел на американца идущим малым ходом неподалёку от нас. Ход малый был, но к обеду мы должны были выйти к дрейфующему судну, которое производило ремонт. Там я тоже планировал пополнить свои ряды добровольцами.

Спокойно приняв пищу в заметно оживившейся кают-компании, с новичками тут стало шумно, а то до этого было слишком малоллюдно, я кивнул Головизнину.

— Господа офицеры, — встал тот. — Прошу вашего внимания.

Мы уже закончили с завтраком, многие допивали чай, так что на командира крейсера сразу же было сосредоточено всё внимание. Лейтенант взял поданный мной список, это я вчера после водных процедур составил с помощью Лазарева, кого куда лучше распределять, уж тот своих людей хорошо знал. Так что Головизнин стал зачитывать список. Двоих, одного мичмана и одного штурмана торгового флота мы направляли на наш угольщик, а то Гранин, в принципе, как и командир «Отрока», совсем зашивался. Этого конечно тоже мало, но снимет много проблем. Кстати, пока оба корабля лежали в дрейфе весь прошлый день, к полудню, после окончания отдыха, прошли некоторые работы. Встав борт о борт с «Отрока» на наш угольщик были перекинуты три пушки. Две небольшие, противоминного калибра, и одна покрупнее, семидесятишестимиллиметровая. Запас боеприпасов тоже был передан, по два боекомплекта на каждую пушку.

Лазарев стал заместителем Головизнина, да ещё принял на себя всю артиллерию крейсера,

включая минные аппараты. Дальше уже распределяли людей без меня, назначая их на боевые посты. Даже сейчас, несмотря на малый ход, крейсером управлял один из кондукторов, так что вахтенные офицеры уже сейчас были нужны. Оба лейтенанта, а Лазарев своих знал хорошо, быстро раскидали людей. В принципе ещё сотню и экипаж будет насчитывать полный штат. А пока новичкам следовало освоиться на боевом корабле, некоторые никогда не ступали на их палубу. Не смотря на не хватку, Гаранину всё же тоже выделили немного людей. Про офицеров я уже сказал, однако ему так же дали ещё несколько десятков человек, кочегаров, механиков, и даже артиллеристов для тех пушек, что установили на палубе. Всего ему передавалось едва тридцать человек.

Когда распределение было закончено, оба корабля сбросили ход и на двух шлюпках пополнение со своими личными вещами было переправлено на наш угольщик. Кстати, угольные ямы «Отрока» вновь были пополнены. После установок пушек бункера были загружены углём из трюмов американца. Не полностью, там уже ночь наступила и «Отрок» направился к Шанхаю, но главное восполнили потери после прошедших схваток.

После этого мы двинули дальше. На обоих кораблях часто звучала учебная тревога, новички, как в принципе и основной экипаж, который так же слабо изучил крейсер, серьёзно стали его осваивать. Лазарев и на «Маньчжуре» командовал артиллерией, так что тему знал и за свою работу взялся со всей серьёзностью. Пока какие либо выводы делать рано, были всего лишь сформированы дополнительные расчёты, для тех пушек, что расчёты как раз не имели. Правда для противоминного калибра их так подобрать и не удалось, да и не старались, нам эти пушки всё равно ни к чему. Я вообще планировал их демонтировать. Вот так и проходило наше плаванье, даже обед пролетел как-то незаметно. Сам я тоже активно участвовал в учебном процессе, но в основном с казаками. Трижды мы сходились борт о борт с угольщиком. И ребята на практике показывали, как усваивали учебный материал. С каждым разом всё лучше и лучше, есть за что похвалить.

Дым на горизонте от работающих котлов лежавшего в дрейфе судна заметил один из сигнальщиков, он нам и сообщил через вахтенного офицера. Мы чуть было не проскочили мимо, так что, сменив курс, направились к судну Добровольческого флота. Там были частично разобраны машины, поэтому дать ход судно не могло. Максимум пару узлов, поэтому капитан судна и не пытался бежать, смысла не была. Как он мне потом объяснил, они испытали невероятное облегчение, рассмотрев на флагштоках обоих кораблей российские флаги. Раньше там висели самоделки, где нам в Японии русские флаги взять? Но после захода в Шанхай, канлодка поделилась с нами своими флагами. Так что у нас теперь даже запас был. На «Отроке» под ветром колыбался военно-морской российский флаг, как в принципе и на угольщике. Когда мы подошли ближе к ремонтирующемуся судну, то с его палубы, где толпились казаки, а там их было больше сотни, прозвучало хорошо слышное «Ур-ра-а». Кстати, эти казаки в бинокли и подзорные трубы тоже рассмотрели, что у нас на палубах есть их коллеги. А как же. Несколько казаков несли службу. Раз они теперь морская пехота, хоть и временно, то служба есть служба. Тут Жигарев распоряжался, так что часовые у арсенала и рубки стояли при полном снаряжении и вооружении, с винтовками на ремне. Часовые, а их на судне было трое на боевых постах, назначенных Головизниным, сменялись каждые четыре часа.

Команды обоих наших кораблей тоже приветствовали своих, махая руками или бескозырками, не многие казаки что отдыхали, фуражками приветствовали соотечественников. Интенсивные тренировки были пока закончены, чтобы дать людям отдых, вот свободные от вахты и высыпали на палубу. Ещё бы, такая встреча. Может кому-то она и показалась случайной и неожиданной, но кажется, командир крейсера что-то подозревал. Я ведь ему сообщил точные

координаты куда следовать. Так что он ожидал что-то тут найти, и вот нашёл.

— Лейтенант, — обратился я к Головизнину. — Сообщите на «Мариуполь» что я ожидаю у себя капитана судна Лажена и командира конвойной роты. То есть командира сотни подьесаула Елисеева.

Вот теперь подозрения лейтенанта переросли в уверенность в том, что я был в курсе местонахождения тут русского судна и знал кого тут встречу. Тот поспешил отдавать распоряжения, теперь с появлением офицеров он мог себе это позволить, а я неторопливо двинул к себе в каюту. Один из вахтенных матросов последовал за мной. На нём приборка каюты к скорой встрече офицеров.

Оба корабля уже сбросили ход, сделав круг вокруг лежавшего в дрейфе «Мариуполя», так же легли в дрейф. С помощью сигнальных флажков, они у нас появились тоже благодаря Лазареву, сигнальщики передали на ремонтируемое судно просьбу прибыть на борт крейсера названных людей и тоже легли в дрейф. С «Мариуполя» уже спустили шлюпку, так что достаточно быстро названные офицеры оказались на борту «Отрока». Правда, подьесаул был не один, его сопровождали двое офицеров, один был сотником, второй хорунжий. Остальные офицеры казачьей сотни остались на борту судна.

— Господа, присаживайтесь, — после того как Головизнин представил нас друг другу, указал я на стулья и небольшую софу, сам устроившись на своей койке. Мне тут удобно было, всех вижу.

Кстати, лейтенант удивился, когда я велел ему представить нас. Он был уверен, что мы знаем друг друга, все предпосылки к этому были. Двое других казачьих офицеров остались на палубе, общались с нашими офицерами из экипажа, получая от них самые свежие новости по местным боевым действиям, а то давно уже были оторваны от информации, можно сказать у них был информационный голод. Наши моряки им даже выдали немного потрёпанные самые свежие газеты, чтобы и другие могли почитать, когда вернуться обратно на борт своего судна. Правда, почти все они были на немецком или английском языках, но полиглотов на «Мариуполе» хватает, переведут остальным.

Что-то я отвлёкся. В общем, командир сотни был один, как и капитан «Мариуполя», они устроились на указанных местах, казак только шашку поправил, чтобы она не мешала. А вот Головизнин уходить не собирался, и устроился на свободном стуле. Его гложит любопытство, причём как я понял очень острое, он просто не понимал что происходит, ну а то, что я жестом не отправил его погулять, и позволило ему остаться. Раз не запрещают, значит можно.

— Прежде чем перейти к серьёзному разговору, хотелось бы узнать. Есть ли острые проблемы, которые нужно быстро решить? — поинтересовался я, прекрасно зная ответ.

— Ещё как есть, — кивнул капитан «Мариуполя».

Они с казаком вообще были ошарашены, когда узнали, что обоими кораблями командую я. Да, они обо мне уже не раз слышали, причём не только хорошее. Вон в Америке, откуда они шли, меня тоже начали поливать грязью. Политика, мать её. В общем, отношение ко мне было скорее настороженное, верить или нет. Так что я им дал с полчаса покрутиться в среде моих моряков, которые естественно информированы были куда больше, так что когда они после уточняющих вопросов прояснили себе некоторые моменты, например, узнали что большая часть команды, включая казаков, освобождена мной из японского плена, отношение ко мне стало постепенно меняться.

— Продовольствие и вода, — понимающе кивнул я.

— Откуда вы?!.. — изумился капитан.

— Это не трудно было просчитать. Я закупил в Шанхае продовольствия, не так много как хотелось бы. Но вам до Порт-Артура хватит, позволил слезть с урезанных пайков. Вы ведь туда идёте?

— Именно так.

— Хорошо. Сейчас лейтенант Головизнин, командир крейсера «Отрок», отдаст приказ и всё закупленное в Китае продовольствие на шлюпках будет отправлено к вам на борт. Включая бочонки с водой.

Не знаю, что делал лейтенант, но вернулся он в ту же минуту, явно не собираясь пропускать ни слова. Наверное, вахтенный матрос стоял за дверью, вроде мелькал там рукав форменной военно-морской куртки, и передал приказ, сразу же вернувшись. Особо я ничего сказать не успел, так что тот ничего не пропустил. Выяснив у капитана степень окончания ремонта, пообещав помочь механиками, у меня теперь их стало хватать, я свернул к своей теме. Мне нужны были люди. Подъесаула я попросил пока подождать окончания разговора с капитаном «Мариуполя», мол, потом и до него очередь дойдёт, так что тот сидел на полусофе и с интересом нас слушал. Естественно капитан был против, чтобы я забрал часть его команды. Причём большую часть, однако, я находил убедительные доводы, и тот всё же сдался, сказав, что отпустит только добровольцев. Видимо он был уверен, что их будет не так и много. Судя по усмешке казака, тот сомневался в этом.

Вот Головизнин был в сомнении. Он понимал, что моряки с торгового судна для крейсера не подходят, слишком долго переучивать, угольщик наш имеет в принципе полную команду и пополнения не требует, хотя и может её принять. Когда капитан после наших недолгих споров на миг замолк, обдумывая решение, лейтенант почти одними губами вопросительно шепнул мне:

— Зачем они нам?

— Перегонные команды, — так же тихо ответил я.

Судя по посветлевшему лицу лейтенанта, тому это простое объяснение в голову просто не приходило, так что он только кивнул. Тогда люди действительно были нужны. В общем, мы ударили с капитаном Лаженом по рукам, в прошлом потомок французов дал добро. После этого капитан с Головизниным вышли решать рабочие вопросы, их хватало, а мы с подъесаулом уже перешли к своим темам.

— Как вы оказались на «Мариуполе» я в курсе. Как я понял, вы должны по прибытию в Порт-Артур поступить под командование старшего казачьего войска, а дальше, какие приказу поступят. Я не военный, приказы вам отдавать не могу, однако прошу, до того момента пока вы не ступите на русскую землю, или где находятся русские представительства, временно отойти под мою руку. Обещать вам могу изрядных приключений, немало рубок на шашках, но главное, ваша задача это абордаж судов и боевых кораблей противника, возможные высадки десантом на вражеском берегу для совершения небольших, или больших диверсий. Со своей стороны могу обещать приложить все силы, чтобы потери были минимальны. Да я и сам просто не вяжусь в бой, если не буду убежден, что выиграю схватку.

— То есть, упустите противника? — удивлённо тот посмотрел на меня, пребывая в изрядной

задумчивости. — Не трусость ли это?

— А причём тут трусость? На мой взгляд, это обычная тактика летучего отряда, что вы не можете не знать. Такие группы как мой отряд как действует. Обнаружил цель, если она по зубам, атакует и уничтожает. Такие булавочные уколы наносят противнику потери куда больше, чем один крупный, но с нашим уничтожением. Ну потеряем мы корабли и что? Кто дальше будет наносить удары? Нет, нервировать противника, заставляя его перекидывать с места на место и так не многочисленные силы, вот наша тактика. Ресурсы у боевых кораблей японцев не бесконечны и угля они жрут дай боже, а они их гоняют всюду, где мерещатся мои корабли. Это не я сказал, один английский офицер с торгового судна, которое мы после досмотра утопили. Судно утопили, контрабанду вёз.

Говорил я всё тоже самое что и в своём глюке, тогда мне подъясаула удалось уговорить, причём не зря. Ребята оказались действительно отчаянные до беспредела и отважные. Позже я ни разу не пожалел о своём таком приобретении. Вот и в этот раз долго уговаривать казака не пришлось, как и в случае с канонеркой в Шанхае, всё решила скука, долгое плаванье через Тихий океан явно поспособствовало правильному принятию решения. Дальше после того как Елисеев дал своё согласие, мы уже решали рабочие вопросы. В общем, на время сотня в полном составе переходит к нам, благо лошадей как можно было ожидать, у них не было, ну а с проживанием решит Головизнин, проблем на борту с этим не было из-за нехватки экипажа.

Подъясаул ушёл, у него теперь было много работы, нужно всю сотню со всем имуществом перевезти на «Отрок», а я ополоснулся в тазике, освежившись. Кстати, появление казаков на «Мариуполе» можно назвать счастливым стечением обстоятельств. Грузовое судно находилось в Сан-Франциско, когда началось война. Намекну, оно там ремонтировалось. Там же стояла личная яхта одного из великих князей дома Романова, причём при нём была сотня казаков. Та самая, елисеевская. Князь был с официальным визитом, потому и такая охрана. Узнав о войне, тот начал снаряжать яхту для скорого отбытия обратно в Россию, когда его глаз зацепился за мирно стоявший «Мариуполь». Узнав, что тот как раз направляется в Порт-Артур, князь решил отправить свою сотню казаков трошки повоевать, тем более сами казаки как раз не были против. Так что он ссадил их и отбыл. «Мариуполь» так же почти сразу покинул американский порт, опасался интернирования, тем более груз в трюме был очень важен, снаряды для русских броненосцев и разная сопутствующая мелочь. В общем, на малом ходу, задействовав только часть котлов, судно отошло дальше по побережью и, найдя тихую и пустую бухту, встало на ремонт. От скуки, а стояли они там почти две недели, казаки охотой извели всю живность на берегу, пока, наконец, судно не было готово к выходу. Кстати, они не были оторваны от информации, как можно было бы подумать, переодеваясь в гражданскую одежду, один из офицеров прогуливался до ближайшего городка, где закупал, свежую прессу, так что более-менее были в курсе всего. Американцы о русском судне знали. Я про окрестных жителей. Именно они доставляли на берег к лодкам свежей продовольствие, фрукты-овощи. В общем, подзарабатывали.

Потом было долгое плаванье, трижды вставали у каких-то островков для ремонта, с частыми поломками была проблема, а там уже и произошла наша встреча. Так что встретили нас реально чуть ли не как спасителей. Вон, казаки со счастливыми улыбками прибирались к нам на крейсер. Жигарев, а он, кстати, казачий чин имел взводного урядника, со своими подчинёнными перешёл под руку Елисеева, войдя в сотню в качестве дополнительного взвода.

На месте стоянки «Мариуполя» мы задержались почти на сутки, что было в принципе не так и много. К счастью на американце нашлись нужные запчасти, именно их отсутствие и заставляло капитана Лажена так часто ложиться в дрейф для ремонта, в Америке нужные

детали они приобрести не успели, война началась. Часто приходилось глушить вообще все котлы. А тут получив нужные запчасти и целую команду механиков, за сутки основная неисправность была удалена, и судно встало на ход. Однако я всё равно не собирался его оставлять, так что «Мариуполь» отправиться куда шло, к Порт-Артуру. Тем более я дал Лажену карты подходов к Порт-Артуру как с нашими, так и японскими минными полями, чтобы тот не налетел на него, а там, на подступах его встретят. Пусть идёт ночью, и недалеко от берега. Служба дальнего обнаружения благодаря Макарову в Порт-Артуре сейчас работает как надо, так что действительно встретят и сопровождают. Ну а путь у берега обезопасит судно от возможной встречи с японскими миноносцами. Они там редко ходят.

После ремонта Лажен направил своё судно в сторону корейских берегов, кстати, его угольные ямы были пополнены благодаря нам, а то действительно остался только резерв, так можно и не дойти. Правда пополнили не так и много, просто запас увеличили, чтобы точно дошёл, если избежит встречи с японцами конечно. Естественно стоило бы его сопровождать, но у меня столько планов, и столько ребят, просто жаждущих, чтобы им дали повоевать, так что я займусь своей привычной и надо сказать уже любимой работой, диверсиями на коммуникациях японцев. В общем, буду ставить им палки в колёса. Между прочим, в своём рапорте, что я отправил через консульство Шанхая на имя Макарова, указал, что если ещё раз встречу конвой из англичан, идущих с контрабандами в сторону Японии, буду их топить. Даже если будет сопровождение, и его потоплю. Оборзели совсем.

Сам Лажен, когда мы в последний раз разговаривали, был устроен прощальный вечер в салоне «Отрока», выразил своё недовольство мне. По его мнению, мы его ограбили. Ну не ожидал он, что столько моряков согласится отправиться с нами. Из пяти офицеров, что находились на борту, со мной пошло четверо, включая старшего механика. Тот смог уйти. Мол, машины до Порт-Артура выдержат, а там можно найти другого механика, тем более помощник им был подготовлен, тот проследит за механизмами до самого пункта назначения. Причём все новички имели новенькую форму прапорщиков по Адмиралтейству и щеголяли в ней. Мои офицеры тут же встали в стойку и выяснили что на борту «Мариуполя» имеется в пассажирах самый настоящий портной, он следовал в Порт-Артур, причём не один, нет, не с семьёй, а с швейной машинкой и многочисленными рулонами ткани. Так как часть моих офицеров, из тех, что были в плену, изрядно поизносились и не имели смены, да и три штурмана из Шанхая тоже формы не имели, то смогли как-то уговорить портного перебраться на один из наших кораблей. Тот выбрал угольщик. Там ему комфортабельную каюту предоставили. В общем, деньги у команды были, я трофей распределил, так что портному сразу заказали несколько комплектов формы, и тот, сняв мерки, начал шить.

Что-то я отвлёкся. Капитан Лажен действительно был недоволен. У него числилось в команде пятьдесят три моряка при пяти офицерах, он был шестым. Четверо ушли ко мне, на борту остался сам капитан и его давний друг старший штурман, тоже пожилой, усатый как таракан мужчина. Ко мне ушла вся молодёжь. К тому же из команды перешло к нам тридцать матросов. Фактически чтобы перегнать судно к пункту назначения придётся оставшимся приложить немало сил, но в это было возможно. Мы все это понимали, однако люди мне действительно были нужны и я не мог не принять их.

В общем как стемнело, «Мариуполь» двинул в сторону Кореи, а мы как раз в сторону Японии, счастливо миновав боевую английскую группу из одного броненосца и нескольких крейсеров. Это они нас искали. Приказ английского адмирала был достаточно жёсток, найти русского пирата и покарать за нападения на английские мирные торговые суда.

Головизнину теперь не требовалось постоянно находиться в рубке, теперь у него были

вахтенные офицеры, поэтому проверив, что курс проложен правильно, его прапара прокладывали, он спустился ко мне в каюту.

— Войдите, — ответил я на стук в дверь.

— Разрешите? — проник тот ко мне в каюту, после разрешающего кивка. — Хотелось бы уточнить о ближайших ваших планах?

— Разочарую, лейтенант, план есть. Если надеешься, что будет морское сражение, то зря, первой у нас будет сухопутная операция, тут вся надежда на казаков.

— Что-то серьёзнее? — насторожился тот, внимательно меня слушая.

— Ещё бы. Японцы катают бронесталь для своих кораблей, а присадки для этой брони получают в одной шахте, надо сказать единственной на острове. Она находится не так и далеко от берега, в двадцати километрах. Задача казаков незаметно добраться до шахты, ночью пойдут, уничтожить охрану, а она там есть и, заминировав шахту, взорваться её. Необходимого металла у Японцев запасено не так и много, да и он уходит со свистом, так что потеря шахты сразу поставит их в тяжёлое положение. Придётся договариваться о внешних поставках, пока восстанавливают шахты, а это всё время, такое нужнее нам время.

— Серьёзное дело, — невольно присвистнул тот. — И нужное.

— Это так. Ладно, ко мне сейчас Елисеев с офицерами подойдёт, буду вводить их в курс дела, всё же у них меньше суток для подготовки. Высаживать будем завтра поздним вечером. Высадка на тебе, тоже готовься. Координаты высадки чуть позже сообщу.

— Ясно. Разрешите идти?

— Идите.

Не успел уйти командир крейсера, как раздался стук в дверь, казаки пришли, так что, впустив их, сразу стал водить их в курс дела, сообщив, что иду с ними. Кроме меня специалистов по Японии больше не было. Когда постановка задачи была закончена, я не мог не похвастаться перед специалистами своей коллекцией японских мечей, а те реально были ценителями, так что изучали мои мечи со всей тщательностью и даже восхищением. Были там старые и ценные экспонаты. Сотник даже предложил провести спарринг со мной, выяснив, что я каждый день провожу тренировку, чтобы не потерять форму. С казаками я уже тренировался, вполне неплохой уровень владения шашкой, однако сразиться в учебном бою с офицером тоже был не прочь.

Оказалось Елисеев тоже увлекается коллекционированием холодного оружия. Сам он свою коллекцию продемонстрировать не мог, осталась дома в родной станице, но как эксперт выступал достаточно грамотно, не смотря на то, что в России японское оружие и культура были слабо изучены. По японскому он действительно не был особым знатоком, хотя с его слов пара катан в коллекции у него имеется, но пояснить многие моменты другим офицерам мог. Именно он, узрев у меня очень древнюю вакидзаси, не мог её просто выпустить из рук, буквально возжелав, тут же став предлагать что-то на обмен из своей коллекции. Ага, сейчас. Это был подарок, мне его подарил старый мастер меча, с которым я общался, проживая в Токио. Подарок тем и ценен, что был памятным.

Подъесаул очень расстроился, но я успокоил его, японцев, что носят при себе семейные реликвии, хватает, глядишь и повезёт в предстоящей боевой операции, отчего тот воспрял

духом. Закончив хвастаться своими приобретениями, я отправил казаков отдыхать и готовиться к будущей высадке, им ещё предстоит изучить английские винтовки, на которые должны перевооружиться, к ним патронов было много, и три пулемёта, которые я планировал взять с собой.

Нам пришлось следующий световой день держаться подальше от японских берегов, лишь провожая дымы транспортных и грузовых судов на горизонте огорчёнными взглядами. Столько целей и уходят. Перед операцией так светиться не стоило, это уже потом можно тут поработать. Судя по совершенно спокойному и беспечному движению, о прошлых наших рейдах успели подзабыть. Лично я тут не работал, а вот Эссен да, повеселился. Что ж, восстановим статус кво, но главное с шахтой разобраться, я на неё давно нацелился, да всё руки на доходили.

Место высадки нами уже было присмотрено, так что как начало темнеть мы двинули к берегу и подошли к нему уже когда окончательно стемнело, практически в полночь. Сам я был в своей привычной и уже разношенной форме японского флотского офицера, так что, спускаясь по трапу в шлюпку, его придерживали двое моряков, чтобы не мотало, что-то волнение поднялось, мне это не нравилось, придерживал длинную саблю. Однако ничего на восьми шлюпках, тут и с «Американца» плавсредства были задействованы, работая веслами, двинули к берегу. Название угольщику я не давал, просто его так привыкли называть американцем, что это стало названием, вот я и решил оставить всё как есть. Гаранин даже приказал боцману сменить название на судне, закрасив старое на борту

Так вот, задействовали так же дополнительные лодки, чтобы одним заходом высадить всю ораву казаков, включая десяток моряков и минного офицера, они отвечали за взрывчатку и несколько снарядов, что мы взяли с собой, так как этой самой взрывчатки было маловато. Вот и усилим подрыв снарядами. Носилки чтобы её переносить, часть боезапасов, и главное пулемёты, расчёты тоже были из моряков, были сделаны заранее, так что разгрузившись, а высадка прошла на удивление нормально, бухта тихая и никто не замочился, мы проверили амуницию и, выслав вперёд легконогих разведчиков двинули следом. Пока всё прошло нормально. Лодки сейчас возвращаются обратно, оба корабля отойдут от берега как можно дальше, то есть за пределы видимости и станут нас ожидать. Сигнала на возвращение не было, я назначил время нашей встречи, к нему крейсер и должен вернуться к берегу. Причём не сюда, место встречи было назначено совершенно другое. Там уже таится нам не потребуется.

Шли мы спокойно, дорога, на которую нас вскоре вывели разведчики, была совершенно пустынная. Ветер крепчал, похоже, я был прав, наступала не погода, которая нам вполне могла помешать, что совершенно не хотелось бы. Вот таких размышлениях и я шел, когда вернулись радостные разведчики. Чуть дальше ими была обнаружена корчма, как они её назвали на свой лад. Но это действительно оказался не такой и большой постоялый двор. Причём отнюдь не пустой. Самое главное там были лошади и даже повозки. Так что полусотня под руководством сотника Евстигнеева, окружив корчму тихо вскрыв ворота, стала проникать внутрь. Без шума, конечно, не обошлось, когда казаки ворвались внутрь здания, даже раздалось несколько выстрелов, к счастью с нашей стороны обошлось без убитых, но это позволило нам добыть транспорт. Пока груз что мы несли на плечах и на носилках укладывались на повозки и запрягались лошади, четырех конных казака сразу же поскакали разведывать дорогу, я допрашивал хозяина постоялого двора и некоторых их постояльцев. Мимо, никого с шахт тут не было. Нет, сам хозяин не раз принимал постояльцев, что работали на шахтах, но ничего конкретного, что нам было нужно, не знал. Придётся искать другие источники информации. На постоялом дворе мы оставили тройку казаков, они под утром должны были на одноконной

пролётке догнать нас, а пока пусть присмотрят за всеми пленными. Кстати, убитых действительно не было ни с той стороны, ни с нашей. Раненые имелись, один казак получил рану в ногу, ножевую. Пехотный офицер из пленных лежа полоснул ножом. Вот у японцев было их с десятков, в основном штыковых, не смотря на то, что английские винтовки парнями были плохо изучены, работали они с ними вполне уверенно.

Кстати, Елисей привязал к седлу коня, который ему выделили, сразу три катаны и одну выкидзаси, не считая ножей. То есть, судя по его действиям, он серьёзно собирался меня переплюнуть, набрав большую коллекцию японских мечей. Другие офицеры в принципе были обделены похожими трофеями. Кроме как личным оружием взятых в плен офицеров, их тут аж шестеро оказалось, особо ничего больше не было. Кто-то скажет, что не правильно, бесчестно лишать офицеров их родового оружия, но тут была причина так поступить. У одного капитана — артиллериста, похоже, ветерана, что заканчивал лечение в госпитале, явно собираясь возвращаться в Корею, оказалась казацкая шашка. Причём именная. Обнаружив её, казаки этого капитана чуть не порвали, отметилили знатно. Оказалось, этот казак им был известен, отчаянный рубака. Вот и лишили в отместку японцев всех мечей за это дело. Только одна катана досталась сотнику. Елисей её осмотрел и, скривившись, отдал своим офицерам, новодел, причём не очень хорошего качества. Кстати, ту шашку он себе забрал, планировал позже родственникам бывшего хозяина отправить.

Дальше мы уже двигались ускоренным маршем и к двум часам ночи прибыли на место. Разведчики, отправленные нами вперёд, уже частично облазили подходы к шахте, и выявили огневые точки. Пулемётов и тем более пушек тут не было, так что оставив наши средства передвижения не далече, сотня сделал марш-бросок к позициям, что уже начали готовить разведчики и стали разворачивать пулемёты. Небольшие группы казаков, пользуясь полной темнотой, фактически на ощупь двинули к казармам рабочих и охраны, остановившись у ограды. Не совсем понятно, что где было, где шахтёры жили, а где охрана. Только с отдельным домиком было понятно, наверняка там офицеры проживали и начальник шахты. Для вышек уже были выделены лучшие стрелки. Там часовые маячили, как разведчики доложили. Источники света на территории лагеря были, несколько фонарей, да ещё масляных.

Как только всё было готово, я тихим шёпотом приказал лежавшему рядом бородатому казаку, выделенному мне Елисеевым посыльному:

— Ахмед.

— Поджигай, — прохрипел тот в сторону двух матросов, стоявших метрах в десяти от нас.

Там чиркнули кремнем, поджигая трут и загорелся бикфордов шнур, до того как часовые подняли тревогу, а они заметили в стороне несколько огоньков, в небо шипя стали подниматься две яркие осветительные ракеты, взятые нами из корабельных запасов «Отрока». Стало практически светло как днём, но это ненадолго, поэтому моряки готовили следующие ракеты. Рядом стоял целый ящик с ними.

Сам я лежал за одним из «Максимов» установленных на пехотном станке. Будучи самым опытным и повоевавшим пулемётчиком из всех кто с нами был, было естественно, что я возьмусь за рукоятки пулемёта. Дальше я операцией не командовал, моё только отдача сигнала к началу, дальше поддержка казаков. Поэтому когда ракеты взлетели, щуря глаза, они ещё не привыкли к свету, не адаптировались, я чуть опустил ствол, мы находились на вершине холма, а казармы чуть в низине и, дав короткую пробную очередь на уровне живота стоявшего в казарме человека, стал короткими очередями дырявить ближайшее строение. Они дощатые были, пули пробивали без проблем. Там наверняка сейчас паника, так что мои пули жертвы

всё равно найдут. Подготовились мы знатно. Второй пулемёт работал по второй казарме, а третий находился в резерве, на случай внештатной ситуации. Она наступила, как раз когда сигнальщики пустили в небо третью пару ракет, из второй казармы выхлестнулась полуодетая толпа японских солдат. У меня оставаясь патронов десять в ленте, так что я выпустил их по толпе и стал перезаряжаться, второй расчёт как раз этим занимался. А вот третий наоборот радостно застрочил, выбивая у японцев целые бреши. Да и казаки что подобрались к ограде и там залегли, зачастили выстрелами, выбивая солдат охраны. По моим прикидкам их тут было около роты. Серьёзная охрана. Да и сведенья у меня оказались несколько устаревшими, всё же, как позже выяснилось, у роты было два пулемёта, только вот задействовать их японцы не успели и те попали в наши трофеи.

Как оказалось, я поливал огнём казарму рабочих, так что сразу как это выяснилось, прекратил по ней огонь. После перезарядки я огня не открывал, уже не требовалось, любое шевеление, кроме площади у казармы, где стонали и кричали раненные, стихло, вперёд двинули казаки. Хорошо двинули, прикрывая друг друга, поглядывая по сторонам. Ракеты ещё были, так что они видели что делать. В казарме охраны пришлось немного пострелять с ранеными, у нас тоже два появилось, но ничего, разоружили всех, после чего минёры двинули к шахте. Там тоже была охрана, но её сняли разведчики с началом боя, именно там и обнаружился первый пулемёт в капонири с мешками с песком. Второй был чуть дальше, позиция на холме, много что перекрывала. Повезло, что разведчики хорошо сработали и японцы не смогли открыть огонь, а то мы бы двумя убитыми не обошлись. Последние были из тех, кто плац у казарм зачищал. После этого пленных казаки уже не брали, взбешены потерями были.

Минёры сразу стали минировать, углубившись в шахту. Чуть позже казаки при обыске построек нашли в отдельно стоявшем сарайчике, он был далеко от построек, запасы динамита. И дело пошло веселее и быстрее. Пока парни собирали трофеи, перевязывали раненных, в этот раз были и убитые, двое, раненные японские солдаты, всё равно продолжали стрелять. Уважаю.

Сам я бегал то наблюдать за погрузкой, тут тоже лошадей и повозки добыли, то за минированием, старясь не лезть мичману Карташову под руку. Парень опытный, это видно, мои советы, конечно, принимает, но и свой ум имеет.

Когда мы удалились от шахт за километр, земля дрогнула и за спиной не ярко полыхнуло.

— Хорошо долбануло, — пробормотал я.

— Там была разветвлённая сеть шахт. Пришлось подумать, чтобы взорвать всё разом, — сказала стоявшая рядом тёмная фигура голосом мичмана Карташова.

— Это вы, мичман, молодец. По возвращению обязательно напишу на вас представление к награде. Не только на вас. На многих участников этой операции. А теперь уходим. Время в запасе есть, однако поспешим. У нас скорая встреча с «Отроком».

Тем не менее, мы как шли так и шли, взрыв на не помешал, да оборачивались на ходу, комментируя увиденное, но не более. Раненные, а их было шестеро, передвигались на повозке, там же были тела погибших. Те, кому повозок не хватало почти бегом шли за ними. По времени, мы не то что не успевали, шли с опережением графика. По пути к нам присоединилась та тройка, что охраняла постояльцев. Уже светать начало, так что вовремя. Доложились они своему командиру, а уже подьесаул мне. Там тоже норма, как время подошло, оставили всех пленных связанными, и двинули на наше соединение.

По плану, мы к обеду должны выйти в бухту, где располагалась рыбацья деревушка, захватим

её, сил для этого более чем достаточно и будем ждать полхода «Отрока». Глубины тут у берега приличные, тот может близко подойти. Однако благодаря внезапному появлению транспортных средств время стоило бы подкорректировать. К деревне теперь мы выйдем утром. Придётся подождать наших.

Что меня привлекало в этой деревушке, так это то, что не смотря на её малые размеры, там находились склады. Не сказать что большие, но в нашем случае приличные. Торговцы доставляли морем товар, дальше уже по земле развозили по всем окрестным деревням. В основном это был рис. Но можно было что-то ещё найти. Вот это продовольствие я и собирался прихватить. В принципе пока у нас с ним проблем нет, но именно что пока, по примерным прикидкам Головизнина, что затеял проверку, у нас этого продовольствия, с учётом новичков едва на неделю. Стоит пополнить. Тем более пресной воды было дня на три, а у деревушки имелась пресное озеро с родником, тут многие воду пополняли. Конечно, грабить деревенских, а тут как не посмотри всё так и есть, не хорошо, но делать нечего. Если встретим какое судно с нужным нам грузом, заберём, а пока нам и со складов риса хватит. В принципе утешал я себя зря, как выяснилось, склады были пустые, рановато мы прибыли, следующая поставка должна была состояться дня через три. Ну да ладно. Зато на другой сюрприз нарвались.

Уже полностью рассвело, поэтому редкие встречные были шокированы, глядя на спокойно, но всё же быстро идущих вооруженных русских солдат. Причём, как выяснилось, не все могли разобраться в национальной принадлежности, поэтому заметив меня в японской офицерской форме, робко старались узнать, что это за подразделение, или не старались и проскальзывали мимо, видимо принимая за союзников. Любопытным я отвечал, что это английские кирасиры и прокатывало. Я не совсем опытный всадник, но старался соответствовать, тем более вон сколько наставников, так что учился. Я вообще всегда стараюсь научиться хоть чему-то.

До берега оставалось не так и много, мы уже сошли с местной центральной дороги, на которой стоял тот постоянный двор, на более узкую, хоть и тоже неплохо укатанную, когда я заметил возвращение одного из разведчиков. Те верхом передвигались. Тот доложил подъесаулу, а вот уже он с явно встревоженным лицом направился ко мне. Сам Елисеев в это время распекал хорунжего, что командовал авангардом, там порубили двух японских офицеров, что передвигались в двуколке, те и сами виноваты, за оружие схватились, но можно было это сделать более тихо. Хлестнул одиночный выстрел, вот подъесаул и помчался разбираться, всё же я приказал идти в полной тишине. Не на своей земле идём. К счастью вокруг населённых пунктов не было и этот выстрел остался незамеченным.

— В бухте у деревни японский миноносец стоит, — выдохнул тот, натягивая поводья рядом с двуколкой, на которой я ехал рядом со своим готовым к бою пулемётом.

Казачи уже вполне уверенно разбирались в типах военных кораблей, так что сомнений у меня не было, сказали миноносец, значит действительно миноносец. Только что он тут делает? Никаких подготовленных мощностей в деревне не было. За водой зашёл? Вполне возможно.

Видимо я задал этот вопрос вслух, размышляя, поэтому услышал предположение от Елисеева:

— Может, отдыхают?

— Может, — задумчиво ответил я. — А разведчики что?

— Как увидели миноносец, сразу выслали сообщение, чтобы мы не входили в деревню. Она тут рядом, обойти тот холм и можно спуститься к ней. В трёх километрах.

— Сотня стой, — скомандовал я. — Пока не будут точные разведданные, подождём. Если что,

нас «Отрок» поддержит, подождём его. А пока усильте разведку, при возможности нужно выкрасть жителя деревни. Я хочу знать, что японцы тут делают.

Офицеры были у Елисеева опытные, сотня сошла с дороги, устраиваясь на отдых, были выставлены наблюдатели, секреты, даже пулемёты сняты и поставлены на главные направления, чтобы прикрыть на случай внезапной атаки. Наблюдатели были вооружены биноклями и контролировали окрестности. С десятков казаков, под командованием опытного урядника ушли к деревне. Там овраг был удобный. По нему можно легко и незаметно добраться до деревни, даже днём. Лишь бы на деревенских мальчишек не нарваться, деревня хоть и небольшая, на три десятка домов, а их всё же хватало.

Долго ждать не пришлось, буквально через сорок минут два казака по оврагу притащили к нам первого языка, паренька лет шестнадцати, из местных. Мы в это время тоже зря не теряли, дорога к берегу была хоть и малохоженой, но всё же движение на ней было, вон, перехватили местного торговца, что как раз скупал товар на берегу и развозил его по другим деревням. Секрет его остановил и спеленал, отправив к нам. Сам пожилой торговец нам без надобности, так что загрузившись на крейсер, оставим тут, сам развяжется, или помогут.

С языком я общался недолго. Тот особо не скрывал ничего, с удивлением нас размаривая, так что выпытывать у ровесника ничего не пришлось, действительно без пыток обошлось, хотя сотник и начал готовиться, оказалось он в этом дока был.

— И что он сказал, командир? — поинтересовался Елисеев, который всю мою беседу с молодым рыбаком простоял рядом.

— Это не из-за нас. Ночь помнишь ветренная была, когда мы шахту брали?

— Ещё бы.

— А на море сильное волнение, для миноносца это серьёзное препятствие, тем более старого проекта. Третий класс. Рухлядь. Японцы их для береговой службы используют.

— Как называется?

— Названия нет, номерной. Французской постройки... Хм, а что если нам захватить его? Правда боевой ценности он не представляет, да и минные аппараты имеют другой калибр по сравнению с «Отроком», то есть фактически одноразовый, но можно что-нибудь придумать.

— Позвать ребят, чтобы описали, где тот стоит и как?

— Не требуется, от рыбака уже всё узнал. Хотя нет, зови, уточню кое-что...

Захват миноносца прошёл на удивление просто. О том, что был взрыв на шахте, да и о нас, тут не подозревали, не дошли ещё слухи, мы всех посыльных перехватить успели, трое связанных в одной из повозок лежат, в другие стороны слухи пошли, а в эту благодаря нам нет. Миноносец имел не большую осадку, так что спокойно покачивался у пирса, где обычно стояли рыбацьи баркасы, джонки или грузовой лихтер. Местным ещё повезло, не у всех были такие склады на берегу, соответственно и не до пирса им, вытащил джонку на берег и нормально.

Строй в три десятка казаков, что шёл по дороге к берегу, привлек, конечно, внимание местных, но поглядывали без узнавания, рыбаки просто не знали кто мы. Часовой на пирсе у борта корабля забеспокоился. Но было поздно, слишком близко он подпустил неизвестный воинский

отряд. Ещё и английские винтовки его с толку сбили, у самого на плече такая же висела. В общем, выстрел, что снял часового, и казаки, бегом преодолев оставшееся небольшое расстояние, стуча сапогами по доскам настила пирса, взяли корабль на abordаж, сразу же заняв на палубе оборону, пока остальная сотня, цепью, появившаяся на холме, прочёсывала деревню. Большая часть экипажа была на берегу, в единственной и небольшой корчме обнаружилась, так что особо искать их не пришлось. Разве что двоих из постелей вдов рыбаков вытащили. Капитан миноносца спал в своей каюте, там его и обнаружили, разбуженного и как раз встающего.

Склады действительно были пусты, как мне доложил возбуждённый и радостный Елисеев, захват миноносца в зачёт сотни пойдёт, поэтому всех пленных отправили туда, даже тех, что по дороге перехватили. То, что склады пусты, я знал, парнишка-язык сообщил. Посмотрев на миноносец, к нам как раз подкатил караван повозок, где командовал мичман Карташов, указал ему на японца и приказал:

— Принимайте командование.

— Есть, — козырнул тот, блеснув глазами. Всё же это был его первый корабль с самостоятельным командованием.

Казаки повели пленных к складам, а мичман, забрав всех подчинённых, вместе с ним их было девять, и стал изучать миноносец, распределяя людей по местам. Плохо в том, что машинной команды у него не было, все моряки были минёрами, с минными аппаратами быстро разобрались, с тридцатисемимиллиметровыми пушками тоже, а вот в машинном отделении, мичману пришлось самому спускаться и на примере показывать, как закидывать уголь в топку и держать давление.

В деревне Елисеев командовал, а когда заметили дым на горизонте, мне сразу сообщили, по времени это как раз должен был быть «Отрок», я направился причалу, пройдя на палубу боевого корабля. Вахтенный, он уже был тут, сообщил командиру корабля о моём прибытии и Карташов, что с помощниками изучал запасы на борту, тут же выскочил наружу:

Выслушав доклад, я кивнул и, осмотрев миноносец, спросил:

— Ну как вам приобретение?

— Честно, командир?

— Валяй, выкладывай.

Мои странные и не знакомые словечки у местных уже в притчу вошли, даже ожидали, что ещё такое я выдам, но в этот раз мичман на незнакомое слово не обратил внимания, главное понял его смысл. Тот начал описывать состояние миноносца, упирая на его боевую ценность.

— Да всё понятно, рухлядь. Если не утопит противник, сам утонет. В принципе нормально. Я решил использовать миноносец в разовой акции. Сейчас подойдёт Головизнин, с него вам передадут механика и несколько кочегаров. Я уже опросил команду и от одного из офицеров, узнал, что больше двадцати узлов это корыто не даёт, но больше нам и не надо. Где-то тут рядом в районе Коти находится «Такао», крейсер береговой обороны и вот что мы сделаем...

«Отрок» в этой операции, к сожалению не участвовал. Не моему сожалению, а экипажа и

особенно командира, но тут я был не приклонен. Командир «Такао» был достаточно осторожен и опытен, мог и не связываться с нами, а уйти под прикрытие порта Коти, где имелись береговые пушки. Немного, но всё же, для нашего бронепалубного крейсера вполне хватит. Если попадут, конечно, однако так рисковать я не собирался.

«Отрок» подошёл к берегу как мы и договаривались, в двенадцать дня. Конечно, Головизнин насторожился, обнаружив в бухте миноносец, но отметив, что мы спокойно ходим и ожидаем на берегу, двинул ближе. Правда, всё же спустил одну шлюпку, пустив её вперёд, чтобы проверить. Разобравшись и убедившись, что мы действительно захватили старый миноносец, тот стал помогать в погрузке. Часть экипажа на лодках с бочками отправились за водой. Скоро с запасами пресной воды станет сложно, вот и решали всё на месте.

Возникла проблема лишь с Елисеевым и его сотником. Среди трофейных лошадей оказались настоящие произведения искусства и даже в России такие кони стоили очень дорого. Ну не могли профессиональные лошадики их бросить. В общем, с некоторым трудом, под возмещённое лошадиное ржание, под скрип зубов командира корабля, их подняли на борт. Тот и согласился только потому что казаки обещали что сами будут убирать за лошадьми и кормить их. Корм на пару недель набрали, небольшой запас был у одного местного рыбака из обеспеченных. Вернее ранее был, реквизировали с началом войны на нужды армии, а запас корма остался, вот его и взяли. Я лишь посмеялся на их просьбу и махнул рукой, не став препятствовать.

Однако это всё была обычная суета. Команду миноносца пополнили, так что оба боевых корабля покинули бухту и быстрым ходом двинули в сторону Коти. Если «Токао» и укрывался от ночной непогоды, то только там. План мой приняли и одобрили, никаких возражений я не встретил. Тут или профессионализм мой растёт, или что более вероятно, авторитет мой был столь высок, что возражать молодые офицеры просто не смели. Да, думаю второй вариант более верный, судя по их поведению. С каждой удачной операцией этот авторитет мой рос как на дрожжах, даже я это замечал.

Проблема с началом операции была мелкой. Дело в том, что с рассветом, «Американец» с моего разрешения отправлялся в свободное плаванье, его задача поработать на транспортных коммуникациях противника, топя всё, что держится на воде, а именно на наш угольщик и я планировал возложить всю тяжесть предстоящей операции. Конечно же, старый крейсер береговой обороны на ситуацию в этой войне погоды не сделает, никакой славы от его потопления не будет, корыто оно и есть корыто, однако всё же некоторую ценность для нас он имел, а именно достаточно современное вооружение, полученное после последней модернизации. А это четыре мощных крупновских стопятидесятидвухмиллиметровых пушек, шесть пулемётов и два торпедных аппарата схожих по калибру с теми, что стоят на «Отроке». Почему-то эти аппараты все военные моряки, большинства стран ставят на всё, что может держаться на воде. Ещё была пара сорокасесимиллиметровых пушек, но особого интереса они для меня не представляли. Помимо пушек, был солидный запас боеприпасов. Мне чем-то нужно было вооружать свои будущие вспомогательные крейсера и это то, что нужно. Продолжать разоружать «Отрок» не хотелось. С одного «Такао» вооружения хватит, чтобы снарядить два вспомогательных крейсера, даже на третий что-то останется. Головизнин только пушки успел передать, хотя я велел так же снять и переправить на «Американца» один однотрубный минный аппарат с бывшего «Талбота», с запасом мин, но уже не успели, с пушками провозились. Думаю, по одному аппарату на каждый вспомогательный крейсер будет нормально. Всё же тут большее значение имеет скоростные характеристики и палубная артиллерия. Мины пойдут лишь для того если потребуется быстро потопить какое грузовое судно, на случай быстрого бегства или крайней нужды.

Где занимается крейсерством «Американец» мы знали, так что шли в нужную сторону. То, что Гаранин активно работает, было видно. Сначала нам встретились обломки и шлюпка под берегом полная людей, а чуть позже отметив несколько дымов, обнаружили и «Американца». Тот стоял в паре кабельтовых от американского судна в пределах видимости с берега, сейчас на борту производился досмотр. Не повезло, даже я видел, что судя по осадке, судно пусто. Что ж, не пойман не вор. Пришлось отпускать. Американец на полном ходу стал улепётывать, а я когда мы подошли к нашему угольщику, вызвал к себе Гаранина. Пока мы общались, часть казаков перебралась к нему на борт. А то я так подготавливался к операции по уничтожению шахты, что «Американец» пошёл работать на японские коммуникации без абордажной команды, часть экипажа для этого была задействована, что не есть хорошо.

Тот внимательно выслушал план операции, даже сделал пару конструктивных предложений. Вполне легко принятых мной, действительно дельные советы, после чего тот отправился обратно на свой корабль. Мы уже всё обговорили и теперь всё зависит от мичмана. Кстати, он доложил по успехам в своей работе. За полдня, а тот вышел на коммуникации с рассветом, они потопили шесть рыбацких джонок, позволив командам добраться до берега, потом каботажную шхуну, как я понял это были её обломки и шлюпка под берегом, и вот встретился нормальный пароход, да и тот пустой американец. На этом всё. Ещё хотелось бы добавить. Запасы динамита принадлежавшее шахте мы использовали не все, довольно солидный запас привезли с собой, вот его часть и была отправлена с казаками. В случае если на встречном иностранном судне будет обнаружена контрабанда, задача подорвать судно, не тратя и так небольшой запас артиллерийских снарядов.

Карташов с Гараниным разыграли всё как надо. Юркий и не сказать что быстрый миноносец, маневрировал под градом снарядов, проходя в пределах видимости Коти, а за ним шёл наш вспомогательный крейсер, скоростные характеристики которого вполне позволяли держаться за кормой японца. На миноносце развивался японский флаг, так что сомнений у наблюдателей на берегу, чей этот корабль, не было. Да и знали они его, тоже часто в Коти заходил. Уловка сработала, когда группа актёров уже почти скрылась за мысом, из порта показался идущий на всех парах «Такао». Да и команда миноносца смогла сманеврировать, обогнув вспомогательный крейсер русских стороной, и рванул навстречу японскому крейсеру береговой обороны явно собираясь уйти под его защиту. Вот только проходя мимо идущего на встречу «Такао» миноносец вдруг вильнул и почти в упор выпустил торпеду. Это было так неожиданно для японцев, что они не сразу среагировали, хотя команда и суетилась у пушек, готовясь открыть огонь. Торпеда попала в нос крейсера, вызвав обширные затопления. Вот тут началась паника, подстёгнутая четырьмя пулемётами с миноносца, что выбивала команду старого корабля. От полного затопления «Такао» спас «Американец». Тот быстро, но спокойно подошёл к борту тонущего крейсера, подойти к орудиям японским канонирам не давали пулемёты миноносца, и с помощью крепких тросов дал возможность старому кораблю пока остаться на плаву.

Казаки стали быстро зачищать крейсер, перегоня пленных на палубу нашего угольщика, устраивая их на корме, и матросы, мы усилили Гаранина сотней с «Отрока», уже работали на палубе японца, демонтируя все орудия, и торпедные аппараты, через люки на палубу подавался боезапас. Уже длинные сигары мин стали подавать. Это хорошо, уж они точно пригодятся. Часть казематов было затоплено, но наши моряки в ледяной воде доставали снаряды и всё равно подавали их наверх. «Американец» серьёзно кренился, тросы скрипели натянутые как струны, с трудом удерживая «Такао», который полностью потерял плавучесть, однако за три часа авральной работы, всё что можно было снято и тросы перерублены. «Такао» камнем пошёл на дно. Глубина тут была значительная, так что остов затонувшего крейсера, мешать судовождению не будет.

К этому моменту и мы уже подошли. Когда произошёл захват «Такао» наш крейсер подошёл к берегу у входа в порт Коти и открыл по порту артиллерийский огонь. С берега таякала батарея, мы по ней тоже отстрелялись, хоть и не попали, но пожары в порту были видны невооружённым взглядом. Смысла обстрела этого порта не было, кроме психологического, мол, русский флот продолжает наносить внезапные удары. Да и видно было, что мы сделали с их крейсером береговой обороны, то что миноносец теперь тоже наш и так стало понятно. Кстати, флаг на корме уже был заменён на наш.

Вот так дальше танцуя под обстрелом береговой батареи, мы оттянулись подальше от берега и направились к Гаранину и Карташову. Палуба угольщика была буквально забита разным имуществом и вооружением. Часть уже спускали в один из трюмов, он был пустой, чтобы освободить палубу. Задержались мы на месте схватки ненадолго, я лишь передал Гаранину список вооружения, что он может монтировать у себя, остальное для вооружения следующих вспомогательных крейсеров. Ну и сотню моряков с «Отрока» вернул, они нам тоже нужны. Ничего особого в списке вооружения не было, установить перед ходовой рубкой одно стопятидесятидвухмиллиметровое орудие, там палуба как раз была подготовлена для установки таких орудий. Верне ста двадцатимиллиметров, но думаю и этот монстра выдержит, Гаранин в этом тоже был уверен. Ещё установить минный аппарат, хватит одного и усилить бортовое вооружение тремя пулемётами из последних трофеев, а то всего один был. Ну и миноносец, раз остался цел, пусть сопровождает. Будет загонщиком.

Дальше мы разделились, пара «Американец» и миноносец пошли вдоль берега в сторону провинции Кагосимы, дойдут и повернут обратно, на крейсерство я им дал два дня, назначив точку встречи. Ну а мы двинули в сторону Токио. Наша задача была не только досматривать иностранные суда, и топить, если там была контрабанда, но и топить всё что имело японский флаг. В общем кошмарить эти воды. Однако главная задача была не в этом, главная задача подобрать пароходы пригодные для использования в качестве вспомогательных крейсеров. Желательно радиофицированные как «Отрок» и «Американец». Да, у нас в наличии всего лишь три радиста, один военный моряк, двое из пополнения с интернированных в иностранных портах судов, но и это хлеб. Двое ушли с Гараниным. Один, тот, что военный моряк, устроился в радиорубке крейсера. Я часто посещал его рабочее место, если тот слышал в эфире переговоры на японском. Английский тот плохо-плохо знал, в принципе справлялся сам, а вот японские переговоры давал слушать мне. Это помогало, именно так мы к вечеру на второй день рейда вышли на стоянку двух грузовых японских пароходов, с открытого океана их не было видно. Высокий мыс защищал, а топки были потушены, чтобы мы их по дымам не обнаружили. Весть о нашем появлении уже пронеслась на тот момент по побережью, вот они и прятались.

После того как дымы из труб кораблей Гаранина и Карташова скрылись за горизонтом, нам повезло наткнуться на первого японца. Это был старый пароход каботажник, что густо дымил, пытаясь уйти от нас. Сперва капитан не распознал кто мы, а когда повернул к берегу, да было поздно. После пары холостых выстрелов, капитан судна предпочёл лечь в дрейф и принять на шлюпке досмотровую команду. Тут нам повезло. Мало того что капитан хоть и плохо, но уверенно изъяснялся на английском, так ещё трюм его был полон продовольствия. Не думаю что груз в Корею, чистый береговик и речник, скорее всего местные поставки. Помимо риса на борту было много чего, включая даже консервы с заводов Циндао. Немцы их гнали. Редкость конечно, но нам всё сгодится. В общем, крейсер подошёл к борту старого трампа. Тоннаж судна едва до восьмьсот тонн дотягивал, но это не помешало нам забрать половину груза. Забив им все кладовые и часть крохотного трюма. В общем, эта проблема была частично решена, после чего команда была на шлюпках отправлена к берегу, а судно подрывными зарядами отправлено на дно. Пришлось казакам, а тут они учились под моим приглядом

минировать, выдавать по моряку, чтобы знали, куда закладывать их, чтобы судно быстро пошло ко дну с минимальным количеством зарядов. В общем, казаки на ходу постигали эту науку.

Чуть позже нам встретилось сразу три грузовых судна. Одно японское, что шло немного впереди группы из двух английских, но главное гружённое, очень уж низко оно сидело. В моих гляках эта встреча тоже была. С «Такао» нет, это уже моя импровизация, но с этой тройкой в гляках я встречался, правда, тогда я не отпускал Гаранина в свободное плавание старшим, и он сопровождал нас.

Когда меня вызвали в рубку, я на корме с казаками продолжал заниматься, то взяв бинокль и сразу определив кого вижу, быстро скомандовал, вахтенному офицеру:

— По японцу не стрелять, только по курсу. Боеприпасы для полевой артиллерии японских войск в Корею везёт. Не хватало ещё, чтобы он рванул вблизи нас. Дать выстрел и сигнал флагами, чтобы японец остановился. Потом приказ команде покинуть судно.

В принципе по кораблю уже звучала боевая тревога, так что все занимали свои боевые посты, вот и рубка пополнилась офицерами.

— Будем брать себе? — поинтересовался забежавший в рубку Головизнин, сейчас была не его вахта, вызвали, перед тем как бить в колокол боевой тревоги. — На вид вполне неплохой пароход, шустрый.

— Этот радиофицирован, Андреев в рубке уже минут пять морзянкой эфир забивает, чтобы они тревогу не подняли. Только вот брать мы его не будем. Команда выполнит все наши приказы, даже пароход покинет, но как только абордажная команда поднимется на борт, он взорвётся с детонацией груза. Команда заминировует его перед покиданием и подожжёт бикфордов шнур. Он долго будет гореть, позволив японцам удалиться к берегу, а нашим добраться на шлюпках до их судна... Хм, предположу что потеряв тридцать казаков и два десятка моряков перегонной команды мы с вами впадём в такую ярость, что потопил все три шлюпки с наглыми япошками. До берега они добраться не успеют.

— Я бы потопил, — задумчиво протянул Головизнин. — Однако с получением такой информации, людей мы не будем посылать на японца, как я понимаю... Кстати, пароход после нашего холостого выстрела и сигналами флагами сбрасывает ход. Вы были правы, оно ложится в дрейф.

— Ну так... Отметьте только, что англичане наоборот увеличили ход решив проскочить между нами и берегом.

— Командир, я не удивлюсь, если узнаю, что вы знаете о характере груза на них, видно, что не пустые идут.

— Тут вы правы. Мало того что не пустые, а с контрабандой прошу заметить. Причём на борту того что побольше, находится пехотный батальон полного состава. Интересно, его контрабандой считать можно?

— Вот гады, — выругался командир «Отрока», другие офицеры, присутствующие в рубке, выразились куда более матерно. — Уже и солдат не стесняются на своих судах перевозить. Натуральные нагличане.

— Это точно... Ну всё, япошки покинули своё судно и как видно налегают на вёсла чтобы удалится как можно дальше от своего заминированного судна, так что не обращаем на него

внимания и догоняем англичан, они уже проскочить успели пока мы вокруг японца крутились. Кстати, первым догоним того что покрупнее, даже предположу что нас при сближении встретит винтовочный залп. Считайте это актом агрессии и без разговоров пустите в судно мину, после чего не обращая внимания на него, догоняйте второе. Вот там действуйте по всем правилам. Судно скоростное, может дать девятнадцать узлов, почти столько же, сколько и мы, оно не радиофицировано, но зато перевозит боеприпасы для японской армии. Патроны, и снаряды для их полевой артиллерии. Груз вполне ценен, судно берём себе, команду высаживаем на шлюпки. Возражения не слушайте, если что, простимулируете прикладами, если не захотят выполнять приказы. Всем всё ясно? Тогда выполняйте.

Дальше я молча наблюдал за всем, что творилось на нашем корабле и вокруг. Взрыв на японском грузовом пароходе произошёл в тот момент, когда мы уже пустив торпеду из правого минного аппарата, бросились догонять второе судно. Вот за несколько секунд до подрыва мины под кормой англичанина, и произошла детонация груза боеприпасов, так что подрыв мины для экипажа «Отрока» прошёл незамеченным, все смотрели на чёрный гриб за кормой. Кстати, в моих гляках «Отрок» тоже не пострадал, так как отправив на шлюпках казаков и перегонную команду, бросился за англичанами. После взрыва бросил погоню и вернулся, уничтожив японскую команду огнём мелкокалиберной артиллерии и пулемётов. Те немного не успели, мертво триста до берега оставалось. Англичан мы догнали уже под самый вечер. Не повезло им. Не нашлось ни одного порта по пути, чтобы укрыться, в Коти они не успели, перед самым входом мы их догнали. Правда, оба судна тогда затопили, как же я жалел об этом через несколько дней. Теперь же благодаря глякам мог корректировать свои приключения, срезая острые углы.

Англичанин, который выбросил флаг бедствия, стал заметно садиться на корму, а мы стали медленно, но неуклонно догонять его напарника, бросившего на произвол судьбы своего спутника. Первый холостой выстрел из носового орудия ничего не дал, команда английского грузового судна сделала вид, что не заметила его, в гляках такого не было, там после выстрела обе лоханки легли в дрейф. Пришлось Головизнину командовать на выстрел боевым по курсу судна. В этот раз подействовало, судно начало сбрасывать ход.

На двух шлюпках к нагличанину направились те тридцать казаков под командованием хорунжего и перегонная команда в этот раз не сгинувшая в огне детонации. Казаки после того как выпиннут команду и проверят судно останутся на его борту. Мне надоело постоянно ложить крейсер в дрейф, чтобы спускать шлюпки, абордажем будет заниматься теперь наш трофей, вернее подходить борт к борту, чтобы высадить абордажников. Там мы ускорим время досмотра и в случае нахождения контрабанды, захвата. Превращать это судно во вспомогательный крейсер я не собирался, мне груз нужен был, так что пусть следует за нами хвостиком и перевозит часть абордажников. Вооружения мы на него не передавали, кроме пары пулемётов для непосредственного прикрытия казаков.

Естественно команда была возмущена, но всё же мой совет действовал, вернее приклады английских винтовок. Бывшая команда отправилась к берегу, так как возить их с собой у меня не было ни сил не желания, а мы развернулись и направились к первому судну, которое никак не желало тонуть, хоть и потеряло ход, дрейфуя на крупной волне. Трофей шёл за нами. Вернувшиеся моряки на шлюпках уже подтвердили характер груза, добавив, что на борту так же было два японца, что сопровождали груз. Трогать их не стали, да и те не оказывали сопротивления, так что отпустили с командой на берег.

Подойдя к первому судну, там шла спешная эвакуация, три шлюпки уже были на полпути к берегу, ещё две плавали вверх дном, видимо перевёрнутые в панике, ну и на борту хватало

японских солдат, что цеплялись за все, что можно на сильно накренившейся палубе. К нашему удивлению те снова открыли винтовочный огонь, даже пулемёт протрещал, видимо из трюма достали. Тратить снаряды мы снова не стали, разрядили мину из левого минного аппарата, попадание было в мидель и судно стало быстро тонуть, ну а мы, увеличив ход до четырнадцати узлов, направились дальше вдоль побережья. Операция эта была внесена в журнал, так что как только была отменена боевая тревога, как и все я отправился отдыхать. А казакам через посыльного передал, что мы продолжим вечером, за час до наступления темноты. Казаки оказались отличными учениками, и опыт что я им передавал, буквально выпытывали как губка, так что от уроков не были против, даже охотно шли на них, занимая все свободные места на корме. Да и фехтование на шашках и катаных они преподавали отлично, много нового узнал. Целая сотня отличных учителей, как этим не воспользоваться? Вот я и воспользовался, часа по два в сутки тратил на это дела, причём не без удовольствия. Я бы даже сказал с большим удовольствием. Многие показывали мне свои семейные секреты в рубке, что и как делать, поэтому моё мастерство день ото дня росло, что не могло не радовать.

Как раз был ужин, я едва успел принять его, как снова засигналил колокол боевой тревоги. Снова дымы на горизонте.

— Это не грузовые суда, — осматривая два дыма, уверенно сказал Лазарев, что стоял в рубке. — Это боевые идут, дымят меньше.

— Да, грузовые дымят так, что пол горизонта закрывают, а тут небольшие столбики. Я думаю даже, что это миноносцы, — опуская бинокль, задумчиво проговорил я. — Для крейсеров они слишком тонкие.

— Миноносцы и есть, — подтвердил командир «Отрока».

В моих гюках никаких встреч с военными судами не было, кроме старого сторожевого судна на входе в токийский пролив. Мы его благополучно потопили, так что я пребывал в сомнениях. Реальная история уже шла не так как в гюках, так что такие нежданчики могут быть. Может пока я гнал англичан к Коти, эти миноносцы вошли в какой порт или бухту? Не знаю, да и гадать не стоит. Лишь в одном я был уверен, это точно были миноносцы.

Как только стало видно корпуса встречных боевых кораблей, как Головизнин воскликнул:

— Так это же наши старые знакомые, противники самого первого боя на «Отроке»... Хм, а где третий миноносец?

— Да, — согласился я. — Это англичане из сопровождения прошлого конвоя. Значит, довели до места, отбункеровались и двинули по каким-то своим делам. А вот насчёт третьего ничего не скажу, возможно, на ремонте. Возможно другое задание. Тут, поди угадай.

— Что будем делать? — поинтересовался Головизнин.

— Хм, — опуская бинокль, задумчиво протянул я. — Я бы сделал в журнале боевых действий отметку, что обнаружил в японских территориальных водах два японских миноносца маскирующихся под английским флагом и атаковал их, однако они нас тоже опознали.

— Разворачиваются, — воскликнул вахтенный офицер.

— Только бы обратно не пошли, — взмолился Лазарев. — Они же нам всех распугают.

— Повернули обратно, — прокомментировал Головизнин, опуская бинокль. — Ну всё, дальше

смысла нет идти. Никого не встретим.

Заметив, что тот на меня косятся, ожидая приказов, не опуская бинокля, продолжая размаривать миноносцы, я скомандовал:

— Увеличить ход до восемнадцати узлов. Перед нами не самые современные и скоростные корабли, максимум дадут двадцать пять узлов. Однако англичане далеко от своих баз и не будут насиловать машины. Значит, войдут в ближайший порт, а у нас ближайший... — повернулся я к штурманам и старший мгновенно отреагировал, даже не взглянув на карты, расстеленные на столе.

— Небольшой порт Минами.

— Минами, — повторил я за штурманом. — Загоним англичан в порт, и направимся дальше. Воевать они с нами не будут, знают, что мы до конца пойдём, да и не их это война, хотя они тут больше союзники японцам, чем нам.

— Отворачивают в открытые воды! — вдруг воскликнул Лазарев.

Подняв бинокль, который опустил за время своей речи, убедился, что лейтенант прав, оба миноносца на максимальном ходу синхронно сделав поворот стали уходить в открытый океан.

— Что и требовалось доказать. Английские офицеры тоже не идиоты, понимают, зачем мы тут, заметили, что мы прибавили ход и просто ушли в сторону, не мешая нам. Свою задачу они выполнили, хоть и частично, но довели конвой до цели. Атаковать нас приказа им никто из командования не ставил. Повторюсь, не их эта война... Ладно, двигаемся дальше. Уменьшите ход до среднего, не стоит тратить и так не большой ресурс механизмов, выбрасывая в небо тонны сгоревшего угля.

Снова был отбой боевой тревоги, так что мы разошлись по своим делам. Я, как и обещал, направился на корму, у меня осталась незаконченной тема «*Действия морского десанта во вражеском неукреплённом порту*», а остальные кто куда. На сегодня учебных тревог не было, боевых хватало, что тоже заметно поднимало боевой дух и умения пока ещё плохо сбитого экипажа, так что люди отдыхали.

До темноты нам встретилось шесть рыбачьих джонок, две джонки береговых торговцев, три торговые шхуны, и парусно-паровой бриг. Все они пошли на дно, так как шли под японским флагом. Пароходы были, аж семь. Четыре под японским флагом, команды мы не трогали, останавливали, досматривали и отпускали, а суда отправляли на дно. Но не все, оба с продовольствием я оставил, высадив на них перегонные команды. Двадцать моряков при одном прапорщике по Адмиралтейству в качестве временного капитана на каждый. В двух было продовольствие для воюющей японской армии, один четырёхтысячник, второй шеститысячник. Много продовольствия, оно и нашим пригодится. У одного максимальный ход был одиннадцать узлов, у второго тринадцать. Нас они сопровождать не стали, я их отправил к точке встречи с Гараниным. Полежат в дрейфе сутки, ожидая нас, ничего им не будет. Два других японских парохода, тоже везли ценные грузы, у одного было инженерное оснащение, мы забрали всю взрывчатку и детонаторы со средствами инициации, прежде чем пустить его на дно. Во втором была артиллерия, дивизион полевой артиллерии с боезапасом и расчётами. Честно говоря, я бы и артиллерию прихватил, отогнав вместе с двумя первыми трофеями в Порт-Артур, но не сложилось, артиллеристы отчаянно отстреливались. Пока мы досматривали первые три судна, они умудрились развернуть одну пушку, что стояли под брезентом на палубе и открыть огонь. Причём попали. Серьёзных повреждений не нанесли, но разозлили так, что

наши артиллеристы хорошо так потренировались. Надо сказать, Лазарев вполне неплохо потренировал их, и темп стрельбы повысился, и кучность стала лучше. Так что после первых двух попаданий, следующие пошли один за другим. Боезапас дивизиона не рванул, после попадания главным калибром в борт, судно просто пошло на дно. На барахтающихся в воде людей мы не обращали внимания, сами виноваты, а двинули к двум иностранным судам. На первое, американца, судя по флагу, наш трофей уже высадил казаков и там шёл досмотр, и как раз подходил ко второму, к моему удивлению это оказался голландец. Впервые этот флаг вижу в местных водах. Про Шанхай или Циндао не говорю, были там голландцы.

Мы перевели почти всех казаков на трофей, на «Отроке» остался один взвод, так что людей для осмотра обоих судов хватало. Англичанина пришлось отпустить, этот пустой шёл, причём мы его опознали. Из состава конвоя, который нам удалось встретить. Вот с голландцем пришлось задержаться, как не прискорбно это говорить, но у него был груз, что значился в списках контрабанды. Это были станки. Очень современные станки, причём специализированные, один так для катания бронелистов. Естественно по документам везли совсем другое, капитан, он же владелец судна, был сильно расстроен. Выяснилось, что его уже просветили о методах наших действий. Если есть контрабанда, судно на дно. Правда ему ещё сказали, что вместе с экипажем, но офицер что участвовал в досмотре, успокоил того, такого у нас не бывает, если только судно не стреляет по нам. В принципе тот это и сам видел. Некоторые японские команды на шлюпках только-только подходили к берегу. Так что его попросили подписать протокол досмотра, протокол о найденной контрабанде и прошу в шлюпки, до берега близко, меньше двух морских миль, сами доберутся.

Голландское судно мы действительно пустили на дно, не смотря на ценность груза, нашим оно точно бы пригодилось для ремонта кораблей первой линии Порт-Артура, однако если с англичанами я мог проявить себе некоторую вольность, то с другими национальностями старался этого не делать. Дело в том, что по международному праву, я могу затопить судно с контрабандой в случае крайней нужды, а у меня она всегда крайняя. Однако если я конфисковал судно и груз, то не имел права ссаживать команду. Они должны дойти до нашего порта и там военным судом, им или вернуть транспорт, или заставят платить за него штраф. Груз так и так идёт как конфискат и за него не платят. Контрабанда и есть контрабанда. Так что англичан, прежде чем конфисковать судно, ссаживать я не имел права. Однако как они трактовали международный свод правил в своей манере, так и я делал.

Дальше стемнело, и мы ушли подальше от берега, где легли в дрейф. Вдоль побережья так же было и ночное движения, но наткнуться и случайно обстрелять порожнего нейтрала не хотелось, так что подождём наступления следующего дня и продолжим отсюда же.

На следующее утро мы продолжили наш рейд по транспортным морским коммуникациям противника. Уже одно то, что к десяти нам не встретилось ни одного парохода, кроме пары рыбачьих джонок, показало, что о нас стало известно. Чуть позже мы встретили американца, причём заметили его со стороны океана приближающимся к Японским островам. Из Америки шёл с грузом, к японцу не ходи. Так что «Отрок» бросился на перехват, а трофей так и шлёпал на среднем ходу. Казаки в трофейные бинокли с его палубы рассматривали кромку берега. Причём не зря. Трижды находили прятавшихся каботажников и наводили на них артиллерию крейсера.

Груз у американца оказался ценным даже для нас. Уголь для боевых кораблей. Полные трюмы восьмитысячника. Конфисковали, тем более судно было вполне ходким. Команду пришлось запереть во внутренних отсеках, их остались охранять два десятка казаков, а перегонная команда повела судно в сторону места встречи с Гараниным, там же должны ожидать два

трофейных японца с продовольствием. Как мне чуть позже доложили, капитан угольщика очень грязно ругался. Он был в бешенстве, что после тяжёлого плавания, его взяли фактически на виду у японских берегов. Вернувшись к трофею, тот обнаружил ещё одного прятавшегося под прикрытием берега каботажника, и отправил к нему шлюпку с казаками. Как раз когда мы подошли те, заложив подрывные заряды, хозяева судна и команда уже сбежали, пустили шхуну на дно.

К обеду встретили целый караван судов, пять едениц, причём все под японским флагом. Пришлось нам с трофеем разделиться, так как, опознав нас, японцы бросились врассыпную. Ну мы на abordаж их не брали, или мину пускали, или артиллерией накрывали, а вот наш помощник за неимением орудий догоняя японцев или заставлял их выброситься на камни, как это произошло с первым судном, или брать на abordаж под прикрытием пулемётов. Второе удалось. Как не маневрировал капитан японца, сообразив, что трофей не вооружён, всё равно нашим удалось сблизиться и забросить abordажные крючья. Японец тоже был не вооружён, так что нормально всё прошло, разве что казаки, разозлённые на япошек, их немного побили при захвате. Тут же когда мы осваивали трофеи, я приказал передать, наконец, с крейсера на борт трофея две сорокасемимиллиметровых пушки с запасом снарядов. Их тумбы сразу же стали монтировать.

У единственного взятого на abordаж судна груз оказался не самым полезным, хотя казаки как раз начали пускать слюни. Лошади там для начсостава были в количестве восьмидесяти шести голов. Даже коляски и повозки на палубе имелись, и корма на месяц. В общем, Елисейев очень просил не топить его. Мы и не стали. Часть казаков с перегонной командой, как только экипаж на шлюпках был отправлен к берегу, занялись кто судном, а кто уходом за людьми. К облегчению Головизнина, все три коня, что были на крейсере, грузовой стрелой, зафиксировав их, были отправлены на последний трофей.

Уже к вечеру я пожалел, что оставил судно при себе. Опытные коневоды, отметив, что воды мало, а лошади пили что твой насос, попросили пристать к берегу набрать пресной воды. Вот пока они пополняли запасы воды, используя шлюпки и бочонки, мы перед самой темнотой и вычислили два спрятавшихся японских парохода, по переговорам в эфире. Хоть они, а то что-то воды вокруг совсем опустели. Подойдя ко входу в бухту, там никаких поселений не было, встали на виду, и канониры «Отрока» расстреляли оба судна примерно двух тысяч тонн каждый. Глубина там была небольшой, оба по палубу погрузились и сели на киль, слегка накренившись, на одном полыхал пожар. Как только я убедился, что дело сделано, то отдал приказ Головизнину на возвращение. Развернувшись, и захватив лошедевоз, воды дополнили дня на четыре, тот направил нашу группу из одного боевого корабля и двух трофеев к общему месту встречи. Шли всю ночь средним ходом, Японские острова давно скрылись из виду, да и не видно ничего не было, снова тучи напоззли.

На точке встречи мы были под утро, так что когда рассвело, то обнаружили помимо конфискованных нами судов, ещё четыре. Один ладно, легко узнаваемый силуэт «Американца», а вот три других видимо были его трофеями. Про миноносец я и не говорю, он покачивался на довольно крупной волне под прикрытием борта большого напарника.

По кораблю уже была объявлена побудка, но завтрак ещё не принесли, вместе личного слуги, как мне не хватает Ена, обычно его обязанности исполнял кто-то из вахтенных матросов. Поднявшись на мостик и выслушав доклад вахтенного офицера, я велел передать с помощью флагов на «Американец», что жду с докладом Гаранина и Карташова, после чего направился к себе. Тут как раз и завтрак принесли, поэтому не торопясь и со вкусом поел. В этот раз кок расстарался, вполне неплохо, рисовая каша с подливой.

Когда прибыл Гаранин со своим временным подчинённым, я его уже ждал. Получив на руки рапорта, выслушал устный доклад. Как и в моём случае, парни оказались вполне себе везучи на встречи с японцами и иностранными судами. Причём они даже нас переплюнули. Надо было всё-таки нам в ту сторону идти. За время рейда ими было обнаружено и остановлено семнадцать пароходов, из них четырнадцать пущено на дно, а три взяты в качестве призовых судов. Из семнадцати одиннадцать были японскими судами, только шесть из них остановились по сигналу из пушек, остальных, убегающих приходилось догонять и топить. Два из японцев, что имели отличные мореходные качества, да и груз, в основном из-за военной ценности, были взяты в качестве призов. Из шести иностранных судов, пять были загружены под грузовую марку, один шёл порожняком и был отпущен. Все пять имели контрабанду, с них сняли команду и пустили на дно. Только одно судно, кстати, английское, по тем же принципам отличной мореходности, было взято в качестве приза. Груз снаряды для японского флота. Гаранин передал мне список имеющихся калибров и, я отметил, что мы теперь можем пополнить погреба боезапаса «Отрока». Почти сразу я передал список Головизнину, он не присутствовал, были какие-то проблемы в машинном отделении, мелкие, иначе мне бы доложили, и он был там. Пока было время мы подошли к борту судна гружённое боеприпасами и началась погрузка. К этому моменту мичманы уже закончили доклад и отправились по своим кораблям. Все запасы вооружения с «Американца» были распределены по трём судам, отобранным мной в качестве вспомогательных крейсеров, их команды усилены за счёт «Отрока» и казаков. Так же с продовольственных судов были переданы запасы на все корабли, если там имелась в этом нужда.

Вот раздав приказы и убедившись, что дело пошло, я направился на корму «Отрока», там уже жали меня два учителя по фехтованию. Бойцов что могут работать сразу с двумя клинками, их ещё называют обеирукими трудно встретить, очень редки они, однако в казачьей сотне их оказалось аж двое. Огромное количество, поверьте мне. Оба были обучены и подготовлены в своих казачьих семьях дедами и прадедами. То есть их умение совершенствовалось столетиями, передаваясь от деда сыну, внуку и дальше. То есть на данный момент мастерство обоих урядников было на максимально возможной высоте. И что меня совсем радовало, те не отказывались поделиться семейными секретами, и фактически всё свободное время я тратил на обучение. Причём обучали они оба и практически одновременно. Повезло, что начальная подготовка у меня кое-какая имелась, так что учили не с нуля. Оба хвалили меня что не могло не радовать, мол, всё схватываю на лету. Всего несколько дней интенсивных тренировок и даже я стал замечать, что моё мастерство поползло вверх. Эх, подольше бы с парнями провести времени, перенять весь их опыт. В принципе основное они показали, дальше только наработка ударов до автоматизма ну и естественно боевой опыт. Он куда важнее обычного обучения, опыт есть опыт, тем более боевой.

Почти сутки мы простояли на месте встречи, пополняя припасы и проводя бункеровку, у нас теперь было аж два угольщика. После чего я отдал приказ начать движение. Направлялись мы не к Владивостоку, так как я собирался избавиться от всего балласта, что за время угона японского крейсера нарос на ногах, а шли к Порт-Артуру. Причина для этого была. Конечно после того как японцы провели действительно блестящую акцию и брандерами закупорили фарватер, ничего крупного войти или выйти из бухты не могло. Однако тот самый офицер миноносца, которого я допрашивал в японской рыбацкой деревушке, так же сообщил, что русские броненосцы на днях видели в Жёлтом море. Это можно было принять за утку, ну померещилось японским морякам, бывает, только такие миражи не стреляют и не топят миноносцы. Да-да, с русской эскадрой случайно повстречались два «истребителя» вот и направились посмотреть, кто там дымит. Случайным снарядом один миноносец был потоплен, а второй рванул к своим. Так что информация точная, значит, за эти полтора месяца Макаров

как-то умудрился освободить фарватер, вот и передадим ему мои трофеи. Причём все. Больно уж планы у меня резко изменились с новостями, что принёс Гаранин. Дело тут не в том, что он видел большой конвой из английских грузовых судов, что шёл в сторону Сасебо, там шли большие восстановительные работы, а в том что в сопровождении он видел английские боевые корабли, но под японскими флагами. То что они английские сомнений не вызывало, почти все он знал, видел и не раз, в Шанхае, а тут они под японцами. Самое поганое, в сопровождении помимо шести крейсеров, два из них были броненосными, было три броненосца. Широко англичане замахнулись. В общем, я решил преподать им урок, но делать это придётся одному. От балласта из временных подчинённых нужно избавляться, мне свидетели ни к чему. А вот Макаров думаю, обрадуется призам, тут и продовольствие в тему, ну и уголь, с последним у него уже должны быть проблемы, не хватать. Да и снаряды моим прошлым трофеям тоже пригодятся, ведь не все типы боезапасов этого стандарта были на складах Порт-Артура, а тут мы даже итальянским крейсерам привезём хоть и куцый, но запас. Что там по полтора боекомплекта для их главного калибра.

Пока шли, я редко появлялся на мостике. Лишь указал кривую линию, как будем идти. Да и шли не сказать что быстро, на десяти узлах, подстраиваясь под самого медлительного из призов. Большую часть времени, я проводил у себя. Изредка время от времени вызывая кого-то из офицеров «Маньчжура». Он до начала войны почти неделю стоял на базе английского флота в Вейхай, доставив туда русского консула, потом вернулся в Шанхай, где и встретил начало войны. В общем, я составлял планы, как наведаться в этот порт. В Сасебо я уже был, японцы до сих пор «счастливы» от этих моих двух посещений, пора и англичан порадовать.

Всё же соскочить с каравана кораблей и призов до прихода в Порт-Артур мне не удалось. Просто не успел. Была причина раньше сойти с «Отрока», не смотря на то, что командовал теперь Макаров, всё же русской стороне я не доверял. Не раз удавалось убедиться, что не стоит иметь с ней никаких дел. Дело в том, что на второй день, а мы проходили недалеко от Циндао, больше приближаясь к китайским берегам, чем к корейским, где встретить японцев было труднее, мы повстречали наши боевые корабли. Заметив дымы на горизонте, миноносец Карташова «побежал» на восемнадцати узлах посмотреть, кто это там идёт. Вернулся он через три часа в сопровождении двух наших миноносцев из Порт-Артура. Оказалось, те проводили разведку в этих местах вот и встретились с нами. Ладно, хоть опознались благополучно, не смотря на иероглифы на бортах и явно японский вид нашего трофея. Правда, военно-морской флаг России имелся на флагштоке, но японцы уже показали свою иезуитскую хитрость, так что флагу тут можно было не доверять. Но к счастью опознание прошло нормально, без стрельбы. Да и знали уже в Порт-Артуре, что я почти весь экипаж «Маньчжура» с собой увёл. После чего миноносцы пошли к эскадре, а она шла чуть дальше, дымы были видны на горизонте. Там Макаров узнав о нашем конвое, повернул навстречу, отправив встретить нас миноносцы. Причём с достаточно жёстким приказом командиру группы лейтенанту Роцаковскому, доставить меня пред очи адмирала. Уж очень он хотел меня видеть.

Делать нечего, собрав немногочисленные пожитки, я спустился на подошедший миноносец лейтенанта, второй остался сопровождать конвой, дымы нашей тихоокеанской эскадры уже были видны на горизонте, и мы практически на максимальной скорости пошли обратно. Пока шли, я опрашивал Роцаковского о действиях эскадры за последний месяц. Тому было что поведать. Кстати, именно он когда находился на дежурстве у входа в Порт-Артур, встретил «Мариуполь». Добрался-таки инвалид. Так же он прояснил, как удалось очистить фарватер. Тут были и водолазные и взрывные работы. В общем, напрягая до предела силы, удалось сделать невозможное, фарватер был освобождён и вот уже как неделю был свободный вход в бухту. Так мы и общались прямо на мостике. Тот описал, как японцы вскрыли их минные поля, чтобы

провести брандеры, точно кто-то из местных помогал, ну и как шла служба. Про Владивостокский отряд крейсеров рассказал. Неделю назад, как раз до окончания очистки фарватера, те умудрились прославиться. Внезапно вышли из своего порта, причём японские наблюдатели это как-то прощёлкали, телеграф за два дня до этого блокирован был, а японские миноносцы, что наблюдали за крейсерами с моря, отсутствовали, и двинули к Корейскому проливу. А там... В общем за сутки отряд отправил на дно одиннадцать японских судов, шесть в качестве призов привёл обратно во Владивосток. Помимо гражданских судов, но с военными грузами, им было встречено несколько миноносцев, потопить никого не удалось, разогнать разве что, и старый китайский крейсер захваченный японцами и переименованный в «Сайен». Его использовали для охраны транспортных коммуникаций. «Громобой» догнал его и вынудил принять бой, чуть позже подошла «Россия» и отправила старичка на дно. С воды удалось поднять едва тридцать матросов и ни одного офицера. Чуть позже появился броненосец, что сопровождал несколько грузовых судов идущий в Корею, «Громобой» что к нему «сбежал» сообщил что это «Фусо» тоже старичок, но уже из японского состава, зачем-то японцы его вывели на свои коммуникации, и отряд отправился обратно во Владивосток. Вот на этом их последний выход и закончился. До него они тоже были, но не такие яркие. Пяток перехваченных пароходов максимум.

Четно говоря, командуя таким отрядом, я ещё бы пошуровал на японских коммуникациях, а тут как-то неприглядно всё выглядело. Высунула мышка-отряд нос из норки-порта, схватила кусок сыра-призов, и быстро обратно. У меня в мыслях сразу замелькали картинки, чтобы я делал имея на руках такой отряд. Эх мечты-мечты. Причём слушая лейтенанта, я сам не молчал, комментируя подаваемую информацию, причём не всегда она была положительной, получалось едко, но командир «Решительного» не обижался. Сам тоже поведал ему, где был, не видя смысла скрывать, особенно подробно описал свою встречу с адмиралом Того. Лейтенант не смеялся, а ржал, вслух представляя, как себя чувствовал японский адмирал, узнавая, что у них из-под носа из защищённой бухты увели боевой корабль. На бывший «Талбот» тот уже успел полюбоваться. О том, как адмирал описывал операцию по блокированию фарватера Порт-Артура, тоже рассказал подробно. Тут Роццаковский очень внимательно слушал, для него многое представало с обратной стороны, как и для меня когда-то.

Наконец мы подошли к эскадре. С «Петропавловска», идущего под адмиральским флагом, нам просигналили подойти к правому борту. Там уже спускали трап, и миноносец на двадцати узлах устремился к флагману. Сама швартовка, если это можно так назвать, была проведена практически идеально. Я шагнув, перешёл на трап, следом матросу что мне помогал, передал тяжёлую сумку с рапортами, по старой привычке в каждом запечатанном пакете была картечь, чтобы если что за борт, сразу на дно пойдут, не доставшись противнику. Говорю же, привычка.

Когда я поднялся на палубу, к моему изумлению меня встретили как адмирала, то есть с теми же почестями когда адмирал поднимается на борт. Чуть позже узнал, как мне шепнул вахтенный офицер флагмана, это был приказ Макарова, но и сами офицеры были рады меня видеть. С других кораблей эскадры флажками мне передавали приветы и благодарности. Когда торжественная часть была закончена, в сопровождении командира броненосца я был сопровождён в адмиральские покои. Когда я вошел, стало понятно, почему адмирал меня не встречал. Трость у стола, и забинтованная нога. И ведь никто не сказал, только Роццаковский мельком упомянул, что командующий «немного прихворнул».

— Здравствуй, Максим, давно не виделись.

— Больше полугода прошло, Степан Осипович, — согласился я, ответив на приветствие.

Адмирал пригласил меня присесть, и одобрительно пронаблюдав, как я выложил на его письменный стол с десяток пакетов с рапортами, они писались чуть ли не после каждой операции, попросил меня описать всё, что было со мной с момента, когда я покинул территорию России на арендованном судне. Про рапорт, переданный мной через консула, он знал, но тот всё ещё шёл диппочтой. Как ни странно, за всё время беседы нас никто не беспокоил, хотя я видел, поднявшись на борт, что офицеры с флагмана так и желали пообщаться со мной. Однако нам лишь приносили чай, обед да ужин. Мы действительно засиделись. Прерывались лишь раз, когда корабельный врач осматривал рану на ноге Макарова. Именно от адмирала я и узнал, что им было получено ранение два дня назад. Причём удалось благодаря жандармам, что вели это дело, обуздать слухи, те пустили свой, что Макаров немного «приболел». Да и рана несерьёзная была, не глубокая. Стрелка взяли, почти всю сеть вскрыли. А вот то, что тут поработали японцы, вызывало сомнение. Я лично думаю это всё нагличане, Макаров был со мной согласен, он со своим активным командованием был у них как кость в горле.

Эскадра, взяв под охрану мои суда, уже была на подходе к Порт-Артуру, когда я, наконец, закончил повествовать свои приключения. Естественно о том, о чём лучше не говорить, я конечно же умолчал. Где были свидетели моих действий, описывал. Правда, мои походы в Чемульпо и Сасебо, это указал, да.

— Что значит, не хочешь в Порт-Артур? — грозно нахмурился адмирал. — Что значит, свои планы?

— Степан Осипович. Я ведь вам уже сообщил о пополнении японского флота благодаря англичанам. Стоит им за это ответить. Не скрою, хотя и подумывал об этом. Я собираюсь тайно посетить их военно-морскую базу в Вэйхай, и провести акцию вроде Чемульпо. Тайную, чтобы ни на вас, ни на меня не подумали. Более того, хотелось бы и те корабли, что они уже передали, навестить. Я знаю, где они стоят. Не смотря на то, что на них были японские флаги, как мне удалось узнать через одного японского капитана призового судна, перегоняли их английские команды. А вы должны знать, сколько длится приём и освоение кораблей. Вон, наша команда уже почти неделю осваивает «Отрок» и конца края этому не видно.

Адмирал задумчиво и как-то отстранённо потирал перебинтованную ногу, слушая меня. Когда я замолчал, в адмиральском салоне на несколько минут воцарила тишина, только гул судовых машин был слышен. Звякнув стаканом, я налил себе вишнёвого сока, а адмиралу коньяку, ему он необходим для правильного решения.

— Скажу честно, Максим, я хотел бы тебя отпустить, но в Порт-Артуре тебя ждёт флигель-адъютант его Императорского Величества Шепелев. Прибыл буквально за два дня до выхода эскадры. При нём пакет. Его содержимое мне не известно. Пакет был направлен на твоё имя, и Шепелев ожидает, чтобы его вручить именно тебе.

— А что там может быть? — нахмурился я.

— Думаю личное приглашение его Императорского Величества посетить Санкт-Петербург и императорский дворец. За твои действия, то что ты принёс нам в этой войне, тебя осыпать должны наградами. Фактически все наши победы, которые числятся за флотом, совершены тобой. Как это ни странно, флот в войне себя никак не проявил. То что пишут в газетах, в большей части преувеличение и приписка флоту того что он не совершал. Мне не нравится это.

— Возможно-возможно, — задумчиво протянул я и посмотрел на адмирала, мысленно

прикидывая, что делать.

Эскадра как нам доложили, уже подошла к Порт-Артуру и в начавшейся сгущаться темноте первые призы стали заходить в порт. Время свалить ещё было. Почему-то встречаться с посланником императора мне не хотелось. Предчувствие нехороших новостей? Возможно. Опыт получения таких новостей у меня был. В глюках ничего этого не было, я тогда повёл конвой во Владивосток, на его траверзе, покинул, оставив командование всей корабельной группы на Головизнине. Сейчас всё по-другому. Да и то, что в глюках я планировал загнать набитый боеприпасами японский пароход в токийский пролив к одной из баз флота Японии, причём собираясь поджечь его, тоже не получилось. В глюках пароход с боеприпасами я пустил на дно, в реале им командует Гаранин, но до токайского залива мы не дошли и сторожевое судно не потопили, как было в моих глюках.

— Если порученец Императора действительно прислал приглашение, то получается, пока я мотаюсь туда и обратно, японцы введут в строй и освоят те корабли что передали им англичане?

На лицо Макарова снова набежала тень и он поморщился. Об этой подлости англичан адмирал даже слышать не хотел. Бесило это его. Интересно как лорды Британии будут оправдываться перед Россией, которой была якобы союзником? Как-то будут. Думаю, Макаров отправит на имя Императора за действия англичан такой рапорт, тут реальная работа против союзника, что тот вынужден будет как-то реагировать.

— Ничего, справимся своими силами. Ведь и мы должны показать себя, не всё тебе воевать, пока мы ремонтируемся и готовимся... Кстати, спасибо за обоих угольщиков, да и за снаряды, у нас действительно вскоре с ними могли возникнуть проблемы. Японцы вот-вот перережут железную дорогу. Всё же у нас очень мало пехотных частей. Я уже оформил в представительстве Сибирского торгового банка в Порт-Артуре, держи чековую книжку. За все те призовые суда и боевые корабли, что были тобой взяты, должны поступить деньги, там чиновники налогового департамента работают, призовые через них будут проходить. Приказ о призовых выплатах уже подписан императором, а ты у нас самый везучий на это дело. Думаю, скоро ты станешь самым обеспеченным человеком в России и от опекуна уже не отобьёшься. Твой номинальный опекун, назначенный мной, тот которого ты не одобрил, тут не поможет.

— Мне опекуны не нужны, вы же знаете... Ладно, встречусь я с этим флигелем, а там по ситуации.

На своё место стоянки флагман встал в полночь, но к тому моменту я уже спал глубоким сном в выделенной мне каюте. Тут же я обнаружил все свои вещи и коллекцию мечей. Значит, передали их с «Отрока». Жаль, что с учителями по фехтования проститься придётся, очень уж мне пришлись по душе такие тренировки. Что ж, значит как они и советовали, буду совершенствоваться сам, основы они мне дали. Даже удары успели поставить. Серьёзные парни и учителя великолепные. За пять дней с момента начала учёбы такой прогресс, это уметь надо и они сумели.

— Это что шутка? — Макаров заморозил взглядом Шепелева, закончив читать послание, которое изучив, я ему передал с рук на руки с кривой усмешкой. Почему-то ничего другого я и не ожидал.

Перебывать в ярости у того была причина, примерно те же эмоции я испытывал когда читал письмо написанное канцелярией императора. Тут стояла его личная подпись и печать. Правда,

когда закончил читать и передал его адмиралу, то уже перешёл из состояния крайнего бешенства в спокойное, даже несколько беспечное. Что ж, раз судьба сделала новый поворот, пусть так и будет. Причина таких эмоциональных скачков была в том, что в послании императора было не совсем то, что ожидал Макаров, пытаясь предсказать содержание. Нет, там император достаточно вежливо, попросил меня больше не участвовать в этом вооружённом конфликте, мол, его просто забросали жалобами послы разных стран. Все жаловались на меня, особенно англичане тут преуспели. В письме императора указывалось, что Тихоокеанская эскадра сильная как никогда и обойдётся без моей помощи. Под конец посоветовав, больше не нарушать международные законы и не пиратствовать. Последнее совсем убивало, как будто я для себя это делал.

Это была фактически пощёчина, причём понятная даже Макарову, более чем понятная, раз его лицо чернело, наливаясь злостью.

— Это не шутка, — невозмутимо ответил посланец. Вот уж кто был совершенно флегматичен.

Тогда адмирал, подозревая подлог, стал выпытывать у того откуда письмо. Но нет, с разочарованием узнал, что получил конверт Щепелев лично из рук начальника канцелярии императора. Более того, их было два. Второй он должен был вручить адмиралу после того как я прочитаю своё послание, что и проделал. Тут, после прочтения своего послания, Макаров побледнел как полотно, и ещё несколько раз перечитал, после чего лист в его руках был смят в комок, а из уст вырвался настоящий морской загиб.

— Тут приказ арестовать тебя за оскорбление императорской семьи, — тихо сказал он мне.

— Не понял, — удивился я. — Когда это я их оскорблял?

— Заметки того немецкого журналиста. Ты ведь там по всем прошёлся, как члены августейшей семьи легко продаются за денежку малую и работают на врагов страны. Ох и острый у тебя язык.

— За правду не обижаются.

— Это приказ, и я должен его выполнить, — тяжело вздохнул тот, откинувшись на спинку высокого резного стула, мы находились во дворце наместника, ранее занимаемое Алексеевым, чтобы ему пусто было вместе с императором. Посмотрев на Щепелева, адмирал велел. — Подождите в приёмной.

Когда тот покинул кабинет, нам занесли чай на подносе. Вот так чаем мы немного успокоились. Когда Макаров, пришёл в себя, он всё никак не мог осознать то, что ему приказывали, то что прочитал в моём послании, как будто мир у него перевернулся, но тут он, наконец, пришёл в себя и сказал:

— Я не могу не выполнить этого приказа, однако и терять свою честь, а поступок такой я считаю бесчестным, не могу и не хочу... У тебя ведь есть опыт незаметного покидания Порт-Артура?..

Ты мы оба понимающе улыбнулись. Спасибо адмирал хоть за это. Подлый удар в спину мне был, конечно, неприятен, однако раз моя помощь не нужна, как я уже не раз говорил, пусть справляются сами. В принципе Макаров был уверен в своих людях, может действительно справиться. Вон, как-то я планировал отдохнуть, в Бразилии побывать. Отдохнул тогда в Токио, но планы насчёт Бразилии не изменились, теперь можно спокойно их осуществить.

— Твои вещи прибыли из Владивостока по железной дороге, я приказал всё разгрузить на охраняемый склад. С тем, что ты прибыл к нам из последнего рейда можно поступить так же, могу отправить незаметно в любое удобное для тебя место.

— Хм, неплохо. Не подставитесь? Недругов что метят на ваше место, у вас хватает, узнают об этом и сообщат кому нужно. Подпортят вашу репутацию.

— Поверь, не попортят. Даже если подобное случиться, матросы и офицеры будут на моей стороне. Это в столице ничего не видят и не знают, а во Владивостоке и Порт-Артуре тебя если не благодарят за все действия, то сильно уважают точно. У тебя, кстати, так же недругов из старших офицеров хватает, завидуют успехам и везению, но при этом так же испытывают к тебе неподдельное уважение. Пехотные офицеры, и простые солдаты тебя готовы на руках носить за пулемёты и опытных пулемётчиков. Ты знаешь, что твой бывший слуга Ен уже урядника получил и два Георгиевских креста? В казаках он нынче. Думаю, за последний рейд ему хорунжего дать. Рассеял полковую колонну на марше, а так же увёл у них обоз с артиллерией. Как тебе?

— Молодец Ен и в чинах быстро растёт.

— Я когда его в последний раз награждал, долго опрашивал о тебе в этом же кабинете. Много интересного узнал. Нововведение это, тачанки, оказывается, тобой придуманы, а пулемётные засады?

— Тут важно не то, что я передал это Ену, а то, что он внимательно выслушал и на практике всё осуществил. Это тоже нужно смочь, Степан Осипович.

Адмирал открыл ящик стола и положил на столешницу орден и какой-то листок.

— Когда я сюда ехал чтобы принять командование, то получил на руки награду для тебя за потопление броненосцев Того в первый день войны, ну и за захват миноносца. Хотел вручить, торжественно перед строем. Тут приказ о присвоение тебе звания мичман Российского военного флота. За захват броненосных крейсеров итальянской постройки, тебя ждало звание лейтенанта и ещё награды, однако... С последним письмом от императора теперь эта наша благодарность тебе не действительна. Император отметил это в письме... Может, задним числом проведём?

— Не нужно, не достоин, так не достоин.

— Не достоин?! — резко разозлился Макаров, зло сжав губы он прошипел. — Я такой рапорт на имя императора напишу... Он должен понять, как ошибался.

— Думаю, его окружила такая когорта прихлебателей, причём большая часть работает на англичан, эти последние письма вам и мне, предположу их работу, что и вам к нему не пробиться.

— Нужно лично отправляться в столицу, но я не могу бросить эскадру.

— Ничего страшного, я переживу. Не стоит расстраиваться, у вас сердце и ранение. Давайте лучше обговорим план моего «побега» из-под стражи...

Сидя на вынесенном на берег топляке, судя по блестящему стволу, как скамейку его

использовали давно, даже странно что на дрова не утащили, тут с этим проблемы, я рассматривал стоянку кораблей эскадры. С некоторых призов шла неспешная разгрузка. «Американец» стоял у борта «Петропавловска», там царил аврал, шла загрузка бункеров броненосца углём. С того первого дня когда я впервые увидел стоянку, состав эскадры заметно увеличился, вернулись в строй корабли что были на ремонте, трофеев хватало. Фактически эскадра была в полной боеготовности. Однако всё равно с последними приобретениями японцев, что усилились благодаря англичанам, флот их был сильнее. На два броненосца, но всё же.

После вчерашних шокирующих новостей, я чувствовал в душе опустошение. Подленький удар императора под дых немного выбил меня из колеи, но за прошедшую ночь, уже пришёл в себя, и просто плюнул на него. Прогнал, так прогнал. Снова я был на нелегальном положении, снова на мне корейские одежды, и снова я фактически в бегах. Сам побег был ничем не примечательным. Макаров вызвал конвой, о чём-то поговорил с офицером один на один, после чего меня вывели наружу, и повели в сторону местной тюрьмы. Не дошли, та меня просто отпустили, и когда я отошёл подальше, затерявшись в улочках туземного города, дали несколько выстрелов, собирая ночные патрули, чтобы сообщить о побеге узника. В принципе меня и не искали, утром где как и договорились встретиться, пообщался с представителем адмирала, тот сообщил что эскадра бурлит, до бунтов в связи с моим арестом пока не дошло, но всё к этому шло. Тем более Макаров, сегодня утром собрав офицерский состав эскадры и крепости, взял и зачитал им приказ императора, пришедший на его имя. Всё что касалось моей персоны. В общем, оборона на данный момент фактически небоеспособна, так как сообщение адмирала с площади мигом разнеслось по всем подразделениям и по кораблям. Если бы японцы узнали об этом, они бы крепость могли взять голыми руками.

Деньги у меня были, почти вся касса с трофеев, в котомке, что висела на плече, так что я собирался незаметно покинуть город, причём по земле, думаю, повторяться с джонкой тут не стоит, доберусь до Гонконга, а там будет видно, что делать дальше. Макаров уже обещал отправить всё моё имущество в Харбин. Там я его заберу, ну и отправлюсь в Китай. Всегда хотело посетить древние китайские города. Посмотреть их архитектуру, можно сказать прочувствовать ритм жизни этого времени. Кстати, документы мне тоже все вернули, даже штурманский патент, они тут же лежат, в котомке.

Сменив позу, я продолжал отстранённо рассматривать залив, размышляя. После того как мне лично императором надавали по рукам, причём хорошей такой увесистой палкой, у меня как-то резко было отбито желание продолжать участвовать в этой войне. Не, ну реальная подлость, причём предпосылок к этому я не могу найти, тем и неожиданен такой поворот событий, что ещё больше унижало меня и что уж говорить, обижало. Не знаю, кто подталкивал императора к написанию этого письма и принятию подобных решений, но он своего добился, рукоплещу мастеру, участвовать в русско-японской войне я больше не буду. Из принципа. Планы мои снова дали резкий и неожиданный поворот, так что, позабыв о старых, сидел на бревне и создавал мысленно новые. Раз воевать я закончил, значит, будем путешествовать, что я любил не меньше. По морским волнам естественно. Подберу себе нормальное судно, хочу в одиночку путешествовать, и займусь этим. Однако сначала Китай, изучить его я не передумал.

Время чтобы посидеть и поразмышлять, у меня было. Поезд на Харбин уходил вечером, до него ещё о-го-го сколько, почти семь часов оставалось, так что подготовиться успею. Тем более по подложным документам уже успел купить билет, подойду перед самым отправлением. Посмотрев на часы и определив, что время уже обеденное, невольно от удивления поднял брови. Ничего себе, три часа на бревне не подвижно просидел, я встал и, размяв конечности, направился к ближайшей точке общепита. Нет, ну нравятся мне китайские пельмени и всё тут, да и суп из лапши тоже ничего.

Вернувшись обратно, я стал рассматривать «Отрок». Его плохо было видно из-за корпуса «Севастополя», однако то, что там велись активные работы, наблюдал. Кстати, Макаров подтвердил все мои назначения, Головизнин остался командовать крейсером, в ближайшее время его ждало повышение в чине до капитана второго ранга. Гаранин как был на «Американце» так и оставался, судно действительно отличное, сейчас его планировали довооружить, да и в состав эскадры уже включили в качестве вспомогательного крейсера. С нашим приходом в состав эскадры вошло семь судов, это «Отрок», «Американец», ещё два судна в качестве вспомогательных крейсеров, миноносец Карташова, который остался на нём командиром, он так и оставался номерным, и ещё два судна в качестве транспортов обеспечения. Один из них угольщик. Со своими крейсерами, включая вспомогательные, Макаров планировал устроить несколько рейдов на морские транспортные коммуникации противника, они как раз для этого и предназначались. Раз Владивостокский отряд не мычит не телится, адмирал создал свой. «Отрок» туда же вошёл.

Ладно, это уже дела местных и меня не касаются. Свои я сделал, получил за это «благодарность», так чтобы не сделать хуже, дальше не буду вмешиваться. Тут вдруг со стороны ремонтных мастерских в небо взлетела ракета, от чего я удивлённо поднял голову, рассматривая её. Мы обговаривали с Макаровым экстренные средства связи, и сейчас судя по сигналу, со мной хотели срочно поговорить. Встав, я отряхнул штаны и, горбясь, лицо грязью было испачкано, подволакивая левую ногу, направился в сторону точки встречи. Да, меня может если и узнают, не сдадут, но раз снова на нелегальном положении, то и вести себя нужно соответствующе. На назначенной точке встречи находилась адмиральская коляска с его адъютантом внутри, причём мичман так сиял, что на него прохожим смотреть было больно, столько радости.

Пробежавшись вокруг и убедившись в отсутствии засады, кроме адъютанта был лишь возница-морьяк, я подошёл к коляске и, кланяясь, стал канючить денежку. Тот меня так и не узнал, бросил мелкую монету и брезгливо махнул кистью правой руки. Мол, проваливай.

— Чего звали? Чего экстренного случилось? — спросил я у него.

Мичман от неожиданности чуть на полметра не подскочил, но присмотревшись ко мне, просиял. Узнал. Вот что он мне быстро выложил. Кстати, предложил присесть в коляску. Но я отказался, он мне так легенду рушил, как стоял рядом с коляской в полусогнутом положении с почтением и подобрастием на лице, так и стоял. Да и со стороны мы внимания не привлекали, офицер, что сидел в коляске что-то бормотал, а молодой кореец его внимательно слушал. Возница отошёл, в стороне прогуливался, чтобы не слышать нашу беседу и не мешать.

А вот она была более чем интересная. После того как Шалепин вручил нам письма, он прямо этим же вечером отправился на телеграфную станцию и отстучал в столицу о выполнении приказа. Потом там, как доложили телеграфисты, шёл долгий обмен письмами закончившийся уже утро, как раз когда Макаров на площади послание императора зачитал. Тут Шалепин примчался к нему во дворец с выпученными глазами и новыми приказами. В общем, от императора, а он так же и от Макарова получил краткое, но ёмкое письмо на эту тему, пришло новое сообщение-приказ. Мол, оба письма, отправленные на моё и его имя считать недействительными, подложными. Так же мне его Императорским Величием предписывалось незамедлительно отправиться в Питер. Ага, сейчас прямо. Бегу и падаю.

— Нет, Серёга, умерла так умерла, — сказал я мичману. — Степану Осиповичу передашь мою просьбу. Все мои вещи отправить в столицу, на мою квартиру. Адрес он знает.

— Подожди, — пытался остановить тот меня. — У меня же приказ доставить тебя прямо в кабинет его превосходительства.

— Нет, послание императора это было последней каплей. У любого с таким правительством и командованием шарики за ролики заедут. Зря я в Россию приехал, нигде больше я не видел столько подлости и обмана. Всё прощай.

Мичман пытался меня остановить, но я уже затерялся среди местных жителей. Общались мы в тупичке в центре туземного города. Хм, про поезд можно забыть, придётся плагиатить себя же. Снова лодка и снова открытое море. Опять планы меняются. Вот сейчас реально придётся прятаться, Макаров все силы бросит на мои поиски, так как знает, как я хочу навестить англичан и хорошенько проучить их. Хотя может наоборот, сделает всё, чтобы я спокойно ушёл, он их тоже очень сильно не любил, а с последними событиями, наверняка мне ещё и судно полное динамита предоставит, чтобы точно хватило. Такое судно было среди последних наших призов.

Ушёл я легко, направляясь к выходу из города. Что-то делать в порту, это подставиться, логичнее всего меня там искать. Нет, я воспользуюсь поездом пока, как мне сообщили, не перерезали железную дорогу. Японцы способны наступать только из-за острой нехватки патронов к нашим пулемётам, так что ситуация тут можно сказать сложилась патовой. На душе у меня было легко, фактически император этим письмом, которое хранилось у меня в котомке среди бумаг, снял с меня все моральные обязательства перед Россией, которые хоть как-то сохранились. Умерла, так умерла. В общем, общее ощущение свободы и радости, вот что меня переполняло. Ну а та чушь, что передал Сергей, адъютант Макарова, я на неё и внимания не обратил. Лишь отметил, что теперь Макаров мне не помощник, он лицо подневольное. Да, тот говорил, что собирается подать рапорт на имя главы морского министерства об отставке, не понравилось ему что происходило. Но рапорт до окончания войны подать он не мог, у Макарова были свои моральные принципы и просить эскадру он пока не мог. Судя по поведению других офицеров, те собирались поступить так же, считая поступок императора бесчестным, мелькали слова даже о подлости, до которой тот дошёл. Но тихо, чтобы жандармы не слышали, которых с лёгкой руки Макарова тут стало много. В основном молодёжь буйствовала, те что постарше спокойнее себя вели.

Ладно это его дела, у меня были свои. Когда показались окраины города, я покинул его так, чтобы двигаться не по дороге. Это было сложно, наблюдателей тут из частей крепостной обороны хватало, однако ничего, ушёл. Да и не обратил на меня никто внимания, подумаешь ещё один китаец, я по пути сменил одежду на китайскую, да ещё инвалид, хромает. Неинтересен я никому был. Вот так выйдя на дорогу, я и шагал дальше. Мне лишь пару раз повстречались казачьи разъезды, причём второй разъезд был из казаков подъесаула Елисеева, видимо на тех лошадях, что мы отбили у японцев. Меня они не опознали и даже не остановили. Быстро их к делу приставили, едва сутки прошли.

Сблизившись с железной дорогой, я продолжал шагать, подминая высокую траву, прикидывая, что делать дальше, и мысленно перечисляя, что имел при себе. При мне была котомка, с документами в ней и деньгами. Хватит на три паровые яхты вроде «Шуки» по сумме. В принципе на этом всё, пара лепёшек не в счёт, даже запаса воды не было, не успел купить нужную ёмкость перед уходом. Ещё был нож закреплён на ноге. Перочинный в кармане, ну и два пистолета, оба на сбруе под одеждой. Запас патронов не большой, штук по пятьдесят на каждый ствол, вот и всё. Да и с перечислением всё, больше ничего не было, кроме нужной карманной мелочи. С планами другое дело, я как раз вышел к довольно крутому повороту, тут овраг дорога обходила, и присел рядом, потом вообще на спину лёг, отдыхая. Машинист сто процентов сбросит тут скорость, что позволит мне попасть на поезд. Он был

грузопассажирским, а мне нужны именно пассажирские вагоны. Доберусь до станции Аньшаня, сойду, дальше уже пёхом. Или нет, куплю повозку или коня, всё же идея путешествовать пешком меня как-то не привлекала.

Потом доберусь до Пекина, и из него уже отправлюсь морем до английского порта, арендованного у китайцев. Там по ситуации. Дальше я ничего не планировал, посмотрим, как с местью англичанам пойдёт. Это конечно больше наброски, серьёзные планы которые стоит жёстко придерживаться, я не делал, всё по ситуации, импровизация наше всё. Я чуть не уснул когда услышал шум приближающегося состава. От окраин Порт-Артура мы были километрах в десяти, удалялся я больше бегом. На шаг переходил, когда встречал других путников или разъезды. Вскочив, взял используемую вместо подушки котомку, перекидывая лямку через голову, и направился к рельсам, тут недалеко было.

— Хм, хорошо охраняют, я смотрю мои советы пошли в дело. Пулемёты имеются.

Запрыгнуть я так и не смог, один из пулемётчиков резко навёл на меня ствол и сопровождал им, пока эшелон не скрылся за воротом. Серьёзно у них служба поставлена.

— Тьфу ты, надавал советов, идиот. Кстати, с бронепоездами тоже насоветовал, странно, что они тут не курсируют. Идея иметь сухопутные броненосцы Макарову очень понравилась.

Посмотрев вслед удаляющимся вагонам, там на последней платформе была позиция ещё одних пулемётчиков, в этот раз с «мадсеном», я расстроено махнул рукой и направился прочь от дороги. Путь мой лежал в сторону порта Дальнего. Оттуда свалю куда подальше. Хм, вот из-за таких служак за пулемётами, планы у людей и летят к чёрту. Вернувшись на полевую дорогу, дошёл до перекрёстка, пропустив встречный санитарный обоз, там нашёл тропу, что вела в нужную сторону, и двинул навстречу японским войскам. А что, они тут уже властвовали. Навстречу тянулись повозки с ранеными, в попутную с боеприпасами, патронами и даже водой. Бочки водовозов встречались часто.

Ночью, практически под утро я пересёк позиции русских войск, мелкие плохо оборудованные окопы, а чуть позже и японские прошёл. Часовой там сволочь не спал, так орать начал, когда я ему случайно на лицо наступил, что пришлось поддержать:

— Русские наступают! К бою! Занять позиции! Открыть заградительный огонь!

Пока японцы отбивали несуществующую атаку противника, да ещё тратили и так не великие запасы боеприпасов, причём стрельба шла похоже по всему фронту, я и смылся в воцарившей ночной панике. Через час, когда рассвело, я уже был далеко от позиций, как в принципе и от дорог. Шёл чисто по степи, не забывая поглядывать по сторонам. Лепёшки я уже съел, воды напился в небольшом ручье, который пересекал ночью, однако это было давно, хотелось есть и пить. Спать тоже очень сильно хотелось, всё же целую ночь пропустил. Я не самый умелый охотник, хотя дичь вокруг была, поэтому решил поохотиться на дороге на двуногую дичь, у неё наверняка найдётся что поесть.

Когда я, наконец, выбрался на дорогу, время было два часа дня, часы точно показывали, я их вовремя подводил, да и проверял по солнцу время от времени. Эти часы со мной уже больше двух месяцев, успел убедиться в их точности. Укрывшись на обочине, пришлось навести маскировку, нарвав травы, я достал один из двух «Мелиоров» и, найдя в котомке глушитель, он у меня был в единственном экземпляре, накрутил его на ствол. Глушитель ещё не стрелянный, новенький, так что должен хорошо приглушить выстрелы.

Дорога, на которую я выбрался, оказалось, используется японцами для снабжения своих войск,

может не она одна, но уж больно поток плотный. Даже пешие пехотные колонны шли колоннами. Разъезды конные часто мелькали, артиллерия шла, повозки. В обратную сторону везли раненых, и много надо сказать. Полчаса наблюдения мне хватило, чтобы понять, что ловить тут нечего. Голодный желудок подталкивал меня к бессмысленной жертве по добыче продовольствия, но я проявил силу воли и потихоньку отполз, уйдя от дороги. Когда дорогу не стало видно, встал и дальше снова двинул быстрым шагом.

Где-то через два часа, когда я начал чувствовать упадок сил, наткнулся на укатанную телегами дорогу, она пресекала мой путь. Слева транспортная артерия японцев, а что справа?

— Проверим, — пробормотал я и прямо по дороге двинул, как оказалось к небольшой деревушке. Возможно, посмотреть на неё мне так и не довелось.

Причём не пустой деревушке. Судя по дальнейшим событиям, похоже, я наткнулся на базу отдыха одной из китайских банд. Как интересно. Часовые тут были и те меня заметили раньше, чем я их, даже раньше, чем я смог бы рассмотреть деревушку, хотя и догадывался, что за холмом будет населённый пункт, по дымам из труб понял. Наблюдатель находился на холме, так что вскоре мне на встречу выехало трое китайских бандитов, видимо одинокие путники тут были большой редкостью, раз они так среагировали. Что мне сразу и резко не понравилось, так это манера их переговоров. Тот, что скакал впереди, с коротким немецким кавалерийским карабином на руках, с ходу, с сорока метров навскидку выстрелил, причём на поражение. Пуля чиркнула по воротнику и, не задев меня, подняла фонтанчик земли за спиной. Я видел это когда, делая вид, что ранен, заваливался на бок.

Рухнув в траву на обочине, я сделал перекат в сторону, и почти в упор открыл ответный огонь. Глушитель так и не был снят с пистолета, так что хлопки наблюдателю на холме наверняка было не слышно, а вот то, что двое его друзей вылетели из седла, а третий, застряв ногой в стремени, волочился за своей лошадью, наверняка рассмотрел хорошо. Значит нужно поторопиться.

— Как тут меня всё достало. Одно и то же. Нет, надо менять обстановку, а то каждый раз чувствую дежа вю, — бормотал я, подбегая к тому коню, в стремени которого застряла нога одного из бандитов.

Не смотря на крайне небольшое время, я с конём на поводу оббежал и два других тела, снимая с них пояса и забирая лежавшее в пыли оружие. После чего вскочил в седло и ударил каблуками мятых сбитых сапожек по лошадиным бокам. По пути ещё перехватил второго коня. Поводья я привязал к луке седла своего и таким вот тандемом рванул в степь. Вслед мне стреляли, ещё как палили, не переставая, но я как-то не обращал на это внимания, прижимаясь к шее коня. Обе лошадки были мохнаты, не большие. Не сказать что пони, но близко, родство есть. При этом обе скакали на изумление ровно и что удивительно не попадая в норы сусликов. Сам видел, как они их перепрыгивали. Помнится тогда у захваченного состава, где я из пулемёта пострелял, так же были лошади, но там были крупные, можно сказать обычные обозные кони. Рысаки. И тому чтобы скакать по степи явно были не обучены как эти пони. Возможно, коней из повозки захватили на другом русском эшелоне, вот это, скорее всего так и есть.

Насчёт дежа вю я прав на все сто, вот прям всё как под копирку. Мне такого не хочется, глаз замыливается. Так что как не крути, а с войны меня прогнали, посещу англичан, да так чтобы у них земля под ногами горела, хотя бы палуба вспучилась и скрывалась под водой, и всё, можно начать путешествовать. Сами справятся, так сами. Я и так помог нашим, причём до

такой степени, что англичане забеспокоились за свои вклады и начали уже в открытую, не смотря на возмущение других стран, снабжать японцев. Да, читал я в Порт-Артуре новые статьи Эриха. Тогда он ещё не знал о передаче боевых кораблей, но про конвои описал так, что англичане себя должны чувствовать вываленными в дёгте и обсыпанными перьями. Ну мастер слова, что тут ещё скажешь. Эх, жаль, что всё закончилось, сейчас бы снова его взять, как в старые добрые времена и снова идти творить диверсии. Было интересно. Ну да ладно. Посещу нагличан и всё, отдых и путешествие. Хватило мне того что я воюю, а при возвращении меня каждый раз мордой лица в гуано тычат. Может это мне так везёт, но спасибо, наелся.

Удалится от места короткой, но жаркой схватки я успел метров на двести, когда заметил, что пули свистят уж очень быстро. Мысленно пересчитав оружие, я его только поднял, не изучая состояние, но выбор сомнений не вызывал. Единственная более-менее нормальная винтовка среди трофеев была «Мосина». Падение на неё похоже никак не повлияло, поэтому натянув поводья. Быстро сняв ремень с плеча, остальное оружие, тоже находилось за спиной, но я ему особо не доверял, состояние не знаю, но один был немецким карабином, из которого меня чуть не продырявили, а второе английская, кажется однозарядная винтовка «Мартини-Генри». Мне такие уже встречались, хотя пострелять из них не доводилось. Единственно, что мне известно, патроны были с дымным порохом, как у «Берданок».

В общем, сорвав с плеча винтовку «Мосина», я зажал поводья зубами и, вскинув её к плечу, стал выцеливать семь всадников, что паля из всех стволов, мчались за мной. Между нами было метров триста. Причём, прежде чем нажать на спуск, а ствол был направлен на первого всадника, что заметно вырвался вперёд, подумал о том, что хозяин этой винтовки выстрелить не успел, он последним скакал. Вот тот, что вторым был, из своей англичанки успел. Я тогда и запомнил густые клубы дыма, что вырвались из ствола.

Винтовка дёрнулась от выстрела, сильно толкнув меня в плечо, но я уже быстро выбросил гильзу и, перезарядив оружие, снова вскидывая её к плечу, стал выискивать следующую достойную цель. Приходилось стрелять очень быстро, работая на автомате. Результат был, четверых мои пули выбили из седла, вот пятый, к сожалению, смог избежать пули, тут много что сложилось, и конь подо мной перебирал ногами в момент этого третьего выстрела, да и сам всадник увёл лошадь чуть в сторону. Ну да ладно, разряженная винтовка, скользнув ремнём по руке, упала в высокую траву. Оставшиеся трое уже были вблизи, можно практически пистолеты использовать, но я содрал с плеча карабин и сделал два выстрела, больше патронов в нём не было. Первый промах, оружие не знакомое, второе, почти в упор, попал в грудь. И тут же я выхватил пистолет и трижды выстрелил. В третий раз можно было не стрелять, добивал. Кстати, бандиты, расстреляв всё из длинноствольного оружия, тоже падали в меня из короткоствола. Однако попасть, да ещё когда скачут галопом... Это фантастика, разве что больше на нервы противника действует. Кстати, действительно действует, на себе ощутил. Пришлось проявить силу воли, чтобы не реагировать на свист пуль.

Я не знаю, сколько бандитов в деревне, но после потери десяти стрелков, даже странно, что последние оставшиеся двое не отвернули, шли до последнего, поэтому я решил поторопиться. Мало ли остальные набегут. Тут вдруг конь, который и так дрожавший подо мной, начал заваливаться вниз. Успев соскочить, я вытащил из-под туши винтовку и карабин, что бросил под копыта, и только потом осмотрел коня. Да-а, хунзуры стрелять всё же умеют. В меня не попали, а вот в обеих коней более чем. В том, на котором я сидел, насчитал три дырки и конь умирал, а вот во втором, как вьючного взял, была одна. В бабку попали, выбив и эту транспортную единицу.

— Вот гады, я в их коней не стрелял, — возмутился я.

Понятно, что попадания случайны, но мне всё равно это не нравилось. Вздохнув, я сунул ствол глушителя в ухо тяжелораненого коня и нажал на спуск. Второго не стрелял, рана не слишком серьёзная, заживёт. Оставляю тут деревенские приберут.

Потом пришлось бежать и ловить других коней. Двое легко дались, а вот четыре оставшихся пришлось отлавливать верхом. Седьмой конь, вздрыгивая задними ногами, ускакал обратно в деревню, из которой пока так никого и не было. Выбрав себе коня, он был статный, хотя и пони, и смотрелся вполне ничего, я обратил внимание на брезентовый свёрток с чем-то тяжёлым, длинным и массивным в нём, привязанном к седлу. Сняв его, кони привязаны, не куда не денутся, открыл чехол, расстелив его на траве, и издал радостный вопль. Вот теперь бандиты сколь угодно могут атаковать меня, с пулемётом я вообще это не считал проблемой. Причём пулемёт был наш, из моей партии «Мадсенов» под датский патрон. Не знаю, где бандиты его захватили, но как-то смогли. Правда радость быстро потускнела, патронов к пулемёту было полтора магазина. Не так и много. Пулемёт явно был взят в бою, нагару столько долго чистить придётся.

Однако всё равно радостно насвистывая своим мыслям, я быстро привёл его к бою и поставил на сошки. Прямо на брезенте, чтобы ствол смотрел в сторону деревни. Если что, мигом открою огонь. После этого я стал осматривать тела ближайших бандитов, обыскивая их и снимая всё ценное. Фляги мне ранее попались, так что я сразу снял проблему с жаждой, вдоволь напившись, фляг было шесть и все полны, видимо в деревне бандиты ещё и их пополнили. Сейчас продовольствие собирал и в мешках грузил на лошадей. Вот чтобы до дальних добраться, пришлось брать с собой пулемёт. Кстати, хунзур что его прихватил, был вполне хозяйственный, в брезентовом чехле были нашиты самодельные подсумки где находились запасные магазины в количестве пяти штук и они там действительно были. Пустые, правда, но главное что были. Пулемёт я не зря прихватил, не всех хунзур выбил, как теплилась надежда. На холме где был наблюдатель, рассмотрел несколько всадников, что за мной наблюдали, так что, вскинув пулемёт на плечо, я прицелился и дал короткую очередь в четыре патрона. Намёк был ясный, ко мне лучше не приближаться и те действительно не рискнули, скрывшись с глаз. Так что, собрав за полчаса хабар, я сформировал из лошадей караван, парочка была серьёзно нагружена, и двинул в сторону Дальнего. Планы добраться до него у меня не поменялись.

Двигался я долго, прямо в седле поел, попил и поспал. Про последнее шучу, но усталость была такова, что клевал носом. Чуть пулемёт не потерял, что лежал поперёк седла. Когда до темноты осталось не так и много времени, а до порта, буквально рукой подать, километров шесть по моим прикидкам, я стал устраивать лагерь. До Дальнего можно было и быстрее добраться, но я сделал небольшой полукруг, уйдя в сторону в поисках воды, хорошо сходил, добыча радовала. Среди добытых трофеев была и посуда. Быстро выкопав ямку, крепкую ветку сухостой я подобрал в пути, нарубил её и разжёг костёр, подвесив котелок. Пока вода со слитых двух фляг доходила, снимал с лошадей поклажу, у двух она была, ну и седла, отпуская пастись. Лошади были напоены, километре в двух назад мы проходили речушку, где они хорошенько напились, так что сейчас стреноженные пощипывали травку.

Добычу, из-за сильной усталости перебрать всю я не успел, так что, поев, оставил это назавтра и, сделав из тюков бруствер, где стоял пулемёт, лёг спать. Тюки были не моими, видимо бандиты собирались покинуть деревню и лошади были нагружены, чересседельные сумки полны и просто вот такие тюки. Ничего я не бросил, и забрал с собой. Всё добыча, всё моё.

Выспался просто отлично, и что совсем хорошо, никто мне не мешал. Была опаска, пока сплю, что меня попытаются, подкравшись, спеленать, но к счастью спасало то, что мы были в

небольшой низине. Не овраг, но что-то вроде. Так что нас не могли рассмотреть. Быстро сбегав сделать свои утренние дела, намочив один из склонов низины, я поднялся наверх и осмотрелся. С одной стороны вроде были люди, какое-то там движение было на горизонте, но далеко, не опасно. Вернувшись в лагерь, я поставил котелок на костёр. Вчера почти весь сук сжёг, но чтобы вскипятить воду для чая, а чай в трофеех был, хоть и немного, да под лепёшку, хватило. Позавтракав, ещё раз осмотревшись, в этот раз с помощью подзорной трубы из трофеев, там где было видно ранее движение, похоже, находилась дорога, повозки передвигались, я продолжил осмотр трофеев, в этот раз со свежей головой. Довольно быстро я отобрал то, что мне пригодится, сложив отдельно, и то где барахло. В эту вторую кучу я включил так же и большие запасы продовольствия, что были в тюках. Так вот для чего бандиты в деревню заглянули. Понятно. Однако, не смотря на это бросать ничего, я не собирался. Барахло для продажи в Дальнем. Насколько я знал после тяжёлых боёв закончившихся неделю назад, фактически полностью разрушив город и всё остальное имущество, порт был взят японскими войсками. Немногочисленные русские войска, прежде чем покинуть город, под ударами морского десанта японцев, уничтожили всё что могли. Кстати, Дальний был подготовлен к возможному оставлению. Все суда, что находились в бухте, его покинули. Они сейчас в Порт-Артуре, их караваном пригнали в одну из ночей, но и часть оборудования было вывезено, остальное было подготовлено к уничтожению путём подрывов. Так что в этой реальности, порт не был сдан со всей инфраструктурой и пятьюдесятью грузовыми судами в порту. Всё вывезли что могли, всех своих людей забрали. Правда на моих планах это не сильно сказывалось, местные жители, конечно, пострадали во время двухдневного сражения за порт, но всё же оставались там и приобрести, если не джонку так лодку, думаю, там было вполне реально.

Закончив с разными вещами, собрал вокруг всё оружие и стал заниматься им. Среди вещей было найдено несколько приборов для чистки, два вернее, вот с помощью него я и почистил всё оружие. Некоторое, судя по всему, вообще никогда не чистилось. Начал с пулемёта, потом две винтовки «Мосина», а закончил уже совсем древними экземплярами оружия разного народа. Тут даже итальянская винтовка была, вот уж совсем раритет. Всё оружие естественно я заряжал, приводя в боевое положение. Что порадовало, вообще очень осчастливило, среди оружия была винтовка из Дании и патроны были того же калибра как и у моего пулемёта. Правда, патронов было всего семьдесят штук. Но теперь у меня было снаряжено четыре магазина, что совсем хорошо. Закончил освоение трофеев я к обеду. Даже захоронки бандитов нашёл, прощупав пояса. Тут я опытный знал что делать. Взяв отобранного коня, лошади продолжали пастись в низине, я с одной из винтовок на плече, что выглядели поприличнее поскакал в сторону Дальнего. Вокруг пустынно, вещи можно оставить на время без присмотра, нужно провести конную разведку. Не добрался, не знаю к счастью это или нет, но я повстречал наших. Хотя как раз думаю именно для них это к счастью. Так как я был один в один похож на китайского бандита, даже элементы одежды снятые с хунзуров одел, теперь не отличить было, я спокойно добрался до дороги, решив двигаться по ней. А что, хунзуры на зарплате у японцев, те их вполне спокойно нанимали, чтобы они в наших тылах шакалили, наверняка обе винтовки и пулемёт оттуда, так что прикрытие если не идеальное, то вполне хорошее. А чтобы совсем не вызывать подозрения, я перебинтовал правую руку и повесил её на самодельную косынку. Типа ранен я. Как выяснилось, маскировка не подвела. Даже конные патрули, что иногда проносились в разные стороны, на меня даже не смотрели.

В общем, добравшись до дороги, я дальше двинул по ней. Так как движение тут было не сказать что спешное, стал обгонять повозки, пешие колонны в основном шли навстречу, изредка попадалась артиллерия. По батареейно шли. Вот так вот я и догнал небольшую процессию. Два японских солдата конвоировали пять русских пленных. Они были связаны одной верёвкой и брели в пыли дороги по одному друг за другом. Пристроившись сзади, я

двинул следом, поглядывая на пленных и на обе стороны дороги. Мне свидетели не нужны, тут же обстреляют или начнут погоню. Да, я решил освободить пленных. Так вот, пока на дороге были японцы, я стал рассматривать пленных. Один точно был артиллеристом, белая рубаха, да и красные погоны на это намекали. Фуражку он где-то потерял, шёл с непокрытой головой. Белые шаровары сильно испачканы землёй на коленях, сбоку вырван клочок материи. В общем, судя по синякам, крепкий такой артиллерист демонстрировал собой, что русские солдаты погибают, но в плен не сдаются. Правда, этот как-то попал. Артиллерист был самым крепким и самым высоким, шёл впереди. За ним три обычных пехотинца, даже глазу нечем зацепиться. Обычная форма, блины фуражек на головах, тоже пыльные и грязные, у одного бланш на пол лица. Разве что двое были сильно в возрасте, вроде таких встрою не держали, третий молодой, обычный такой солдат. Вот с пятым я никак не мог понять, что не так, пока не догадался, что он был не строевой, кажется фельдшер. Хм, теперь понятно. Похоже японцы на обоз наткнулись, а это результат того боестолкновения, кого побили, кого в плен взяли, а кого рассеяли по степи. Теперь всё складывается, двое видимо возникшие, те что пожилые, фельдшер с ними был, а те двое, артиллерист и пехотинец или просто попутчики, например в часть возвращались, или в охране были. Надо будет узнать, когда освобожу, угадал или нет.

Когда эта часть дороги стала свободнее, сзади и впереди на горизонте, были видны японцы, я быстро сделал два выстрела из пистолета с глушителем и, скользнув с коня на землю, подбежал к пленным с ножом в руке.

— Я свой. Сейчас срежу верёвки, хватаете трупы японцев за руки и за ноги и волочёте вглубь поля. Там в траве их не будет видно, после чего уходим. Оружие и боезапас берём. Быстро-быстро.

Похоже, японцы так ничего и не поняли, вслед нам не стреляли, когда мы удалялись от дороги все дальше и дальше. А что, выстрелов они не слышали, что происходило, не поняли, кто уходил не разглядели. Патрулей чтобы проверить под рукой не было. В общем, сошёл кто-то с дороги ну и чёрт с ним. Заметив, что бегущие рядом пленные задыхаются, хватая ртом воздух, я снял одну из фляг, и передал бегущему рядом артиллеристу. Догадка оказалась верна, у пленных было обезвоживание. Так что два литра выдули они, передавая флягу из рук в руки, в момент.

Когда мы достаточно удалились, и перешли на шаг, место в седле я сразу уступил фельдшеру, мужик пожилой, такого бега мог и не выдержать и, осмотрев, стал опрашивать пленных. Кстати, фельдшер, он был всё же строевой в звании унтера, тоже поинтересовался кто я такой. Сказал, вызывая удивление у пленных, обо мне уже все слышали, причём только хорошее. Так что поглядывали на меня с некоторым почтением и уважением. Лыстило, не скрою. Насчёт обоза я угадал, фельдшер и два возникших были оттуда, а вот молодой солдат и артиллерист нет, их чуть позже свели вместе с обозниками. Те сообщили, как попали в плен. Ну артиллерист ладно, до ветру отошёл от своей батареи менявшей позицию вот его и прихватили в качестве языка в кустарнике у дороги. Вот пехотинец оказался из летучего отряда разведчиков. Из тех, что работают по тылам японцев. Их вооружали парой пулемётов, проводили лёгкое обучение и вот они уже действуют в тылах. Причём солдатик был уже опытным, четыре раза у японцев в тылу был. Как я понял, не только казаки так действовали, но и из пехоты формировали такие отряды, особенно из эскадронов разведки. Тачанки становились новым словом вооружения и техники в этой войне, до такой степени, что и у японцев они стали появляться. Кстати, про Ена он слышал, тот тоже на слуху был. А попал в плен просто, в бою чиркнуло пулей по голове, видимо товарищи это не заметили, или посчитали мёртвым, так что очнулся, когда его обыскивали. Рану тот показал, приподняв свою мятую фуражку. Фельдшер обещал посмотреть, когда мы прибудем на место, японцы перевязкой не озаботились, видимо не посчитав это

нужным.

Сам я поглядывал по сторонам. Поэтому заметив одинокое дерево, которое давно было мертво, выбелено временем, мы свернули к нему и наломали веток для костра. Наконец почти под вечер мы добрались до места моей стоянки. К счастью тут никого так и не было, правда, два коня поднявшись по склону, щипали наверху траву, пришлось направить одного из возничих, чтобы тот спустил их, и они не демаскировали укрытие. Пока мы шли, я всё обдумал. Артиллерист, он был вооружён одной из винтовок конвоиров, вторая досталась раненому стрелку, встал в охранение, один возничий готовил нам ужин, а им обед, с утра ничего не ели, я занялся распределением трофеев. Да что распределение. Котомка при мне, пистолеты тоже. Отобрал лишь ценности, что были у хунзуров, сложив в наспинный мешок, это точно пригодится, особенно наличность, имевшая тут хождение. В мешок положил одеяло и утварь с небольшим запасом продовольствия. А остальное я отдал бывшим пленным. Всё, включая всех лошадей. Вон, парнишка стрелок опытный, знает, как тут ходить, так что доведёт отряд до наших, он подтвердил, что сможет провести людей и лошадей в наш тыл, не везде оборона сплошная, есть места, где солдат вообще нет. Кстати, он же и пулемёт стал изучать с моей помощью, как только фельдшер обработал и промыл ему рану на голове. Перевязочный материал был среди трофеев. Даже какие-то мази имелись. Судя по тому, как их осмотрел и обнюхал фельдшер, он знал, что это такое. Одной вонючей мазью намазал рану, забинтовав голову. Парнишка, его Фёдором зовут, «Мадсены» раньше видел, когда с одним из летучих отрядов казаков повстречался, дали посмотреть, но использовать не получилось, так что сейчас будет шанс. Вот именно он и вооружился пулемётом. Артиллерист сменил трофейную винтовку на более привычную «Мосина», остальные трофеи, включая четыре револьвера, разобрали обозники. Кстати, я с удивлением узнал, что в начале войны артиллеристы имели на вооружение только пушки, личного оружия не было, и только с приездом Макарова, поступил приказ вооружить артиллеристов. Оружия не хватало, потому выдали им по остаточному принципу, винтовки «Бердана». У артиллериста, его Семёном звали, была как раз не «берданка», а хоть и сильно расстрелянная, но «мосинка» так что тот её знал.

Во время ужина, посуды хватило всем, мы продолжали общаться. Тут же освобождённые пленные и узнали что всё, навоевался я. По приказу императора мне теперь запрещено воевать на русской стороне. Солдаты не верили, пришлось доказывать, единственный кто умел читать, фельдшер, вслух прочитал для всех письмо от императора. Когда он закончил все сидели в унылом состоянии. Сперва конечно возмущались, но когда тот закончил только огорчённо вздыхали. Со слов Семёна, он вообще не понимал, какая муха укусила правителя. У меня были одни только победы, пулемёты я доставил на своих судах, что так помогали, это было известно в подразделениях, помогал как мог, японские корабли топил, уменьшая и ослабляя их флот, и тут такое.

В общем, убрав письмо обратно в котомку, я продолжил общаться с ребятами. Интересные люди, много нового мне об этой войне поведали.

Утром, после лёгкого завтрака, я попрощался с ребятами, и мы разошлись. Те, оседлав лошадей и забрав все мои трофеи, верхом потянулись в сторону фронта, их Фёдор вёл, командование на себя фельдшер взял как старший по званию, ну а я направился в сторону Дальнего.

Был у него уже к обеду. Мне удалось беспрепятственно попасть в порт, хотя он и был наводнён японцами, они его использовали для высадки войск и снабжения армии, что наступала на этом направлении. Эх, сейчас бы несколько мин поставить на фарватере, а то в порту почитай с сотню пароходов было, что разгружались, а некоторые, загружались, как например два

госпитальных судна. Естественно туда, где была зона японцев, я не пошёл, а двинул в сторону небольшой туземной деревни. Она действительно сильно пострадала, на первый взгляд, уцелело не более десятка строений, но люди были. Вот от этих людей я и узнал, что все лодки реквизируют для разгрузки японцы, как в прочем и всё мужское население. И если я не хочу чтобы и меня прихватили, лучше спрятаться. Мне так одна корейская женщина посоветовала. Пропускать мудрые советы мимо ушей не хотелось, да я и не стал, так что, сбегав на сторону, спрятал свой мешок и котомку, после чего вернулся и дал возможность прихватить меня двум японским солдатам. Они то ли в патруле были, то ли просто шакалили в деревне пытаюсь найти, чем бы поживиться. Обыскивать меня не стали и не нашли три динамитные шашки. Я бы больше взял, но среди трофеев хунзуров, шашек было всего три, да и бикфордов шнур не такой длинный. Минут на пять, а это очень мало. Ничего, я что-нибудь придумаю. Хочу устроить японцам прощальный подарок. Рвануть судно с боеприпасами. Порт с трудом вмещал все грузовые суда, что тут находились, так что если какое судно или склад на берегу рванёт, мне даже сложно представить что тут будет. Правда Дальний тогда потеряет для меня возможность найти лодку или какое другое средство передвижения по воде, но я готов на это пойти.

Всё получилось, как я и планировал, на нанятых корейцев и китайцев японцы особо не обращали внимания, ничему их жизнь не учит, покрикивали только, чтобы шустрее шевелились и всё. Так что мне удавалось перемещаться между разгружаемыми судами и, обнаружив таким путём вставший под разгрузку полный артиллерийскими боеприпасами пароход, включился в команду по его разгрузке. Там в трюме, я и заложил все шашки среди ящиков. Поджёг бикфордов шнур и, подхватив ящик, что полегче, бегом поднявшись наверх, пробежал по шатким мосткам и заторопился к складу на берегу. Успел бросить ящик и рванул в сторону. Укрытие я себе уже присмотрел. Впервые взрываю судно так близко, и надо сказать не сильно обрадовался этому. Укрытие было отличным, земляной вал у бывшей электростанции, так что, забежав за него, упал у недостроенного сруба покоцанного пулями, спрятавшись за него, и сжался в комок, закрыв голову руками, открыв рот. Когда я бежал, японцы криком пытались привлечь моё внимание, но я не обращал на них внимания, если кто выживет на берегу, а таких будет мало, поверьте, обо мне и не вспомнят, некому будет.

Когда вдруг наступило ЭТО, я чуть не потерял себя. Тряхнув головой, посмотрел в сторону огромного чёрного облака поднимающегося над портом. Земляной вал был практически полностью сметён, от сруба остались одни нижние венцы, как раз за ними я и прятался.

Быстро ощутив себя с ног до головы, состояние было не понятным, руки дрожали как от болезни Паркинсона, да и всего трясло, однако переломов не было, хотя синяков предположу, будет много, по всему телу. Нет, больше так близко взорвать не стоит, опыт был не совсем хорош. Сбросив с себя бревно, что придавило ноги, к счастью не поломав, я с трудом встал на ноги, рассматривая ту жуткую картину, что стояла вокруг. Почти треть судов, насколько я видел через дымы в порту, была выкинута на берег, жертвы и потери были страшными. Да и из-за дымов я половины не видел, но предоставлял всё прекрасно. Пошатываясь, похоже, я ещё и лёгкую контузию получил, направился за своими вещами. Часть туземной деревни горала, но к счастью мои вещи не пострадали. Пока шёл, пытаюсь перейти на бег, приметил несколько лодок, что дрейфовали в заливе, правда, как добраться? Как до них добраться?

Помогли мне сами японцы, лавируя между повреждёнными и полузатопленными судами к берегу шёл паровой катер. Мне он не подходил, дальность хода небольшая, а вот сменить местоположение самое то. Похоже, японцы использовали его как лоцманское судно. Встречали суда на входе и проводили через минный фарватер, и во время взрыва он был на входе, поэтому практически не пострадал. Присмотрев, куда команда собирается пристать, прихватив вещи, я

побежал туда. Никто не заметил, работал я с глушителем, что команда была перебита и сброшена в воду у разбитого пирса. Там я занял место рулевого и повёл баркас обратно к выходу. Пока есть время и неразбериха вокруг, стоит свалить. Когда давление пара начало падать, я подбросил угля, отметив его запас. До англичан не хватит, но если идти вдоль берега, то добравшись до ближайшей рыбацкой деревушки можно махнуть его на нормальную лодку с мачтой и парусом. А там и до цели доберусь. Ох и не завидую я нагличанам. Среди судов в порту, треть были под их флагом, считая тот, что я подорвал. Такое прощать нельзя.

Опустив подзорную трубу, я задумался. Не знаю, где бродит-ходит большая часть эскадры, что дислоцируется в порту Вэйхая, но на месте оставалось едва треть. Правда отсутствовали в основном крейсера, но зато было три броненосца и два из них самые современные, что были во флоте нагличан. Именно ими пугали наших англичане, намекая, что могут вступить в эту войну на стороне Японии. То есть это была та сила, которой англичане давили на наших. Намёками больше, официально ничего такого не было, но главное посмели. Я это из английских газет узнал.

Да и склады на берегу представляли для меня так же немалый интерес. Сложив трубу, я встал и стал спускаться с холма вниз. Прибыл я к этому берегу вчера вечером и только сейчас, к обеду следующего дня, сподобился провести первичную разведку. Теперь собираем вещи и идём в город, нужно замаскироваться среди местного населения и подготовить акт возмездия. Само путешествие через пролив особо ничем не запомнилось. Тогда, благополучно покинув Дальний, я добрался до первой попавшейся деревушки и действительно без каких-либо проблем поменял паровой катер на большую лодку с парусом. Причём без доплаты, рыбаки просто были не в себе от счастья, обменять грошовую лодку на дорогой и современный катер. Ха, пусть потом с бывшими хозяевами разбираются, если те найдут своё бывшее имущество. Ну да ладно. Набрав тут также продовольствия, из того, что можно есть без готовки, и оно долго храниться, почти два дня плыл к китайскому берегу. Лодка оказалась не самой ходкой. Добрался благополучно, несколько раз видел дымы, приходилось складывать мачту, чтобы меня не заметили и действительно не увидели. Проходили наши и японские миноносцы, но меня они так и не рассмотрели. Штурман я неплохой и вывел баркас без карт с одним компасом точно к цели. Под вечер дело было. Вытащил лодку на берег, сложив мачту, и провёл на свёрнутом парусе ночь, укрывшись своим походным одеялом, а утром занялся своими вещами, и вот только сейчас поднявшись на холм, осмотрел порт и стоянку английских военных кораблей. В общем, я у цели, осталось только побольнее укусить. Да так, чтобы на всю жизнь запомнили.

Уже в городе я отметил нововведение сделанное у складов англичанами, что заставило меня выругаться. То, что земляной вал насыпали между складами и городом недавно, это было видно, свежий он был. Среагировали на мои атаки Сасебо и Чемульпо, получается. Кто-то тут умеет думать головой и имеет нужное образование, ну или привлёт для этого специалистов. Надо бы эту головёнку свернуть паразиту, чтобы умные мысли в голову меньше приходили.

Спускаясь по натопанной вьющейся по склону холма тропинке, я продолжал во все глаза рассматривать город. Англичане отстроились здесь знатно, и было бы неплохо снести город взрывной волной, но англичане предусмотрели такую возможность. Ничего, я всё равно что-нибудь придумаю. От лодки я уже избавился, столкнул её в воду, как раз был отлив, так что та стала, дрейфуя, удаляться от берега, а пробитое небольшим топориком днище не позволит ей

долго маячить перед глазами. Топорик и моток верёвки были из запасов самой лодки. Хозяин так рад был её мне отдать в обмен на катер, что всё, что было в лодке, досталось мне. Топорик был неплох, правда, почему-то бронзовый, но зато заточенный до бритвенной остроты. Правда, бронзовый, причём по виду ясно, что старый до времён фараонов. Древний артефакт.

Вот так, закинув за спину потяжелевшей мешок, там были остатки продовольствия и две двухлитровые, сейчас пустые фляги, котомка висит на боку, я и двинул к городу. Поднявшись на холм и пройдя большое возделанное поле, там дорога была по краю, вышел к другому холму, со стороны внутренней бухты, и вот как раз стал спускаться к городу. Англичане были в своём репертуаре, отдельно их город, отдельно китайский. В принципе у нас в Порт-Артуре было так же, но там города совмещались, и между городами по пустырю не ходили патрули. Я видел мундиры цвета хаки пехотинцев из крепости порта. Направлялся я естественно не в город англичан. Одет как китаец, прихрамываю, лицо испачкано, так что маскировка на месте, и моё место именно в туземном городе. Нигде иначе. Причём продолжая спускаться, я всё отслеживал вокруг. Что мне не понравилось, видимо англичане ввели в порту военное положение, очень мало было людей у складов, особенно китайцев. Плохо. Я планировал поджечь их, на одном из них точно хранятся снаряды для эскадры. Ладно, и тут что-нибудь придумаем. Я мстительный, я мстить буду.

Добравшись до окраин туземного городка, я проходил мимо крайних лачуг, где селилась беднота. То, что именно беднота я почувствовал быстро. На меня налетело три подростка примерно моих лет одетых в рваньё. Видимо их впечатлили мои мешок с котомкой. Не жалел, бил чтобы покалечить или убить. Первый удар, я сам не ожидая пропустил, и мне разбили нижнюю губу, так что дальше дрался с холодным разумом и бешенством в душе. Пришлось сбросить поклажу, чтобы нормально развернуться. Удары мои не проходили даром, снося с ног нападавших. Причём двое явно знали какие-то китайские единоборства, двигались плавно, да шипели. Фигня, оба со сломанными челюстями и рёбрами легли в грязь кривой улочки. Свидетелей драки было много, однако смотрели больше со стороны комментируя увиденное, так что дав леща, нет ЛЕЩА, мелкому салаге лет восьми, что пытался утянуть мою котомку, отчего тот сел на задницу и свёл глаза в кучу, я подхватил вещи и двинул дальше. Культуру русского бокса тут ещё не знают и я хорошо его продемонстрировал. Восточные единоборства я тут не использовал, могли подловить, а вот с боксом, это хорошо получилось.

Китайский я всё так же знал плохо, фактически никак, но найти знающего корейский смог даже тут, а маскировался я именно под корейца. Найдя старушку, что сдавала комнату в своём жилище, договорился о снятии, та запросила оплату в английских деньгах, они у меня были, спасибо кассе бывшего «Талбота», так что уплатил сразу за пять дней. Не знаю, насколько я тут задержусь, но рисковать не хотелось, мне ещё на разведку время нужно. Дом у старушки был построен в китайском стиле, мне не совсем нравились эти тонкие перегородки из пергамента, однако под потолком были балки, и я спрятал котомку на ней, мешок оставил в углу у постели. Там тоже были, конечно, ценности, но не как с котомкой. Уже вечерело, поэтому сходил покушать в забегаловку. Заказал местной лапши, хотел снять пробу. Комнату я снял без питания, мне это не требовалось с многочисленными закулочными в туземном квартале.

Чуть позже, до наступления темноты погулял по берегу, разглядывая бухту. У грузовых причалов стояли под разгрузкой четыре английских парохода. Со смешком отметил там знакомое судно. В третий раз встречаемся. Сначала в составе конвоя под охраной миноносцев, потом у японских берегов, повезло порожним шло, и наконец, тут.

Вот так гуляя, я размышлял. Уничтожить нужно всё одновременно, иначе взорвёшь одно, сразу

ужесточиться охрана и начнутся поиски, а охочих до денег людей среди китайцев хватает, быстро помогут меня найти и сдадут. Даже сейчас была некоторая опаска, что англичане уже интересуются всеми новичками и им обо мне сообщат. Можно этого избежать и об этом я уже подумал. Например, стоит купить небольшую повозку, это вполне реально и, удалившись от города километров на пять, организовать лагерь в тихом и неприметном месте, доставив туда все свои вещи. Когда месть свершится, добегу, и дальше двину под видом простого путника на этой повозке. Дальше Циндао, хочу посетить Эриха, планы у меня изменились насчёт Пекина. Вот пока и всё.

Заметив, что начало темнеть я поспешил обратно к своему дому, где у меня была снята комната. А то сейчас стемнеет, без гида чёрт с два найду, хотя и запоминал путь к порту. Осмотрев со стороны дом, похоже, засады нет, прошёл внутрь, сообщив хозяйке о своём приходе, она ещё не спала, светильник светил и, устроившись одетым на кровати, приготовив оружие, спокойно заснул. Дверь я подпёр мешком, услышу, если попытаются открыть. С хозяйкой я общался спокойно, она кореянка была, и даже обрадовалась, что знаю её язык, правда то, что я не кореец быстро раскусила, пришлось выдавать другую легенду. Отец француз, мать кореянка, вырос в Корее. Вроде проглотила.

— Отличная повозка, — согласился мой переводчик, когда мы посетили третий дом, где продавалась повозка. Две первые забраковал, и повозки старые, долгого путешествия не выдержат, и лошади не лошади, а клячи.

Сегодня утром я привёл себя в порядок, отмылся, одежду почистил, чтобы выглядеть неплохо, и понял, что это не может. Подистрепался я. Так что, утром вспомнив, где живёт встретившийся мне знаток корейского, он же и подсказал на счёт этого дома, я дошёл до него и договорился что найму его. Помимо этого парень учил меня китайскому. Сам он был рыбаком, платил я чуть больше, так что он решил отдохнуть. Мы посетили местного портного и, отобрав себе из готового, остался довольным. Взял два комплекта одежды. У себя переоделся, низко надвинутая шапка скрывал наполовину лицо, и направились искать подходящие повозки. Их продавалось не так и много, пять штук. Первые две не понравились. С третьей не повезло, продали, так что пошли по следующему адресу и наконец, нашли то, что нужно. А то, что было видно по лицу, что я имею европейские черты, самодельная маскировка помогала плохо, объяснялась мной просто, отец европеец, мать кореянка. Это тоже проходило легко, как я понял тут это обычное дело, да и сам встречал таких метисов.

Оплатив повозку, мы с Бохаем, как звали моего переводчика, болтая на ходу, покатали к местному небольшому рынку. Тот честно выполнял все взятые на себя обязательства, показывал город, рассказывал об англичанах и так же учил китайскому языку, постепенно моя память заполнялась и уже достигла порядка ста слов. К вечеру я практически уверенно понимал всё, о чём говорят местные, что не могло не радовать, даже отвечать начал. К обеду на пару часов я расстался с Борхом, тот отправился к себе обедать, а я на повозке с покупками, покинул туземный городок и покатыл от города вглубь континента. Найти подходящее место для лагеря удалось достаточно быстро, правда, удалился далековато, почти на семь километров, но заросший кустарником овраг мне подходил просто отлично. Найдя пологий и подходящий спуск, взяв крепкого на вид коня за узду, я спустился с ним вниз и долго шёл по дну оврага, пока мы не ушли подальше от дороги из города. Тут были крутые склоны, конь наверх не поднимется, так что распряг его, стреножил ноги и оставил пастись, повозка стояла на тормозе. Проверил поклажу, осмотрелся и довольно кивнул. Неподалёку была большая лужа, вроде чистая, для коня пойдёт, чтобы напиться. Травы тоже хватало, молодая, весенняя, так что питаться есть чем, пусть тут будет. Бегом я вернулся на дорогу, после чего и в город, где продолжил наши уроки с Бохаем. Всё же я решил нанять его на все пять дней, не стоит

отказываться от такого хорошего учителя, а как я успел убедиться, тот имел способности к обучению. Не у всех есть такой дар, вот я, например его лишён. Это я о систематическом обучении, редкие лекции это ещё нормально, держусь.

С грузом в повозке там всё стандартно, всё для похода. Даже нашёл небольшой шатёр, и купил, он тюком лежит у заднего борта. Посуда, одеяла, ну и продовольствия для путешествия. В общем, к отходу подготовился. Помимо запасов мной были куплены два отлично сделанных бамбуковых бакена, японские деревянные мечи, случайно на торгу их усмотрел. Оставил в повозке, тренировок забрасывать я не хотел. Раз решил стать обееруким, то чего бросать на полпути, тренироваться нужно и тренироваться.

Бохай откровенно изумлялся, как я за следующие семь дней подтянул свои знания языка и явно думал, что я над ним шутил, притворяясь, что не знаю языка. В совершенстве я им не овладел, однако хоть и с сильным акцентом общаться стал вполне уверенно. А в последние четыре дня стал ещё брать уроки китайской письменности у местного учителя этого предмета. Вот уж где было тяжело. Но ничего, так же уверенно учился и познавал эти иероглифы. Это же надо было додуматься. Один иероглиф, одно слово. Местный учитель был довольно хорошо образован и знал два вида китайского языка, старый и буквально недавно разработанный новый. Учил меня он старому, но вводил в курс и по новому, чтобы я знал о нём хоть что-то.

За эти семь дней моя жизнь даже вошла в привычную колею, однако о причинах появления здесь не забывал и готовился. Так вот, рано утром, спозаранку, я легко завтракал и совершал пробежку до лагеря, проверял коня, обихаживал его, проводил часовую тренировку на деревянных мечях, после чего так же бегом возвращался. Там мы с Бохаем продолжали уроки языка, гуляли и изучали порт. После обеда, уроки письменности до четырёх часов, и снова Бохай со своим обучением. Вечером я снова бежал в лагерь, проверял как там, тренировка с мечами, полчаса, не больше, и уже затемно возвращался в город, ночевать я предпочитал в снятой комнате. Лишь последние две ночи провёл в лагере, тем более все вещи уже были перенесены и укрыты в очерёдность, чтобы не нашли если кто случайно наткнётся на лагерь.

И вот на седьмой день, отправившись утром в город, я продолжил интенсивное обучение языка, и к обеду сообщил Бохаю, что всё, мол, отправляюсь в путешествие, всегда мечтал посмотреть на Китай. Тот получал оплату по факту, то есть каждый день, вот и сейчас получив деньги за полдня, отправился по своим делам, перед уходом пожелав мне хорошего и удачного путешествия. Я же направился к учителю письменности, отказываться от уроков на сегодня я не планировал. Тем более акция мести англичан у меня назначена на вечер и на остаток ночи. Всё уже было продумано и даже подготовлено, я это всё сделал, пока мы с Бохаем изучали туземный город и порт. Я закупил всё необходимое на рынке, а там даже динамит свободно продавался, отнёс всё на берег, подготовив, схроны и осталось только действовать. Вот и будем, но это вечером, сейчас у меня урок.

Быстро выглянув из-за башни главного калибра, «Глори», английского броненосца типа «Конопус», я присел и задумался. Шестёрка морских пехотинцев что смеялась и курила у правого борта, не давала мне возможность пройти к люку, что вёл к носовым погребам, там находился боезапас для носовых казематных орудий. Как я понял из их разговора, перемешивающегося со смехом, одному из них сегодня было день рождения, тридцать лет детине исполнилось, и ни его незаметно праздновали. Сейчас же вышли на подветренную сторону проветриться и покрутить. А в кубрике их ждали остатки выпивки и закуски. Как я понял, такие вечеринки были строго запрещены на английском флоте. Однако некоторые капитаны делали послабления своим экипажам, всё ж такое удаление от метрополии. Мол,

пусть ребята спустят пар. Среди морпехов затесалось несколько матросов, видимо участвующих в вечеринке, однако всё равно их было много. Начну стрелять, привлеку внимание. Да, этот броненосец под адмиральским флагом у меня был последним, два других броненосца, один броненосный крейсер и судно, стоявшее под загрузкой боеприпасов, их отправляли в Японию, я уже заминировал, а время тикало, химические взрыватели, да ещё самодельные, были не самыми надёжными. При этом я почему-то был в них уверен. Поэтому до первого взрыва, не думаю, что они рванут одновременно, всё же разброс будет, оставалось чуть больше получаса, плюс-минус.

Сейчас я был совершенно голый. Лишь сумка непромокаемая на поясе, там пистолет и два взрывателя, а за спиной мокрый, вернее промокший рюкзак с динамитом, динамит внутри в небольшом непромокаемом мешке. С меня вода уже стекла и при луне, которая предательски выглядывала из-за туч, оно блестело от толстого слоя сала. Хотя после стольких купаний и ползанья по якорным цепям, от этого сала мало что осталось, но я возобновлял защиту. Банка с салом у меня была в том же рюкзаке. Следы я подтирал, воспользовавшись опытом перового подобного минирования крейсера типа «Крейси» в германском порту. Тогда правда не я на дело ходил, но опыт он и есть опыт. На голове у меня чёрным полотнищем был, намотал тюрбан, им я следы на палубе и подтирал. Это очень важный этап, поверьте. Английские матросы благодаря своим офицерам и уорент-офицерам известные чистоплюю в отношении корабля, на котором несли службу, так что если заметят где пятнышко, тут же нагнут всю вахтенную смену и будут их песочить в такой позе, а это срыв операции.

Меня уже била крупная дрожь, я замерзал, а гулёны всё не уходили, и вахтенный офицер, что маялся дальше на палубе, эту компанию не разгонял, сволочь. Я так вообще замёрзну, водичка в бухте отнюдь не летняя, а тут ветерок на палубе. Достав из набедренной сумки бутылку с ромом, я ею подогревался, весь хмель моментально слетал, когда я возвещался в воду, и сделал пару глотков. Наконец я не выдержал и из-за башни крикнул:

— Парни быстрее вниз, там на нашу выпивку нацелились.

Такая шутка сработала, те бросились вниз, а я скользнул к нужному люку и, спрыгнув на плохо освещённую аварийным питанием палубу, столкнулся тут с двумя матросами. Судя по инструменту, разброзанному вокруг и кабелям, ремонтниками-электриками. Вот с ними я почти сразу сцепился, одного получилось выбить сразу. А вот второй отскочил, с чем-то вроде киянки в руках, или небольшого ломика, кажется, он ею отгибал держатели кабелей на стенках. За пистолетом было лезть долго, я подобрал какую-то мелочь под ногами и бросил её в лицо матросу, тот закрылся руками, что позволило мне с ним сблизиться и тремя ударами вырубить. Два не помогли, череп буквально дубовый. Что было хорошо, от неожиданности матросы сами бросились в драку, не привлекая криками внимания. Причём тот матрос, что имел крепкий череп, ещё что-то вякнул, вроде «сипай», видимо принял меня за индийца из-за тюрбана. Гы.

Дальше я рванул к погребам, без удивления обнаружив, что они охраняются. На одном из броненосцев охрана тоже была. Сняв её, пистолет с глушителем помог, и скользнул внутрь. На установку мины мне понадобилось две минуты. Уже всё было готово, причём замедлитель я поставил на десять минут. Чтобы корабль рванул в тот же временной период, что и остальные. Я с часами сверялся, они у меня были тут же, в набедренной сумке. После этого я кинулся вверх, благополучно и незаметно добрался до якорной цепи, и быстро перебирая руками и ногами, скользнул в воду, нырнув в неё с головой. Плыл я от корабля большей частью под водой, а когда удалился на максимальной скорости рванул к берегу, обходя стороной стоявший на якоре бронепалубный крейсер. Ранее его не было, три дня назад пришёл. Кстати, с ним надо

тоже что-то делать, я вообще собирался потопить все боевые корабли в бухте. В общем, посмотрим, надеюсь забитое боезапасом судно у грузовой флотской стенки, всё доделает за меня, крейсер стоял недалеко от него. Его взрывом пустить на дно ещё можно, но более тяжёлые суда я сомневался, вот и перестраховался, решив заминировать их. Английские корабли плохо держались на воде при взрывах боезапасов, так что сомневаться в их дальнейшей судьбе не приходилось. Правда на местах их стоянок не такая и большая глубина, поднять можно, вот отремонтировать вряд ли, проще новые построить, но это всё время, оно позволит нашим расправить плечи.

Добравшись до берега, я выбрался на него и, подняв подготовленное полотенце, быстро вытерся, снимая жир. Первое быстро пришло в негодность и я воспользовался вторым, вот оно помогло мне вытереться насухо, так что, отбросив его к следующему, оделся в тёплую шерстяную одежду, и меховую шапку, ночь прохладно и мне после купания холодно, после чего укрылся за валуном у которого и была сложена моя одежда. Остался один заряд и одно средство инициации. В моих глюках было немного по-другому, да и я использовал бикфордов шнур. А так вообще история по сравнению с глюками оставалась прежней. Англичане крейсерами сопровождали свои конвои в Японию и нагло демонстрировали пренебрежение обязанностями союзника к Российской империи и наплевательское к законам. Пора их за это проучить. В глюках я подорвал два броненосца, третий остался цел, что-то там не сработало, может, кто заметил, как дымит шнур и смог нейтрализовать бомбу. Так же был подовран один из броненосных крейсеров. По иронии судьбы, тот же самый что стоял в бухте сейчас, в реале. Потом меня свалила простуда, и я после горячки очнулся в госпитале Владивостока. Парни мои меня туда доставили. Тогда мне помогали, это так, тут же я действовал один, так как брать акцию в Вэйхайе в ближайшее время не планировал, в будущем посмотрим, но не сейчас. Сам я находился не так и далеко от складов флотского имущества. Чуть дальше начинались пирсы, а до самих складов было рукой подать. Чтобы сюда пробраться, тут раздеться и приготовиться к минированию боевых английских кораблей, пришлось подумать, но мне удалось и то и другое. Всё сделано и я, мысленно отсчитывая время, ожидал, когда сработает первый взрыватель. Немного беспокоили часовые на двух броненосцах, как бы их не обнаружили. Электриков я вырубил надёжно, это там, однако если будут искать мины, могут обнаружить. В принципе я их хорошо спрятал, сразу не найдут, а это всё время.

Когда срок истёк, я досчитал ещё раз до десяти и расстроено крикнул. Как же так? Эти химические взрыватели вполне успешно срабатывали при испытаниях, а тут что? Неужели сбой? В это время меня оглушил первый грохот разрыва, очень громкий и яркий, вспышка осветила всё вокруг, а догнавшая её звуковая волна оглушила. Быстро выглянув из-за валуна, не сверху, сбоку, я радостно рассмотрел, что один из двух типов «Конопусов» фактически лишился носа, и сейчас быстро тонул. Кстати, башня броненосца, похоже, улетела куда-то в город, рухнув на крайние дома. Не туземный, их который, английский. Причём отметил, что на втором броненосце, тот который я минировал последним, было включено освещение, прожекторами осматривали воду вокруг и носились люди. Видимо ещё до первого взрыва там обнаружили часового и электриков. Тут фактически разом, рванули ещё два корабля. Сначала броненосный крейсер, а потом броненосец где я снял часового. А спустя три секунды подорвался на mine броненосец «Центурион». Все мины на боевых кораблях сработали, что не могло не радовать. Осталась последняя.

Дальше пришлось ждать. Мина на грузовом судне должна была сработать через пятнадцать минут после боевых, чтобы жертв от этой акции было больше. К этому моменту зеваки должны были собраться на берегу, да и помощь к тонущим кораблям отправиться. Уцелевшие корабли играть боевую тревогу. Прошло не пятнадцать, а четырнадцать минут, когда грузовое судно рвануло. Я оглохший как лежал за валуном осыпанный с ног до головы песком, так и лежал, и

только через минуту смог, отряхнувшись выглянуть. Метрах в шести от меня из песка торчал большой судовой якорь, другие обломки так же тут и там усеивали заметно изменившуюся береговую полосу. Хорошо, что у меня валун был углублён, иначе и его бы сдвинуло. Однако укрытием он оказался отличным и я не пострадал. Вот порт... Фактически порта не было. Однако посмотрев в сторону складов, я лишь выругался. Взрывной волной их раскидало, и сейчас там царили пожары. Но длинный пакгауз-склад с боеприпасами был самым дальним и он фактически не пострадал, кроме крыши, которую частично соврало. Несдетонировал, как я надеялся. Что ж, последний заряд всё же пригодится, он у меня был резервный. А так в бухте был ад, на моих глазах утонуло три из шести миноносцев, остальные были в такой состоянии, что смотреть страшно. Тот крейсер, мимо которого я проплывал, уже перевернулся и затонул. Небольшая глубина не давала ему уйти под воду полностью, и был виден киль. Дальше на судах что уцелели, были видны пожары и крены от подступающей воды. Другие грузовые суда тоже пострадали, кажется, три из них тонули, ещё два дав пар, позли к берегу, чтобы выброситься на него. Там вблизи уже выбросился один из миноносцев. Хорошо поработал, я был удовлетворён. Жаль многочисленные дымы мешали рассмотреть дела своих рук, однако пожары наоборот освещали весь порт, ночная темнота мне теперь не мешала всё видеть.

У валуна я пролежал ещё минуты три, пока паника у складов не усилилась, после чего включился в неё, но бежал в отличие от остальных солдат, в нужном мне направлении. Я был одет в форму английского солдата, с винтовкой на плече, так что не отличался ничем от сотен таких же солдат что носились вокруг. Лишь меховую шапку снял, успел согреться, да форменную кепи надел. Большая часть офицеров находились в городе, а единственный дежурный и не многочисленные сержанты остановить парнику вот так разом не могли, да и потери среди них были немалые, казармы ведь тоже пострадали и горели. Добежав до нужного склада, как раз где и находились боезапасы, мне поведал об этом солдат из патруля, что я допросил перед началом операции, форма оттуда же, снял из пистолета часового. Сбил парой выстрелом замок и, мысленно отметив, что стрелять в сторону склада боезапасов как-то не обдуманно, после чего приоткрыв одну створку, пришлось приложить силы, ворота перекосило, здание от взрыва явно пострадало, рванул внутрь. Закладка мины заняла три минуты, да и то время было потрачено в основном из-за того, что внутрь склада бегал, чтобы не сразу мину нашли. Задержку сделал в полчаса. Времени предостаточно, чтобы свалить. Выскользнув наружу, часового я затащил внутрь, прикрыл створку и замер, вытянувшись, изображая часового, мимо пронеслось два сержанта и тот самый офицер из дежурных. Как только они скрылись за углом, я тоже побежал. Пробежал английский город, ох и паника тут стояла, у него начались пожары, с десятков домов было охвачено огнём, там тушением занимались. Почти у всех, что стояли на набережной, снесло крыши, пара развалились, а окна так у всех были выбиты. Ещё два очага было в туземном городе, видимо и ему досталось, хотя они как раз от эпицентров взрывов были дальше. Однако ничего, ухоронка на территории туземного города была в порядке, я там переоделся, и рванул дальше. Форуму оставил, завалив камнями, да и оружие тоже. В смысле винтовку. Так что когда англичане перекрыли все выходы, по пятнам света масляных фонарей это понял, я уже покинул сильно пострадавшие порт и город, и быстро перебирая ногами по хорошо изученной ночной дороге, бежал к своему лагерю. До рассвета оставалось два часа, и я надеялся, что успею удалиться от города подальше. Когда за спиной рвануло, ещё одна яркая вспышка и зарево, и донёсся рокочущий грохот взрыва, я довольно улыбнулся, сработала мина. Хорошие взрыватели я всё же сделал, не подвели.

Добежав до лагеря, разбудил своего коня, это был молодой трёхлетка, запряг в повозку и, развернув её, не забыв со схронов своё имущество, деньги и документы, покатыл по дну оврага к дороге. Там где было полого, поднялся наверх и уже дальше по дороге. Кстати, уже когда рассвело, мимо пронеслось несколько всадников, английские драгуны, то отметил что они

останавливали всех на дороге и досматривали. Сам я к тому моменту съехал с дороги и укрылся в роще, удалившись от своего прошлого лагеря на десять километров, готовил себе завтрак. Да и вообще собравшись встать на днёвку, отдохнуть от ночной тяжёлой, но что уж говорить вполне приятной работы. Так что драгуны меня не заметили, а дыма мой костерок не давал, так что, проследив за их действиями с опушки, пожал плечами и двинул к своей стоянке, я ещё тут и выспаться планировал. Ночью дальше двину, пока не уйду из английской зоны оккупации, а там дальше буду путешествовать уже в своё удовольствие днём.

От Вэйхайя до Циндао было чуть больше двухсот километров по прямой, однако, не смотря на это, путь туда занял у меня почти две недели. По прямой я естественно не ехал, путешествовал, по дороге заглянув в десяток городков и деревень. Старые традиционные китайской постройки дома и архитектура действительно меня серьёзно интересовали, фактически за время этого путешествия я в совершенстве освоил китайский язык, выяснив, что говорю на одном из их диалектов, пришлось изучать и убирать акцент, с письменностью закончил, уверенно читал. В общем, отдохнул душой и телом, заодно выучив язык. Когда показался пригород Циндао, я натянул поводья, и лёжа в своей любимой позе, так путешествовать было удобнее, стал в небольшую подзорную трубу рассматривать город.

— Кораблей и судов прилично. Надеюсь, тут найдётся пакетбот, что идёт в метрополию, вернее в сторону Южной или Северной Америк. Всё же заглянем в Бразилию к бразильянкам, что-то китайки мне не по вкусу пришились.

В последнее время у меня появилась привычка разговаривать с самим собой, бормоча под нос, это когда свидетелей естественно не было, так что и тут я себе это позволил. Рядом никого, дорога практически пустынна. Лишь к городу подходило несколько гружённых мешками повозок. Кажется, в город привезли рис, такие мешки я уже видел. Тронув, поводья, я заставил своего коня, к которому за это время уже привык, тронуться с места, потянув за собой и повозку. К коню я привык, однако продам без сожаления. Скотина та ещё. Если заметит свежую травку у обочины, встанет и будет жрать, ни на что не реагируя. Характера у коня был поистине ослиным, не удивительно, что мне его с такой лёгкостью уступили, разве что повозка была хороша, крепкая, отличная, путешествие легко выдержало.

За время путешествия я не раз отмечал активные поиски. Участвовали китайские и английские военные. Вот только искали не одинокого путника, а группу повстанцев из Индии. Я когда в закуской узнал, что англичане ищут тех, кто напал на них, вызвав большие разрушения города и многочисленные жертвы, про утопшие броненосцы те говорили мельком, да и то цедя сквозь зубы. Так вот, похоже, кто-то из тех двух электриков выжил, и его допросили до взрыва, или после, вот и искали в округе индийцев. Я только посмеялся на это и повёл двух китайских девчат в снятый мной номер. Вот как-то так. Сейчас же повозка тряслась на выбоинах, гремя всем что можно и подталкивая коня в корму, тут был заметный спуск, катилась по дороге к окраине Циндао. Я собирался тут встретиться со своим знакомым журналистом Эрихом Грейнцем, хотелось просто пообщаться, да и было мне ему, что рассказать из своих последних приключений. Это я не про Вэйхай.

Где тот живёт, я не знал, узнаю чуть позже. Поэтому направил повозку в сторону туземного квартала, он тут тоже был. Там мне удалось достаточно быстро и фактически без потерь продать повозку со всем скарбом, оставив заспанный мешок и котомку, после чего двинул в сторону обычных кварталов, где проживали немцы, именно их администрация тут хозяйничала. Там нашёл портного и заказал у него три вполне неплохих комплекта европейской одежды, сразу уплатив, а то тот на меня с некоторым сомнением смотрел. Заказал два походных, и один более дорогой костюм для выхода в свет. Пока гулял, выяснил, где живёт

Эрих. Многие из местных удивлялись, что китайский паренёк так хорошо знает немецкий, всё же я продолжал ходить в китайской одежде. Сменки пока не было. Найдя неплохой уголок, сняв его на пару дней, оставил там вещи, котомка всегда была при мне, я пошёл к Эриху. Тот к счастью был дома. Как раз пришёл обедать, и он мне обрадовался, хотя чуть и не прогнал, сразу не опознав.

Тут ведь как дело было, он сидит себе спокойно обедает, когда в окно стали лететь камешки, мелкая галька. Выйдя чтобы надрать мне уши, он был остановлен моей улыбкой до ушей и словами:

— Здоров, Эрих, как синяки, смотрю, сошли уже, а?

— Чёрт возьми, Максим, ты ли это?

— Я-я, ты только на всю улицу не ори, — настороженно осмотрелся я. — Вообще обо мне никому, никто не должен знать, что я в Циндао.

— Ты один? Надолго? Твои корабли ожидают тебя в море?

— Нет, Эрих, — со вздохом ответил я. — По личному приказу Российского Императора мне запретили участвовать в этой войне, так что всё, я теперь обычный путешественник. Поможешь приобрести билет на пароход до любой из Америк? Чтобы не на моё имя было?

— Конечно сделаю, — согласился тот, даже немного удивившись просьбе.

Этот дом журналист снимать стал не так давно, когда его статьи пошли с увеличенными тиражами, соответственно и денежка покапала. Гонорары резко скакнули вверх. Небольшой одноэтажный домик старогерманской постройкой не был его собственностью, тот планировал себе купить дом в Берлине, копил на это, более того хозяйка дома выполняла роль прислуги, вполне прилично надо сказать. Эрих попросил её приготовить ещё один столовый прибор, а меня пригласил к столу. После сытного обеда, мы приступили к общению. Было видно, как тот рад меня видеть, ещё бы такие статьи со мной в главной роли давали максимальный доход, да ещё с фото, а сейчас, когда эта тема закончилась, вместе с информацией обо мне, Эрих перешёл к разгромным статьям, в основном они касались англичан. Правда, в последнее время они тоже пошли на спад. Англичане через администрацию Циндао надавали на редактора газеты, и тот пошёл им навстречу, чем перекрыл Эриху кислород. Теперь понятно почему он мне так обрадовался, запрещать статьи обо мне ему так никто и не думал. Эрих не хотел сдавать свои позиции ведущего журналиста, поэтому отправив мальчишку-посыльного на работу, сообщив, что его сегодня не будет, и мы прошли в его кабинет. Не совсем кабинет, скорее в отдельную комнату, исполняющую роль его рабочего места. Узнав, что я снял угол в туземном городе, тот искренне обиделся, пришлось извиняться и отправлять другого посыльного, в этот раз китайчонка, за моими вещами. Хозяйка дома уже готовила гостевую спальню, их тут две было, друзей и знакомых у Эриха хватало.

Мы проговорили почти до самой темноты, вечером, к ужину пришёл редактор Эриха, он же хозяин местной типографии. На самом деле газета была берлинская, а тут что-то вроде филиала, перепечатка, ну и свои местные новости, оба числились за берлинской газетой и получали оттуда зарплату. Это я так, немного отвлекся. В общем. Эрих, отправляя посыльного, через него шепнул редактору, что я в городе. Только тс-с-с. Вот тот и пришёл ко мне знакомиться, не выдержал. Нормальный такой дядька оказался, с шикарнейшей седой бородой до пояса. На Маркса похож был. Рядом с чисто выбритыми немцами он смотрелся как хиповатый старичок.

Герр Гроссе активно включился в нашу беседу, мы с ним быстро перешли на ты и он стал слушать дальнейшие мои повествования, Эрих например, их записывал от руки. Когда я дошёл до приказа Императора, герр Гроссе был в шоке, Эрих о письме уже знал. Я им предъявил его, на что редактор тут же попросил письмо на время, собираясь отпечатать его, причём в двух экземплярах, одно в виде фото, чтобы показать, что письмо настоящее, второе на немецком языке, перевод. Оба понимали, что это настоящая бомба и явно пребывали в нетерпении.

— Хорошо, — кивнул я, — но с одним условием. Эрих, записываешь?

— Да-да, конечно, — кивнул тот, строча в большом блокноте.

— Отлично. Значит, вот что, пиши, потом отредактируешь. После получения этого письма, я естественно уже не мог принимать участия в боевых действиях. Я решил начать путешествовать, на мир посмотреть, закончив путешествие в Париже. Мне предлагали провести там лекции, некоторые известные химики и физики сомневаются в моих знаниях. Так вот, предлагаю в ноябре этого года собрать в Парижском университете всех этих недоверчивых людей, там я им предъявляю некоторые из своих знаний. Думаю, это вызовет шок в учёном мире, а многое из этих знаний его перевернёт. Более того, я нарисую вам одну формулу, и вы её напечатаете у себя. Это формула-загадка. Тот из учёных или не учёных кто её решит, получит от меня премию сто тысяч российских рублей золотом. Это очень большая сумма, три больших парохода купить можно, или бронепалубный крейсер. Для информации, я эту загадку решить не смог... Что-то я отвлекся, к этой теме вернёмся позже. Обговорим её более спокойно. Так вот, я решил путешествовать и, покинув Порт-Артур, осмотреться. Случай привёл меня в порт Дальний, где хозяйничали японцы. Я планировал побывать в Пекине, посмотреть его архитектуру, изучить быт, жизнь китайцев, однако как я уж говорил, случай привёл меня в Дальний. Там я планировал добыть лодку и перебраться на берег где находится Циндао, а потом уже прибыть сюда, что я в принципе и сделал. В Дальнем у меня просто сердце кровью обливалось глядя на более чем сотню грузовых японских судов, что разгружались там. В общем, я пошёл на нарушение приказа Императора, за что прошу искреннее у него прощение. Понимания что этим своим проступком я навсегда закрываю себе дорогу обратно в Россию, не хочу быть арестованным и судом отправленным на каторгу, я планирую никогда не возвращаться в Россию. А прошу прощение за то, что я всё же не выполнив приказ Императора, снова вмешался в эту войну. Я взорвал пароход с грузом боеприпасов у причальной стенки, где тот разгружался. Это вызвало многочисленные жертвы среди японцев и повреждения других судов. Некоторые даже затонули. Надеюсь Его Величество немного смилостивится, всё же через этот порт велось снабжение наступающей японской армии, и после взрыва это снабжение было на несколько дней приостановлено.

— Некоторые повреждены? — несколько странно хмыкнул редактор. — Да по последним подсчётам шестнадцать судов затонули, около трёх десятков требуют серьёзного ремонта, две трети из них выбросились на берег, остальные тоже пострадали. Погибло примерно около двенадцати тысяч солдат японской армии, что находились в порту, они только что прибыли, и около двух тысяч работников порта. Вот такой взрыв... Не понимаю всё же вашего императора.

— Я тоже, герр Гроссе, я тоже. Но это решение на его совести, теперь Русско-Японская война меня не касается. Думаю благодаря помощи англичан, японцы если не победят, то сведут войну к ничью. Вот такие дела.

— Кстати, — немного хитро улыбнулся редактор. — А известный случай на военно-морской базе англичан в Вэйхайе случайно не твоя работа? Больно, похоже.

— Вэйхай это тот, что в двухстах тридцати километрах от Циндао?

— Именно так.

— Там ещё два города, английский и туземный бухте? В центре туземного ещё такое красивое шестиэтажное здание в китайском стиле?

— Не знаю, но возможно.

— И берега там ещё кустарником покрыты и на дальнем склоне маяк стоит? А в бухте множество боевых кораблей, некоторые ещё горят и тонут?

— Точно.

— В первый раз слышу, — отрезал я.

Герр Горссе только улыбнулся на такое моё категорическое заявление, все всё понимали. Взрыв на военно-морской базе англичан моё дело. Месть за их вмешательство в войну, и судя по одобрению в словах и глазах обоих немцев, те были всецело на моей стороне.

— Герр Гроссе, Максим в несколько затруднительном положении, — сказал Эрих, закончив записывать мою речь. — Среди других грузовых судов было достаточно большое количество английских. Англичане уже делали предположение, кто виновен в минировании и взрыве их судна в порте Дальний, хотя и не уверенно, но после нашей первой же статьи они могут снова поднять вой. Если и раньше Максим был в некотором подвешенном, как он сам говорит, состоянии, официально непринятым на службу, но действующим по приказу русских флотоводцев, то сейчас он чисто гражданский и взрывать пароход в порту Дальнем не имел права. Это уже может классифицироваться как бандитские и террористические действия.

— Каждый русский человек, военный или нет должен встать на защиту своей родины, — покачал я головой. Эрих тут же записал мои слова. — Те же кто этого избегает, патриотом, и уж тем более русским, считаться не может.

Эрих снова заскрипел пером, записывая следующую мою цитату. При этой нашей встрече я ими так и сыпал. Обговорив порядок издания статей, материала Эриху набралось на шесть статей, чему он был очень доволен, причём в последней будет и письмо императора и информация по Дальнему. То есть когда выйдет эта статья, я уже буду далеко, чтобы англичане успели среагировать. Как ни странно оба немца не стали распускать обо мне информацию, держа её в тайне, а то чую, местный наместник меня так бы просто не отпустил. Нет, не арестовал, это немцам даже в голову бы не пришло, но моя известность в Циндао была такова, что балы и разные вечерние и званые ужины обеспечены, весь белый свет Циндао наверняка возжелал бы со мной познакомиться. Это герр Гроссе сказал, Эрих подтвердил.

Дальше я несколько дней жил в доме Эриха. Билет на пароход мне организовали быстро, но отходил он только через четыре дня. За это время я приоделся, снова став белым человеком. Багаж прикупил, два новеньких кожаных чемодана. Мелочь разную требуемую в путешествие, в общем, подготовился. За это время Эрих подготовив первую статью, отправив её телеграфом в Берлин, и та вышла первым же номером на главной странице, герр Гроссе готовился её перепечатать уже тут, в Циндао. В статье были подробности захвата двух японских крейсеров у их берегов, как вели себя перегонные английские команды и остальное, вплоть до их перегона в Порт-Артур. Алексеева там тоже коснулось, не смог я удержаться. Описал, что благодаря ему много что пошло прахом, и про свой первый арест упомянул. Это было в первой статье, потом пойдут остальные. Ах да, моя формула загадка вышла с этой же статьёй, как и предложение, всему учёному миру из желающих, встретиться со мной в парижском университете. Пока ответной реакции не было, да и рано ей ещё быть. А насчёт формулы я был уверен, её в моё

время никто не мог решить, что уж про эту говорить. Её создал в двадцатом веке один профессор-физик, и вот с тех пор она как камень в зубах науки, видно, а разгрызть не получается. Кто только за неё не брался.

Прощались мы недолго. Эрих помог мне устроиться в каюте, после чего обняв на миг, кивнул и покинул борт судна, спустившись в шлюпку. Мы с ним обещали держать связь через телеграф, так что надеюсь, что его статьи на счёт меня не прекратятся.

Потом было довольно долгое и неторопливое плавание, пароход оказался на удивление не скоростным, и вот он берег Северной Америки и порт Сан-Франциско. Ближайший пароход из Циндао шёл именно сюда. К сожалению рейсов, до Южной Америки не было. Кстати, этот пароход, разгрузившись и снова загрузившись, вернётся в Циндао, а потом снова пересечёт Тихий океан, но путь его уже будет лежать к Южной Америке, однако ждать так долго мне не хотелось.

Таможню я прошёл легко, чуть-чуть накинул на лапу таможеннику и тот не обратил внимания, что в списках пассажиров парохода я значусь под одними данными, а документы были на другие. Однако отметка порта Циндао на них имелись, Эрих расстарался, вот и тот поставил свою отметку, дружелюбно улыбнувшись.

— Надолго к нам, господин Ларин? — поинтересовался таможенник.

— Нет, ненадолго. Путешествую я.

— Добро пожаловать в Америку. Надеюсь вам тут понравится.

— Благодарю.

Таможенник продолжил заниматься своей работой, на очереди были остальные пассажиры, я умудрился первым проскочить, покидая судно, ну а я, свистнув носильщика, молодой паренёк подрабатывал по этой специальной и двинул в сторону ближайшего отеля. Мне нужно было спуститься ниже. Поэтому я планировал найти попутный борт, параллельно обдумывая идею, прокатится по самой Америке, посмотрев, как тут живут.

Заселившись в отель, портье узнав меня по фамилии, тут я тоже был на слуху, попросил оставить автограф, немного выбив меня из колеи. Это был первый автограф, и я немного растерялся. Правда растерянность быстро прошла, так что расписался, написав кому пишу. Оставив багаж в номере, я направился на телеграф. Там написав сообщение Эриху, сообщил ему, что добрался до места и поинтересовался новостями. До вечера ожидать ответа не стоило, так что, оставив свой адрес, ответ принесут прямо мне в номер, я направился в отель. Там же пообедал, моё судно утром прибыло во Фриско, на борту я только позавтракать успел, а после обеда отправился в порт. Попутные суда были, но все каботажники и меня не устроили. Посмотрел и на те, что были выставлены на продажу. Среди них даже затесалось несколько парусно-паровых яхт, но мне они были не интересны, там команда была нужна. Я уже твёрдо было решил отправиться по земле, через Мексику, как один местный портовый работник посоветовал посмотреть выставленную на продажу парусно-паровую яхту одного местного банкира, почившего банкира, вот его семейство и распродало часть имущества. Не потому что тот их оставил в долгах, тут с этим было всё в порядке, а просто, потому что семейство увлечения главы не поддерживало. Тот любил ходить в море один, поэтому и яхта была спроектирована так, что можно было управлять ею без экипажа. А продать не могли вот уже как второй месяц, потому что цену ломили. Яхта действительно эксклюзив и одна в своём роде, однако от величины цены я тоже удивился, но и заинтересовался.

Договорившись встретиться с адвокатом семейства, сами они отсутствовали во Фриско, мы вместе направились смотреть яхту. Та стояла на отдельной стоянке яхт, фактически яхт-клубе в его первоначальном виде. К моему удивлению та оказалось вполне большой. Триста семьдесят тонн, причём корпус по проекту миноносца-истребителя. Банкир особо качку не любил и такой размер вполне позволял на ходу от неё избавляться, ну или стоя на якоре в какой бухте. Да, этот банкир был большим оригиналом, не смотря на свою морскую болезнь, он был отчаянным мореходом и море очень любил. Самой яхте было три года, и она действительно была в отличном состоянии. Изучая судно, я всё больше и больше приходил к мысли, что это то, что нужно. Если бы я строил себе яхту по своим запросам, я бы построил нечто подобное.

Корпус был металлический, клёпанный, узкий силуэт давал хорошую скорость и отличную мореходность, две мачты с косыми парусами позволяли идти под ветром, а четыре котла в машинном отделении при необходимости под паром, причём так же ходко, под двадцать пять узлов при наличии машинной команды и кочегаров. Паспортная скорость «Астории» была двадцать четыре узла, наверное из-за мачт, сопротивления ветру. Каюты были оборудованы для всего семейства банкира, так что на борту с некоторой свободой и комфортом могло разместиться двенадцать человек. Плюс трое из прислуги, повар и две горничные. Управлял судном банкир один, но про комфорт не забывал и прислуга у него на борту всё же имелась. В общем, в носу и на корме были оборудованы комфортабельные каюты, причём довольно роскошно, судно так же было электрифицировано. Хм, а на носу вместо кают можно сделать неплохую химлабораторию. Нужно подумать.

— Удобное расположение противовесов, — изучив, как поднимаются паруса, сказал я сам себе, адвокат скучал в сторонке у кормы и мне не мешал. — Хороший инженер строил эту яхту, вообще отличный.

Я уже принял решение, поэтому осматривал яхту больше для личного интереса. Когда я закончил, а это было перед самым наступлением темноты, то подойдя к адвокату, поинтересовался скидкой.

— Цену скинуть как-то можно, вот только хозяева будут недовольны, — покачал тот головой.

— А если два процента от общей суммы пойдёт вам, а не хозяевам?

— Мне разрешили скидку максимально на десять процентов, — тут же заинтересовался тот.

— Тоже неплохо, — согласился я, и мы после небольших переговоров ударили по рукам. Яхту я брал.

Регистрацией и всем положенным оформлением займёмся завтра, адвокат сам заедет за мной в отель, а вот вернувшись в отель, я узнал, что мне пришёл ответ от Эриха. Получив его, оно было в запечатанном конверте у портъе, направился в ресторан отеля ужинать. Знаю что поздно, но всё же больно яхта меня заинтересовала, вот и задержался. Новости от Эриха были интересными. Можно сказать впечатляющими. Я не про те три статьи и что уже вышли, вот-вот выйдет четвёртая, да и мой вызов учёные приняли, и будут в ноябре в университете. Некоторые из маститых ответили, даже формулу-загадку обещали разгадать к моменту нашей встречи. Однако я не про это. Мы с Эрихом обговорили, что через несколько дней тот отправит призрака, то есть зарегистрирует меня на борту парохода который идёт не так далеко, и пустит слух, что я у него тайно жил и сел на пароход. Информация должна была дойти до англичан. Я так хотел узнать степень их решимости призвать меня к ответу за некоторые дела. Ещё как узнал. Судно шло в Гонконг, и было остановлено на полпути двумя бронепалубными крейсерами. Их прикрывали три миноносца. В общем, абордаж немецкого судна да ещё под

немецким флагом не удался, меня не нашли, хотя судно вместе с грузом перевернули сверху донизу. Когда пароход доковылял до Циндао, он вернулся обратно, разразился скандал, который перекинулся в метрополию. Причём англичане вынуждены были принести экипажу и всем пассажирам свои официальные извинения за бесцеремонность моряков. Правда скандал ещё не утих, и Эрх ювелирно манипулирует этим, беся нагличан. С другой стороны в этом тоже был свой плюс. Кайзер решил усилить своё военное присутствие и направил в Циндао эскадру. Что явно вызвало у нагличан желудочные колики. Думаю, и это мне припишут и припомнят. Хотя я сам злопамятный, что угодно и кому угодно припомнить могу. Одно тут понятно, к Панамскому перешейку лучше не соваться, могут быть проблемы. Хотя чего мне там делать, я тут на днях к своему изумлению узнал, что Панамских шлюзов ещё не существует, хотя в газетах писалось, что вроде как скоро начнут их строить. Я вот планировал резко сократить поголовье великий князей в России, а сейчас начал подумывать, что королевская британская верхушка так же зажилась на этом свете. Оборзели, сократить надо бы.

Вот так поужинав, письмо меня, конечно, сильно отвлекло, однако я был голоден и съел всё что заказал. Поднявшись в номер, тот был на четвёртом этаже, принял ванную, заранее её заказал, и всё было готово, после чего отпустив прислугу, номер у меня был элитным, и ещё некоторое время анализировал информацию из письма. Разозлил я англичан конкретно, в принципе чего и добивался, и то что именно я поработал на их военно-морской базе, думаю сомнения у них не вызывает. Будут меня искать, будут, но не официально. Официально предъявить доказательства они не могут, улики нет, а делать пустопорожние объявления не будут. Уже несколько раз обожглись на этом, сейчас к осторожности перейдут. В своих предположениях я убедился достаточно быстро.

На следующее утро адвокат прибыл как мы и договорились, я уже позавтракал и ждал его, после чего мы отправились всё оформлять. Это не заняло так много времени, и уже через четыре часа я стал владеть новым имуществом. Яхта стояла на охраняемой площадке, но так как я уже решил как её модернизировать, её буксиром отогнали к причальной стенке местных судоремонтных доков для модернизации. На следующий день, встретившись с инженером доков, описал ему, что хочу видеть. Тот внёс пару дельных предложений, которые я одобрил. Во Фриско были бензиновые двигатели и электрогенераторы, их выкупив, поставят мне на судно, таким образом, я решал проблему поступления энергии на борту судна за время стоянок или движения под ветром с заглушенными топками. Помнится у меня были припрятаны подобные двигатели на одном из островков-скал Японского моря, там были солидные запасы и, между прочим, мной не брошенные. О них знал Макаров и тоже такие ресурсы бросить не мог, так что думаю, заберёт. Да что думаю, уверен в этом, слишком заинтересованным видом тот расспрашивал о запасах и просил написать список всего, что там есть. Наверное, как временную базу планирует риф использовать. Как вспомню, что из этих движков хотел построить аэроплан, так в истерику бросает. Нет, тут нужны серьёзные мощности и исследования, а самолёт я всё же построю, но во Франции, где планирую жить. Правда подданство французское брать не буду, вот Аргентинское это можно, и фазенду там же прикуплю. Планов у меня много, однако, всё же через год я планирую подняться первым в воздух на настоящем самолёте, что сможет держаться в воздухе достаточно долго и совершать длительные рейсы. Сделаю что-то вроде «Фармана», назвал его «Ларин-1», в моё время это был один из массовых самолётов с толкающим винтом.

Следующие дни перетекали в недели, а вот последние в месяц не успели, застопорились на четвёртой неделе. Ко мне пришли. Но перед этим я успел провести полную модернизацию яхты по своим задумкам, прибыла в сборе заказанная через телеграф из Нью-Йорка лучшая

химическая лаборатория и химреактивы. Установлено на судно самое передовое оборудование, радиостанция, станки и уже озвученный мной двигатель. Вот с ним после установки мне пришлось изрядно поработать, вводя новаторские идеи, что заметно увеличило его ресурс и работоспособность. По совету инженера верфи я их запатентовал в местном патентном бюро. Более того нанял одну адвокатскую контору и та стала представлять мои интересы. Их задача провести регистрацию патентов в других странах. В общем, эти знания тоже пошли в дело. Всего было зарегистрировано более пятидесяти патентов. Пять процентов отчислений будет капать этой адвокатской конторе, так что те активно взялись за дело.

Моя красавица, которая, наконец, покинула док, названная мной «Низвергатель Владычицы морей» стояла в порту, я её отогнал в отдельный затон яхт-клуба. Надо сказать, название привлекло внимание, и вот уже как три дня о ней трубили все газеты, обо мне в принципе тоже, уже на второй день после моего прибытия об этом знал весь город, а через неделю вся Америка. В прочем никаких предъявлений ко мне не поступало, не смотря на то, что мои корабли останавливали американские суда и даже некоторые топили. Объяснялось просто, там были русские офицеры и моряки, а я так с боку припёка. Нет, конечно, ко мне приходил официальный представитель штата, сенатор, и в присутствии прессы он провёл опрос, так же присутствовал начальник полиции города. Однако ничего предъявить мне не смогли, даже главный обвинитель, хозяин и капитан одного из утопленных судов не смог этого сделать. Я прямо спросил у него, видел он меня или нет, тот вынужден был признать, что все переговоры вели русские военные моряки досмотровой команды, а меня он в глаза не видел. Тогда я за клевету написал на него заявление. Слухи это слухи, а обвинять меня в пиратстве, это уже беспредел. Где доказательства? Ах моряки говорили что я у них старший? Так это шутили они так, кто же шестнадцатилетнего мальчишку слушать будет? До суда дело не дошло, тот принёс мне извинения, и мы обошлись без эксцессов.

Вот таким образом и прошли эти недели во Фриско. Пресса стала не такая надоедливая, уже не преследовали меня репортёры везде, где только можно, так что готовился я степенно и качественно, когда вдруг на полпути к отелю от квартиры одной почитательницы, мне дорогу заступило несколько человек в костюмах. Обернувшись и оглядевшись, я внимательно их осмотрел. Это перед американской общественностью я строил пушистого кролика, мол, я не я, а тут же всё серьёзно. Сложно не узнать в этих людях профессиональных боевиков. Особо гадать, кого они представляют, не стоило, тут очень небольшой выбор, я бы даже сказал совсем крохотный.

Сунув руку под свой расстёгнутый двубортный пиджак, в Америке я учился носить костюмы, и внимательно контролировал их движения:

— Всего пять? — сказал ближайшему, видимо старшему, презрительно скривив губы. — Мне не противники.

— Мы пришли не воевать, это моя охрана, господин Ларин... Кстати, забавное название у вашей яхты. Все газеты об этом трубят уже третий день.

Вот это заставило меня перекосяться. Мой прокол. Не название, а общение с одной милой девушкой прошедшее три дня назад. В постели та оказалась бомбой. Но на следующий день, сразу после нашего расставания, уже к вечеру по всему Фриску продавались газеты с моим невольным интервью. Подпись журналиста, «Шарлота» так звали ту девушку. Она после этого старалась не попадаться мне на глаза, справедливо опасаясь возмездия. Очень уж она профессионально вызвала меня на беседу, строя глазки и хлопая ресничками, и фактически слово в слово описала её в своей статье. До этого я даже не подозревал, что есть женщины — репортёры, вот немного и разоткровенничался.

В Америке мода на постоянные вызовы в суд ещё не вошла в те объёмы, что в будущем, но уже практиковалось. Правда подавать в суд на Шарлоту за клевету, как в принципе и на её газету я не собирался, всё что было описано в газете было правдой и я готов был подписаться под каждым словом. Например, я честно ответил, что сильно огорчен, что меня поганой метлой погнали с места боевых действий, причём у меня был подготовлен план как принудить Японию к капитуляции, и даже перечислил средства потребные мне для этого. Пехотная дивизия полного штата, полк казаков, все части сверх штата должны быть усилены пулемётами. Два бронепалубных крейсера, восемь миноносцев с ходом не ниже двадцати пяти узлов, и сорок восемь грузовых судов с ходом не менее пятнадцати узлов. Вот такие не значительные силы, и Япония уже через неделю бы капитулировала. Сложно этого не сделать когда император Японии стоит на коленях с лезвием казацкой шашки на шее, а по его дворцу ходят русские солдаты, прицениваясь к будущим трофеям.

Вот об этом Шарлота написала, так же о моих планах на будущее. Так как в Россию я планировал не возвращаться, то решил приобрести себе несколько домов, один из них будет в Аргентине. Менять подданство я пока не планировал, об этом девушке не сообщил, и та не указала в своей статье. Вот о будущей встрече с самыми известными учёными в Париже описала достаточно подробно. Про формулу-загадку тоже упомянула. Причины были. Многие из учёных, включая Менделеева, узнав, где я нахожусь, устроили со мной переписку через телеграф. Те, кто ещё сомневался, получая письма с профессиональными ответами, причём многое они не понимали, давали согласие быть в Париже в нужное время. Менделеев ещё думал, возраст всё же.

Однако, англичанин, акцент коренного лондонца был слышен отчётливо, явно намекал не об этом. О яхте не писал только самый ленивый. Слишком уж смелое заявление для меня, Британия сейчас продолжает быть владычицей морей. Однако менять название я не собирался. Да, нарываюсь, однако привкус победы, а так же надежда на продолжение конфликта, подталкивали меня на подобное провоцирование нагличан, не могут они не ответить.

Напружинившись, я контролировал движение каждого британца, вот он момент истины, кто кого. Спина прикрыта кирпичной стеной, один противник передо мной, тут два метра, трое слева, и один справа. Вооружены. На вопрос старшего я ухмыльнулся и с вызовом спросил:

— А что намёк с Вэйхайем не помог? Хотите, я повторю это во всех английских базах метрополии? Легко. Я ведь профессиональный диверсант и подобного боевого опыта и подготовки ни у кого нет. А с учётом, что с приказом Императора Российского теперь я ещё и свободен как перст, могу без разрешения власть имущих творить что хочу. Очень уж мне не понравились ваши действия и помощь Японии. За это Вэйхай и получили. А если начнёте на меня охоту, войну, то я уничтожу ваших глав. Не Лордов Правительства, хотя и их прорежу, или королевскую семью, её я в этом случае уничтожу под корень. Нет, я ликвидирую реальных правителей Британии. Банкиров. Вместе с семьями уничтожу. Передайте им это на небесах.

— Стреляться не будем, — покачал головой старший, пристально меня размаривая. — Разрешите достать из внутреннего кармана пиджака конверт?

— Валяй.

Напарники старшего напряглись, это было заметно, они явно страховали посланника короны, однако тот спокойно, без резких движений достал большой конверт, где только прятал, и протянул мне. Взяв конверт свободной рукой, я изучил, что там написано.

— Королевская канцелярия? — приподняв правую бровь, усмехнулся я, убирая правую руку с рукоятки пистолета.

То, что до стрельбы не дойдёт, было понятно. Перехватили те меня действительно на тихой практически пустой улочке, но пока общались, начали собираться зеваки, меня в городе благодаря фото в некоторых газетах узнавали сразу, вот и наблюдали со стороны что будет. Даже шесть полисменов было. Известность моя была не только из-за газеты, но и из-за фуршета, что я устроил для простых жителей города на центральной площади Фриско. С разрешения мэра конечно. Дело в том, что два дня назад Макаров вывел все свои корабли из Порт-Артура и прошёлся до Корейского пролива. Были обстреляны порты Дальний и Чемульпо, что вызвало там многочисленные пожары и затопления повреждённых кораблей. Потом крейсера, включая многочисленные вспомогательные, их было около трёх десятков, пошли в корейский пролив, где встретили множество японских и других иностранных судов, чувствующих себя в безопасности. Одно то, что в Порт-Артур привели семьдесят шесть одних только призовых судов, больше сотни было утоплено, показывало какой урон был нанесён транспортным силам Японского флота. С эскадрой японцев наши повстречались на обратном пути и даже был бой. Один-три. Японцы утопили «Россию», потеряв при этом один броненосец, и два бронепалубных крейсера. Владивостокский отряд участвовал в этом рейде, но в Японском море, прошёлся по берегам Японии, наводя там панику. Четырнадцать призовых судов взяли. Вот за эту нашу победу и выкатили на площадь за мой счёт бочки с хмельным. Хорошо отметили, фейерверками. Попраздновали. То, что среди призовых судов было шесть американских, как-то не уточнялось. Бывает. Так что зеваки были расположены ко мне, по привычке недолюбливая бриттов.

Вскрыв конверт, я осмотрел королевскую печать и письмо написанное рукой королём Англии Эдуардом Седьмым. Быстро его пробежавшись, я в недоумении потрянул головой и перечитал ещё несколько раз. После четвёртого раза, когда суть его отпечаталась в моей голове, я потрянул им перед носом фельдъегеря, а господинчик, похоже, был королевским посыльным и ошарашенно спросил у того:

— Вы в курсе, что тут написано?

Чтобы задавать вопросы, я должен был знать степень информативности своего собеседника. Теперь понятно, почему тот говорил тихо, и почему его люди стояли в отдалении. Задавая вопрос, я так же понизил тон, хотя до этого даже и не думал это делать.

— Да, мне известно, что написано в послании. Сообщили на словах.

Я тут же бросил все мощности своего мозга на осмысление ситуации, а особенно на послание. Король Британии написал в письме, что он согласен на нейтралитет. Просит меня лично. Конечно, прямо так про нейтралитет там ничего не было написано, но прочитать это послание между строк было не трудно. Если точнее, то в письме была личная просьба короля забыть прежние распри. С минуты вручения послания, со стороны Англии в мою сторону не будет никаких телодвижений, соответственно и я не должен вмешиваться в политику Англии. Король своим личным словом подтверждает, что на территориях контролируемых Британией, я могу чувствовать себя свободно. Однако если что, и где будут видны мои уши, ответ будет всей мощью британской нации.

Задумчиво посмотрев на посыльного, которому явно не нравилось это задание, попытка сделать невозмутимое лицо, ему не сильно давалась, я продолжил размышлять. Меня интересовали причины такого поступка британцев. Диверсия в Вэнхай? Чушь, для Британии укус незначителен. Да все пострадавшие корабли в утиль, но этих кораблей у пока ещё

Владычицы морей хватает. И тут меня осенило. Репортаж, который я дал американским журналистом на второй день пребывания в Америке. Я же там достаточно красочно описал основные действия диверсантов, и достаточно опытный отряд, может полностью блокировать порт, уничтожая инфраструктуры и боевые корабли. Мои действия с японцами это ярко подтверждали, а случай с Вэйхай, поставил жирную точку. Кто-то в Англии умел анализировать отрывочные данные и составлять их вместе, обобщая. То есть меня признали серьёзной силой на их местной геополитической арене, и поспешили заключить перемирие. Думаю что временное, чтобы выработать противодействие. В принципе это перемирие и мне на руку. Закончу свои дела, в Париже поживу, с учёными пообщаюсь. В общем, дам толчок науке, самолёт построю, даже в трёх вариантах. Один с закрытой кабиной и четырьмя пассажирскими местами, один истребитель и один бомбардировщик, представив их на общие испытания. Это тоже толчок в развитии, теперь уже в авиационной промышленности, которая только-только зарождалась. Хватит летающие макеты клепать в покосившихся сараях, даёшь авиазаводы. Построю такой под Парижем. Там на месте определимся, где его лучше строить, чтобы всё было для производства.

— Ваше предложение меня изрядно позабавило, — очнувшись, выходя из размышлений, сказал я. — Однако не совсем понимаю, почему вы пошли на нейтралитет? Проще просто устранить проблему. Это ведь в вашей привычке-манере. Как там сказал один ваш генерал? *«Нет человека — нет проблемы»*? Я думаю, вы знаете ответ на мой вопрос, просветите, утолите моё любопытство, иначе я сам отправлюсь в Лондон, чтобы это узнать. Поверьте, будет много жертв, и нейтралитет волей неволей будет нарушен.

— Вы монстр, — громко сглотнув, жёстко сказал тот. — Да, я знаю ответ. Он один. Приказ короля, и он не обсуждается. Король поклялся своей честью, что с этой минуты у нас вооружённый нейтралитет, и кто его нарушит...

— Я в шоке, нация и один слабенький безобидный мальчишка... Вооружённый нейтралитет... Какие громкие слова.

Посмотрев на здоровяка, когда тот поднимал руки, разводя их, пиджак натянулся, обрисовав оружие в кобуре, и вдруг замер, припоминая два именных «маузера» и госпиталь на берегу Тихого океана.

— Скажите, — вдруг осенило меня. — А случайно король не встречался с адмиралом Того?

— Не думаю, что наш король вообще знает кто это. Я сам читал об адмирале в газетах. Кажется, он проходил обучение в нашем флоте.

— Ну-да, ну-да, — задумчиво посмотрел я на посыльного, похоже не лгал, его изрядно удивил мой вопрос.

Чёрт, теперь англичане заинтересуются для чего адмиралу встречаться с их королём. Как бы та моя обмолвка не всплыла. Хотя если всплывёт, ничего страшного я не видел, выкручусь. Зато теперь легко будет объяснить все мои странности и обширные знания. Идея с ребёнком-вундеркиндом работала, но с заметными пробуксовками. Они пока были малоизвестны, а вот гость из будущего. Тогда да, всё объясняется. Да и я думаю, что зря адмирала помянул, тот вроде слово умеет держать, однако у него могут быть свои интересы. Политик тот был ещё тот. Слово он мне дал, пусть держит.

— Вот что... — медленно проговорил я, обдумывая свои дальнейшие слова, а так же возможную реакцию на них. — Пока я согласен, однако предупреждаю, сам первый нарываться не буду, но

если тронете меня, даже случайно... Обещание пройтись по королевской семье, лордам и банкирам в силе. Оно всегда в силе. Вы знаете, что такое боевые отравляющие газы, и что будет, если их пустить с подветренной стороны столицы? Я химик, причём безбашенный химик и вашу нацию за людей не считаю. Передайте королю такие мои слова, «меня не трогают — я никого не трогаю». Инцидент в Русско-Японской войне это ярко показал. Пока вы нагло не влезли в наши с японцами дела, я вас не трогал, а как только это произошло, пожалуйста, Вэйхай во всей красе. Снова влезете в мои дела, особенно если вам в голову придёт мысль меня убить, помните о моём образовании химика. Ответ будет жесток, и мне плевать на международную реакцию, законы, и моральную подоплёку этого вопроса. Вы мне слишком не симпатичны, вы паразиты на теле планеты, вся ваша история, это история захватов, войн, и высасывания соков из других стран. Однако сейчас нейтралитет, я согласен на него, так и передайте. Сам на конфликт я не пойду, всё же человек, имеющий трезвую голову, если он произойдёт, то только по вашей вине.

— А если кто-то другой на вас нападёт? Как определить, кто виноват, мы заинтересованы в этом нейтралитете?

— А мне всё равно кто нападёт, кто будет крайним, я знаю. Да и вы теперь тоже... Не волнуйтесь, первичную проверку и выяснения кто заказчик проведу, однако и без этого знаю что там будут торчать ваши уши. Они везде торчат. А вашему величеству я особо не верю, врать, изворачиваться, и обманывать вас учили с малых лет.

— Я передам его высочеству ваши слова. Если вы согласны с предложением, прошу написать на обороте конверта ответ.

— Хм, как у вас всё строго. Однако письмо короля я оставлю на память.

— Если только обещаете его не афишировать.

Достав из внутреннего кармана перьевую ручку, с чернилами внутри, тут уже купил, и быстро накидав текст на английском языке, постарался делать это без ошибок, и размашисто расписался.

— *«С условиями согласен, уточнение на словах. Максим Ларин»*, — прочитал посланник. — Благодарю.

Коротко кивнув, тот забрал своих людей и направился в сторону порта, а ко мне подошли двое полицейских, остальные разгоняли зевак.

— Добрый вечер, господин Ларин, — поздоровался старший из них с нашивками сержанта. — Это ведь были «Томми»? Они вам угрожали?

— Нет, всё в порядке. Передали привет от своего короля, — рассеянно ответил я. — Сказали, что претензий от них за название яхты не будет.

Это вызвало искренний смех полицейских, так что пока они смеялись, я свернул лист бумаги по уже образованным складкам и убрал его во внутренний карман, такие письма лучше хранить, и хранить долго. Ещё немного пообщавшись с полицейскими, я направился в отель. Там поужинал и поднялся в номер. В этот раз я принял все положенные меры безопасности, и даже более, их можно назвать параноидальные. Спал я в ванной, утащив туда матрас, приготовив оружие, и натянув во всех комнатах тонкие мотки шёлковой рыбацкой лески, чтобы перемещаться по апартаментам было не возможно. Ну и другую сигнализацию. На полу лежал

винчестер, тут в охотничьем магазине купил, пара шашек динамита, ну и пистолет.

Несмотря на все меры безопасности, ночь прошла хорошо, правда ванна была коротковата, ноги не вытянешь, спать неудобно, однако безопасно и спокойно.

— Ничего себе, — проснувшись и потянувшись, пробормотал я. — Неужто англичане исполняют свои договора? Что-то не верится. Ладно, дальше посмотрим на их поведение, однако бдительность всё равно терять не будем. Ну не доверяю я им и всё тут.

Припомнив как паялся тот посыльный на перстень-трофей у меня на пальце, я проанализировал этот момент. Перстень из прошлого мира, однако, взят трофеем именно в Англии. Тот узнал его или понял, что означают руны на нём? Хм, интересно. Ладно, будет возможность, узнаю, какой семье он принадлежит, уж больно руны были похожи на дворянский герб. Ещё раз потянувшись, я встал и стал убирать все ловушки. Разбудил меня стук в дверь, поэтому крикнув, что через двадцать минут можно приносить завтрак, поспешил убрать хаотичный бардак в помещениях. Да, завтрак мне приносят не в определённое время, а по желанию. Вот только в отеле я редко ем, если прямо в ресторане, а вот такие приносимые отправлял в унитаз. Отель был современный и тут была канализация. Я старался следовать совету бывалых людей, есть только то, что приготовил сам, из своих продуктов. Вот ресторан это риск. Если заходишь в первый раз, можно есть смело, а вот частое посещение, это уже игра пятьдесят на пятьдесят, отравят или нет.

Снова отправив весь завтрак в унитаз, я спустил воду и, собрав вещи, покинул номер, в этот раз навсегда. Британцы меня вчера во время подловили, сегодня я покидал Фриско и отплывал к экватору. Между прочим, собрался пройти мимо мыса Горн, проскочив незаметно, избегая внимания лишних глаз, а тут такая возможность проверить слово данное англичанам и спокойно заходить в порты, где те имеют влияние. Вот через панамский канал не пройти, за неимением оного. Его только начали строить, в этом году, в газетах вычитал. Кстати, как уже говорил, почему-то я считал, что Панамский канал уже был, я этот урок прогулял, поэтому дата начала постройки у меня в памяти и отсутствовала, а теперь куда не денешься, мыс Гор так мыс Горн.

Не смотря на то, что в Америке я был частным образом, провожать меня вышло достаточно большое количество народу, во Фриско я был популярной личностью. Тем более после работы папарацци мои снимки появились в газетах, вот и пришлось махнуть на это рукой и давать себя щёлкнуть, ища глазами птичку, что вот-вот вылетит из гнезда. Столько раз эти фотографии обманывали, а я всё ведусь и ведусь...

Меня попросили на набережной порта сказать прощальную речь, её я загнул на пять минут, вызвав бурные овации в конце. Я похвалил простой американский народ, ничем не касаясь их правительства, которое откровенно не жаловал. Потом, после прощания, прошёл на борт яхты, она на якоре стояла, на наёмной лодке до неё добрался, обе наличные судовые шлюпки были подняты на борт, после чего осмотрев судно, уплатил двум отставным солдатам, что её охраняли, и отпустил их. Те перед уходом доложили, что попыток сделать закладку не было. Потом с помощью буксира вышел в открытые воды, и под приветственный гудок судна, подняв паруса, направился в сторону Южной Америки. Котлы я не запускал, хотя угольные ямы были полны отличным углем, который использовали военные корабли. Обычно гражданские суда ходили на буром угле, их машины и котлы были на него спроектированы, однако у себя на яхте помимо явно миноносного корпуса, как только он совмещался с мачтами, стояли также и военные котлы. Хорошие и качественные. Запас запчастей имелся, механик я неплохой, успел изучить все механизмы. Много со флотскими инженерами и ремонтниками общался, так что

был уверен в своих силах. Вот так, устроившись в кресле у штурвала, держал курс за горизонт, банкир был ещё тем душкой, даже при управлении был полный комфорт. Я тут не только про кресло, но и про встроенный бар. Причём не пустой. А так яхта легко бежала по волнам, при попутном ветре на пятнадцати узлах. Сам удивлялся, но так и было, оба косых паруса подняты, крепко натянуты канаты, и яхта легко резала заострённым форштевнем океанские волны.

Откинув все мысли от последних дней во Фриско, я пытался рассчитать валкость корпуса при использовании мачт и парусов. Меня беспокоил корпус, ведь как, у парусных судов совсем другие обводы, чем у тех, кто ходит на пару. И корпуса новейших миноносцев в большинстве своём были именно таким. Проще говоря, при боковых галсах была большая вероятность, что яхта ляжет на бок при резком порыве ветра, которые суда с обычными обводами, спокойно выдерживали. В общем, в гавани Сан-Франциско я это не проверял, оставив на будущее, однако найдя пустынный островок с хорошей и чистой бухтой, обязательно поныряю и посмотрю днище. В доках корпус не осушали, инженер сообщил, что всего полгода назад делали чистку корпуса, так что весь ремонт шёл у стоявшего у стенки судна. А так вообще опасно идти на незнакомом судне не зная все его болезни и каков у него норв. В общем, посмотрим, изучим и попробуем.

Следующие три дня «Низвергатель» так и шёл вниз, пока мы не добрались до экватора. Шли далеко от берега, его не было видно, соответственно и далеко от обычных торговых маршрутов. Конечно, большую часть времени я проводил на палубе, поглядывая по сторонам, на штурвале была накинута верёвка-автопилота, моего постоянного присутствия не требовалось. Не моё изобретение, этот автопилот чутко реагировал на изменение ветра, то есть автопилот работал только при попутном ветре. На третий день ветер сменился, так что пришлось отключать автопилот и брать штурвал в свои руки. За эти дни я неплохо изучил яхту, было разное, и даже под хороший такой бриз попадал. Однако ничего, никаких намёков лечь на бок я не заметил, особой валкости не было. Хорошо держал удары мой «Низвергатель», да и скорость во время сильного ветра поднялась до семнадцати узлов. Это вообще ни в какие ворота. Нет, всё же надо посмотреть на обводы под водой, уж очень интересно, как же инженер-проектировщик вывернулся, чтобы совместить так корпус с парусным вооружением.

Островок, найденный мной на третий день, вернее я к нему специально шёл, он был указан на навигационных картах, у меня на борту судно был весь штурманский комплект, причём не только берегов Америки, а вообще всего нашего шарика. Что меня изрядно удивило, но на этих картах хватало белых пятен. Я как-то думал, что к тысяче девятьсот четвёртому году многочисленные путешественники авантюристы и натуралисты, все места уже посетили, но нет, ещё имеются неизведанные земли. В большинстве да, это на суше, но на море они тоже были. Ну да ладно, берега Америки хорошо изведаны, даже глубины указаны, так что подходя к острову, ещё до того как он показался на горизонте, я спустился вниз и разжёг огонь в двух топках из четырёх, поднимать давление с помощью всех четырёх не видел смысла. Устраивать гонки мне ни с кем не требовалось, а так и с двух котлов достаточно будет пара и давления, чтобы подвести яхту к берегу. Надо будет поискать там бухту. На картах островок был, только кроме координат и никаких подробностей о нём не было.

Когда давления стало хватать, я спустил паруса, и в дыму из одной трубы, яхта у меня была двухтрубной, топки под второй как я уже говорил, не запускал, направился к берегу. Тут ветер уже был встречный, но ничего яхта на шести узлах уверено почухала к берегу. Тут я уже не пользовался автопилотом, накинул на рукоятку штурвала стопор, чтобы судно шло прямо, и бегал вниз подкинуть с десяток лопат угля. Тут были очень удобные лопаты, вроде совковых, разных размеров, вот я и выбрал себе по руке. Прикрыв дверцы топок, поднялся наверх и

осмотрел горизонт. Суда тут ходили, на горизонте часто можно было увидеть дымы, но избегая встреч с ними, я старался держаться от этих дымов подальше.

Почти сразу выяснилось, что островок занят. Нет, он был действительно не обитаем, то есть жителей там не имел, просто с подветренного берега стояла парусная яхта. Небольшая, тонн на сто с лениво колыхавшимся американским флагом за кормой. Проходя в шести кабельтовых от яхты я поднял сигнальный флаг, приветствуя их. Судя по фигуркам на палубе, мне махали руками, путешествовала семья. Родители, пара парнишек, и несколько девчушек меньше возрастом. Кажется, голов в восемь будет общим числом. Сам я яхту и комнату в бинокль рассматривал, обнаружив, что стал причиной такого же интереса со стороны капитана судна и главы семейства. Правда подзорную трубу у него быстро отобрали и та пошла по детским рукам.

Защищённой бухты у островка всё же не оказалось, я полностью обошёл его, однако достаточно высокий берег и позволяющие подойти к нему глубины вполне неплохо защищали выбранное место стоянки. Пришлось воспользоваться примером янки. Повторно пройдя мимо них, снова помахав в ответ рукой, я двинул чуть дальше, и встал в трёх кабельтовых от берега, спустив оба якоря. Всё же хорошо, что управление судном на паровом ходу выведено наружу к штурвалу, только и приходится изредка бегать вниз угольку подкидывать, так что в принципе и испытания хода под углём прошло успешно. Как только яхта встал на своём месте стоянки, я занялся делами. Пришлось побегать, тут и ужин готовился на камбузе, требовалось присматривать за ним, всё же вечер, да ив сухоматку питаться надоело, раньше я как-то ленился сварить простого супу. Однако приглядывал в пол глаза, занимаясь судовыми делами. Ведь как, тут и палубу от угольной пыли отмыть надо, все сверкающие бронзовые и металлические части отдраить, чтобы сверкали, ну и погасив топки провести их чистку, сбрасывая шлак за борт. Обычная утилизация, все так делают, зелёные, за голову не хватайтесь. А когда появилось свободное время после всех дел, взял навигационные приборы, измерив солнце по горизонту и сделал расчёты, проверяя координаты. Всё верно, остров указан на карте правильно.

Ужин прошёл хорошо, я его принимал на палубе, подняв туда столик на двоих и плетёный стул. Они на судовом складе хранились, яхту я купил со всем оборудованием, включая запас оружия, ну и снаряжения. Хотя на кого банкир собирался охотиться в море, у него в арсенале было два натуральных сланобоя, я не представляю, но думаю, он планировал кругосветку. В Африке можно из обоих ружей пострелять. Я вот только осмотрел их и почистил всю коллекцию, похоже, давно этим никто не занимался. Боезапас перебрал. Вот стрелять из здоровяков опасался. Я конечно каждодневными тренировками наращивал мышечную массу, да и естественно рос, однако всё же веса пока не хватало, чтоб из этих дур палить. Пусть пока в запасе будут. После ужина полчаса отдыхал ничего не делая, а когда окончательно стемнело, зажёл масляные светильники, достал оба бакена, они о сих пор со мной, и занялся тренировками. Потом сменил бакены на две кавалерийские сабли, в штатах купил, и продолжил тренировки. Обеируким я собирался стать очень серьёзно, и не отступал от своего желания.

Утром, когда я в очередной раз вынырнул из воды, отфыркиваясь, заметил что от американцев, они от меня в полумиле стояли, ко мне танцуя на волнах, направляется шлюпка с двумя седоками. Видимо решили познакомиться со временным соседом. Временно это точно, завтра утром я планировал покинуть остров и двинуть дальше. За десяток ныряний с открытыми глазами я увидел всё что нужно. В принципе корпус миноносца корпусом и оставался, лишь инженер углубил киль, так что судно у меня скоростное, но всё же осадка больше чем у подобного миноносца, это плата за мачты. В принципе всё гениальное просто,

мог бы и сам с этим килем догадаться, инженер конечно с постройкой судна вывернулся, однако если бы не этот киль, судно было бы куда скоростнее, узлов так на пять, но не больше.

Подплыв к верёвочному трапу, я поднялся на борт и, взяв висевшее на спинке стула полотенце, стал растираться, время от времени поглядывая на приближающуюся лодку. Время ещё было, так что, спустившись вниз, а плавал я голышом, чего одежду мочить? быстро оделся. У меня было несколько комплектов одежды прикупленных во Фриско, а так же несколько пошитых специально для меня лучшими портными костюмы. Особо я на подобные покупки не налегал, всё же расту, фигура меняется. Так что пара вполне неплохих костюмов, два дорожных костюма, для путешествий, с пяток матросских, для плаванья, причём разных размеров, на вырост, мне хватало. С обувью также. Именно из-за того что я всё ещё рос, особо одежды много при мне не было, а то не поносив придётся избавляться, если вдруг не влезу. Надел я типичный матросский костюм, свою повседневную одежду, после чего поднялся на палубу, придирчиво осматриваясь. Не хочу, чтобы гости заметили какой-нибудь непорядок, да я и сам его не люблю, педант ещё тот. Всё было в порядке. Палуба в идеале, всё блестит, на флагштоке красуется флаг Российской Империи. А что, я до сих пор её подданный, какой ещё флаг мне вешать? Правда, порт приписки на корме судна был указан как Сан-Франциско, я именно там оформлял борт.

Когда лодка подошла ближе, окликнул гостей. Дальше мы познакомились и я помог гостям подняться на борт. Там всё же было трое, парнишка лет четырнадцати, именно он на вёслах сидел, девочка лет десяти, ну и их отец. Сходство как говорится на лицо. Кстати, лодка крупновата для того чтобы её на борт яхты поднимать, думаю они её на буксире с собой таскают. Вчера я её видел, у борт стояла покачивалась, мальчишки на неё поднимались из воды когда купались. Гости меня опознали, оказывается ещё две недели назад, сообщалась, что я приобрёл яхту и готовлюсь к длительному плаванью. А они всего неделю как из Сан-Диего вышли, по флагу и яхте опознали меня. Вчера не беспокоили, давая возможность подготовиться к стоянке, да и темнело тут быстро, а вот сегодня нанесли визит вежливости и пригласили на обед, на борт своей яхты. Сами они были из Феникса, яхта приобретена в порту Сан-Диего и это их первое плаванье. Когда я спросил, на каком уровне тот владеет штурманской подготовкой, у меня волосы на голове зашевелились. А вообще никакой. Карты есть, компас тоже, вот он по ним и ходил. А остров они три дня назад случайно нашли. С управлением яхты так же. Месяц назад они море-то никогда не видели, а тут после продажи им яхты показали, за что дёргать, за что тянуть и как управлять. Все уроки заняли два дня, и отправили в свободное плаванье. Причём капитан и владелец яхты, был настолько уверен в себе, что эта уверенность из него буквально пёрла. Мы с ним сидели на двух стульях, общаясь и попивая херес, пока детишки осматривали яхту, в том смысле что палубу, спуски вниз у меня были закрыты, ещё не хватало соглядатаев иметь. Мало ли что. Нет, не думаю что этих американцев подвели ко мне, однако всё равно не хотелось бы чтобы любая информация обо мне, из того что могло мне повредить, ушла на сторону. Да, химлаборатория на борту яхты имелась, однако работать на ней в волнении я бы не стал, поэтому двери в эти помещения были заперты.

Пообщавшись около часа, гости направились к себе, напомнив, что ждут меня в полвторого. Тут пришлось сверять часы. Согласие я дал, да и сам не видел причин отказываться, так что когда соседи отплыли и направились к своей яхте, я тоже занялся делами. На судне всегда была какая-нибудь работа, которой я и занялся, причём с немалым удовольствием. Теперь я понимал того банкира, он конечно строил яхту на всю семью, но та его взгляды не разделяла и сам банкир проводил в море в одиночку. Красавец. Я теперь был таким же счастливым как он когда-то, такое единение с природой и миром. Мне всё больше и больше нравилась жизнь одиночки-отшельника. Мельком заглянув в штурманскую, я там обновил карты, расстелив те,

где были воды, через которые буду идти в ближайший месяц, как один взгляд на барометр что висел на стене поломал мне все планы. Он стремительно падал. Беда. Похоже, придётся стоять у островка. Причём высокий берег в случае смены ветра ничем не поможет. А ветер сменится, при штормах это частое явление.

Планы это мои особо не ломало, подумаешь постою у островка чуть дольше, однако действовать всё же пришлось. Взяв лить с грузиком, так называемый лот для замеров глубины, я спустил кормовую шлюпку, оснастив её всем необходимым, тут не только мачта и парус с вёслами, но и солидные запасы воды, а также продовольствия. В прочем во вторую шлюпку, что покачивалась у правого борта, я сложил такой же комплект, обе шлюпки были совершенно одинаковые, видно, что один и тот же мастер делал. Они были небольшими, но всё же размеры различались, та что продолжала висеть на таях, могла вместить десять человек, не больше. А та, на которой я отправился ближе к берегу, вот она на шестерых, не больше. Достаточно быстро выяснив, где глубины не позволяли мне стоять, я вернулся и с некоторым трудом подняв якоря, тут всё же ручной был подъём, лебёдкой, стал дрейфовать к берегу. Был прилив, поэтому я и не ставил паруса и не запускал машину. С небольшим сносом в сторону соседей, но подошёл ближе к берегу, фактически к береговой линии, и там снова встал на оба якоря. Тут уже была очень мелкая волна, берег хорошо защищал, после чего я достаточно хорошо оделся, в дорожный костюм и, спустившись в лодку, поставив парус, направился к соседней яхте. Идти под вёслами как гости я не собирался, для чего если для этого парус был и толкательная сила практически попутного ветра. Про подарки я не забывал, всё же в гости пригласили. Однако подарки мелкие, люди мне были не знакомы. Для хозяина судна небольшой пятилитровый бочонок хереса, который ему так понравился, для хозяйки ликёр, а детям лимонад. Последний уже из моих запасов, лимонад я сам любил, спиртное от банкира осталось.

Посидели мы хорошо, даже мне понравилось, однако когда время обеда стало подходить к концу, я к своему удивлению увидел что резкий порыв ветра и облака на горизонте заметно изумил хозяев. Тут я ещё больше удивился, барометра на борту не было и те не знали ничего о наступающем ненастье, ну а то, что я подошёл ближе к берегу посчитали лишь моей блажью. Удивляюсь я этим людям. Хотя надо сказать, что смелости им было не занимать, стали спокойно готовиться к буре. Вот то, что хозяин яхты решил отправить детей и жену на берег, тут я его полностью поддержал. Они подтянули лодку к борту, спустили в неё припасы, включая два охотничьих карабина, и направились к берегу, среди вещей были тюки палатки и навес, ну а я отплыв, прежде пожелав удачи, отправился на свой борт. По тучам я примерно прикинул направление ветра и понял, что к берегу подошёл зря, ветер менялся и меня наоборот будет прижимать к нему, выбрасывая на сушу. Нужно менять место стоянки. Причём скоро. Сильный бриз подгонял мою шлюпку, позволив добраться до «Неизвергателя» очень быстро. Там привязав шлюпку к кормовому канату, поднялся на борт, подняв также трап и быстро переодевшись, поспешил вниз.

Уже через полчаса в двух топках полыхал огонь, через час, убедившись, что давления хватает, я закинул ещё пару лопат и, притворив дверцы, поспешил на палубу. О смене ветра соседей я предупредил, посоветовав менять место стоянки. Так что лодка соседей возвращалась обратно с их главой и обоими пацанами четырнадцати и двенадцати лет. Видимо всё же решили последовать моему совету. Сам я, подняв носовой якорь, развернул судно на кормовом, нос теперь смотрел в сторону открытого моря, и дав самый малый ход с закреплённым штурвалом, чтобы удалиться от берега, стал поднимать кормовой якорь. Когда поднял его и закрепил, яхта уже достаточно далеко удалась от берега. Сбегав вниз и подкинув угля, я вернулся к штурвалу и подвёл судно к соседям. Моё предложение помочь было принято, так что, бросив им буксирный конец, попросив не раздавить мою шлюпку, и дав ход в четыре узла, направился

вдоль берега к другой стороне острова. Нам нужно новое место стоянки, подветренное. Такое нашлось чуть дальше. Выбор был очевиден, ветер усилился, в открытом океане уже гуляли большие волны и начинался мелкий дождь, предзнаменывая начало шквала. Мы успели встать у берега, он тут был ниже, однако тоже вполне защищал благодаря пальмам. Отдав буксирный конец, яхта соседей прошла чуть дальше, где и встала на якорь, осадка позволяла, а мне пришлось то и дело бросать линь, замеряя глубину. Так что встал я чуть дальше от берега. Дальше была подготовка к непогоде. Всё убрал с палубы, что было не прикручено и не привязано, проверил, как закреплены крышки люков, один пришлось переделывать, могло сорвать, ну и спустился вниз. Пока мы тут занимались шаманскими плясками, у меня ужин подходил. Когда начался шквал, и быстро стемнело от дождевых низко висевших туч, я как раз закончил чистить котлы, избавляясь от шлака. Сам я пребывал в каюте, достаточно сильно покачивающейся яхты, а вот соседи поступили умнее, глава семейства отправил после спуска якоря своих пацанов на берег. Ещё до того как стемнело те привели остальное семейство на нашу сторону берега, под пальмами разбили лагерь, установив палатку. Место, откровенно говоря, не самое удачное, можно было и получше найти, однако опыт дело наживное, дальше умнее себя будут вести.

Шквал был долгим, целых шесть дней длился. Мы с «Низвергателем» пережили шторм вполне благополучно, якоря удержали, берег прикрыл от основных ударов, в общем, норма, так что когда на седьмой день засветило солнышко и погода наладилась, я стал заниматься приборкой на палубе. Внутри порядок, а вот снаружи набросало с близкого берега, даже высушенные пальмовые ветви были. Над трубой камбуза рассеивался дымок, наконец-то горячего поем, на корме тарахтел бензиновый двигатель, он у меня каждые сутки по три часа работал, слушал эфир, да и свет давал на борту яхты, однако это у меня. Соседи шторм не пережили. Я не про людей на берегу, что с их главой не знаю, просто на четвёртый день шквала, не обнаружив на месте стоянки яхту соседей, я понял, что её сорвало с якоря и унесло в открытое море. С учётом того что на борту был лишь глава семейства, можно сказать обошлись малой кровью. Думаю, он погиб. Странно вроде умный человек, инженер-строитель по образованию, а такое допустил. Советовал же ему тоже на берег отправляться, больно уж хлипкая у них была яхта для подобных путешествий. У берега под парусом ходить ещё можно, главное чтобы защищённый порт рядом был на случай ненастья, а эти пошли в открытый океан, пока на островок этот не навалились. Что делать дальше пока непонятно, естественно, что тех на берегу бросать не буду, доставлю на землю тут рядом берега Мексики и вход в Калифорнийский залив, а вот стоит ли их отца искать? Думаю, стоит. Когда сорвало яхту с якоря, примерно знаю, скорость ветра и местные течения мне известны, определить, где может быть их судно, если оно ещё на плаву, вполне реально. Правда, большой круг поисков получался, но не по всему океану искать, что тоже вполне неплохо.

Правда, был один момент. Если тот поставил парус, то он до сих пор может двигаться вместе со шквалом, а вот это плохо, тогда зона поиска расширяется невероятно и тут можно надеяться только на удачу.

Приборка заняла почти два часа, я только раз прервался, чтобы пообедать, время было полуденное. Горячий суп и остатки куриных яиц, яичница с колбасой удалась, очень неплохо пошли на обеде, мне понравилось. А уж чай после, да ещё со слегка зачерствевшим печением, так совсем сказка. Продолжая приборку, я отметил, что на берегу горит костёр, и ходят люди. В бинокль рассмотрел, что на костре готовят обед, а на берегу бродит один из парнишек, поглядывая в мою сторону, ну его-то я и так видел, и без бинокля. Тут не далеко, а вот остальных скрывала изрядно прореженная пальмовая роща. Лодки, которая была вытащена на берег, не было, видимо смыло, вот семейство и ожидало реакции от меня.

После уборки, я спустил за борт шлюпку, они у меня обе подняты были, ещё перед началом шторма, и направился к берегу. Там уже меня встречали. Ничего хорошего я сообщить им не мог. Как сорвало их яхту с якоря, не видел, это ночью произошло, спал, обнаружил это только утром. Ну и остальное. Так же я сообщил, если будем искать их отца, стоит им поторопиться чтобы собраться. Так же посоветовал оставить на месте лагеря записку для отца. Чтобы если вернётся, ждал нас тут. Вот и всё. Помог с разборкой лагеря, одна из палм во время ненастья чуть не раздавила палатку, упала совсем рядом, но повезло, никто не пострадал. Страху, конечно, натерпелись, но все живы и это хорошо. В два приёма доставив людей и их имущество на борт своей яхты, я включил в дело парнишек, показывая им что делать и объясняя, мы снялись с якоря и, не смотря на достаточно сильное волнение, последствия шторма, пошли по ветру, под парусами, ветер был благоприятный, топки зажигать не требовалось.

Миссис Марпл, я не шучу, именно такова была фамилия у семьи, занималась делами на камбузе. Мне пришлось открыть две из четырёх гостевых кают, чтобы их размесить, так что те пока там осваивались, ну а мы с парнями управляли судном. Причём поисками я решил заняться не в одиночку, зря что ли у меня радиотелеграф на борту? Запустил бензиновый движок и, проверив эфир, стал вызывать всех, кто меня слышит. Отозвалось два радиофицированных судна, что с трудом пережили это ненастье, одно шло в сторону ближайшего порта Мексики, угля осталось мизер, возможно даже не хватит, и было у нас за кормой. А второе сильно пострадало, но при этом капитан согласился помочь, осмотрев те координаты, что я ему сообщил, небольшой ближайший к нему участок. Мы также доставали и до Мексики, ответил порт Ла-Паса, там совсем недавно развернули достаточно мощную радиостанцию, так что нас они принимали. Более того выяснив причину, направили на помощь три рыболовных судна. Дальше он уже общались с радистом того грузового судна что потеряло весь запас угля борясь с ненастьем, обещали направить единственный паровой буксир как только тот освободится. На случай если судно всё же не дойдёт до берегов Мексики.

Я уже собирался снимать самодельные наушники, мне так удобнее работать было и идти глушить двигатель, как буквально краем уха уловил очень слабый сигнал. Вмешавшись в переговоры диспетчера и радиста судна, попросил их прекратить общение, мол, слышу ещё один сигнал, причём похожий на СОС. Радист судна без угля ничего не слышал, да и был он дальше, приближался к Мексике, а вот радист второго судна, подтвердил, что тоже слышал сигнал. Я с облегчением вздохнул, уже посчитав, что уловил эхо отражённого сигнала. Именно радист второго судна, которое было ближе к терпящему бедствие судну, стал вести с ним переговоры. Выяснилось, что американское грузопассажирское судно серьёзно пострадало и почти лежало на боку, полностью потеряв ход, как они радиостанцию-то смогли задействовать, и просило помощи. Координаты их штурману удалось определить, так что радист второго грузового судна через меня передал его в Ла-Пас. Там стали формировать группу спасения, как я понял из буксира и двух рыболовных сейнеров, единственных на паровом ходу. Выйти они были должны в ближайший час.

Понимая, что у меня больше шансов дойти до терпящего судна раньше других, я направил легко бегущую по высоким волнам яхту к этому судну. Повреждённый грузовик тоже направился туда, но из-за повреждений ход выше трёх узлов дать не мог. Это ещё не всё, радиостанция терпящего бедствия то и дело замолкала, пока совсем не умолкла, но передать они успели, что видели небольшую парусную яхту сутки назад, как раз перед окончанием шторма, однако сделать ничего не могли, и сами имели повреждения, и яхта под одним парусом прошла далеко. Однако рассмотреть то, что на борту был выживший, сумели. Больше радист не откликнулся, так что, обогнав инвалида, видел его дым на горизонте, первым под самый вечер добрался до потерпевших крушение. Судно, покачиваясь на крупной волне, не почти, а полностью лежало боком на воде. Более того, весь борт был усыпан людьми. Шлюпок в

воде не было, была одна перевернутая, что качалась сильно в стороне, на ней сидело двое промокших матросов, но и только. Именно к ним мы подошли первыми. Парни совсем обессилили, у них даже не было сил, чтобы подняться на борт, талями поднимали. Двое суток они держались за эту лодку, трое их первоначально было, одного смыло перед окончанием шторма.

Почти сразу над ними лежавшими на палубе засуетилась миссис Марпл, со своей помощницей, давало немного воды и пищи. Я почти сразу связался с диспетчером порта, чтобы сообщить координаты судна, однако тот сообщил, что помощь вышла, но все три не радиофицированы. Заглушив движок, я с парнями ту шлюпку, на которой спались матросы, перевернул с помощью тех же талей, и пока младший вычерпывал из неё воду, достаточно шустро работал, с его более старшим братом под одним парусом, делая галсы, отправился к судну. Идти пришлось против ветра, сблизился с терпящим бедствие судном. Близко подходить не стал, мусору в воде хватало. После этого спустив свою лодку и взяв подобранную на буксир, отправился к судну. Тут же был встречен капитаном и радистом, так что удалось узнать, сколько людей спаслось точно. Ну а то, что это за судно и куда оно шло, известно было и так, ещё во время переговоров. Набрал полные лодки людей, вернулся на борт яхты. В основном тут были женщины и дети из пассажиров, а так же часть команды. Дальше уже матросы из команды делали второй рейс, забирая последних выживших. Внутри судна никого не было, капитан за это чётко поручился, последних вытащили из машинного отделения, потеряв троих, захлебнулись в затопленных переходах. В общем, всего было потеряно одиннадцать человек, вернее теперь было девять, двое матросов числившихся пропавшими без вести были побраны мной. Да и их снесло на шлюпке далеко, однако, когда погода наладилась, те осмотрелись, обнаружив точку на горизонте прилагая и так немногочисленные силы стали грести руками и ногами в ту сторону. Вот на полпути мы их и подобрал.

Ожидать на месте я не стал, поэтому решил идти навстречу инвалиду. Народу, конечно, много было снято, но уместились все, к тому же они слишком быстро уничтожали мои и так невеликие запасы продовольствия и воды. С инвалидным судном встретились уже когда наступила ночь, оно, кстати, мексиканским было. Там за час передали всех спасённых, их доктор начал осматривать, он был среди пассажиров, а я, попрощавшись со спасёнными и мексиканской командой, направился в сторону, куда примерно несло яхту семейства Марпл. Вот они остались на борту, делая приборку на яхте, убирая тот бедлам оставленный спасёнными.

Далеко мы не ушли, легли в дрейф, пока инвалид, развернувшись, малым ходом шёл навстречу группе спасения, завтра продолжим поиски, а то, ночью не заметив проскочим мимо яхты Марпл, разминувшись. То, что все шансы выжить у главы семейства были, признавал даже я. Не смотря на опытность, тот был сильным и уверенным в себе человеком, яхты имела небольшой тоннаж, это так, однако была крепкой и вполне новой, мореходные качества тоже были вполне на высоте. Так я успокаивал семейство, перед тем как они легли спать. После этого установив масляные светильники стояночных огней, и поставив на вахту первого из братьев, потом второй заступит, ну а моя собачья вахта, мы и разошлись. Я почти сразу вырубился, едва успел умыться, вытерев лицо полотенцем, как полураздевшись завалился на роскошную кровать, и так уснул. Помнить успел подумать, что хорошо, что обувь скинуть успел. Спать в обуви я не любил. Видимо организм так устал, что когда увидел кровать, посчитал, что с него хватит и притушил моё сознание. Это было единственное объяснение, почему я так быстро вырубился. Ну да, последствия шторма тут тоже наложились, устал я, его пережидая.

Следующие двое суток поисков прошли безрезультатно. Группа спасения тоже была тут, из

двух сейнеров. Буксир подошёл к почему-то не тонущему американцу и, взяв его на буксир поволок в сторону порта. Дня три тащить, будет, если тот ко дну не пойдёт, или не перевернётся. Инвалид был на полпути к берегу, ну а мы искали. Было, встречались разные обломки, которые мы обязательно осматривали, однако ничего не находили. Время от времени я выходил в эфир, вдруг какое судно откликнется на мои запросы, и вот полчаса назад действительно откликнулся очередной американец, в этот раз это был крейсер.

Радиотелеграфист что дежурил на своём посту, откликнулся на запрос, и о счастье, с разрешения капитана боевого корабля, сообщил, что вчера днём они видели парусную яхту, идущую под парусами в сторону Американского континента. Они даже подходили, спрашивали, не требуется ли помощь. Единственный человек на борту, представившийся Грегори Марпл, ответил, что помощи не требуется. Мне сообщили курс куда тот следовал, ага, штурман из него никакой, мало того что мимо островка проходил, от которого его с якоря соврало, так похоже ещё и в Канаду направлялся. Штурман с крейсера помог ему с определением координат и пальцем указал, куда нужно двигаться, так что где примерно его ловить я знал. Заглушив двигатель, а соответственно так же и генератор, я дошёл сначала до одного сейнера, они на горизонте маячили, мы «сетью» работали, а потом и до второго. У второго меня ждал сюрприз, из воды был поднят матрос с американца, едва живой, но вроде шанс есть. Значит, пропало и погибло не девять, а восемь человек. Думаю спасённого откачают, рыбаки обещали, среди них был один понимающий в медицине.

Получив сообщение, что потеряшка нашёлся, рыбаки выразили радость. И тут же занялись делом, готовили снасти. А что, одно другому не мешало. В общем, мой «Низвергатель» погнался за яхтой семейства Марпл один. Мы его нашли утром следующего дня. Сперва парус на горизонте, а потом уже после шестичасовой гонки встали борт к борту. Я предлагал Грегори на буксире довести его до берега, но тот был упрямым как чёрт, в яхте своей он был уверен, в своих силах ещё больше уверился после таких испытаний, всё так. Ничему его жизнь не учит, так что, сняв с моей яхты свою семью, он искренне меня поблагодарил за помощь, сообщив, что в их доме мне всегда рады и оправился в сторону Сан-Диего, решив, что приключений для первого морского путешествия хватит. Тут я ему помог, он снова ошибся со счислениями.

Вот так семейство Марпл пошло в одну сторону, а я в другую. Надо будет пополнить изрядно опустошённые запасы, а то после спасённых там чуть ли не крохи оставались. Да и воды остался один сорокалитровый бак. Мизер.

Припасы я пополнил в городке Пуэрто-Вальярто. Набрал приличные запасы, фасоль была и садкая кукуруза. Воду тоже пополнил. Там же привёл своё судно в порядок и, полнил запасы угля, его там было такого качества не так и много, но мне его требовалось всего три тонны. Именно столько я потратил на все манёвры. А общий запас на борту был в сто десять тонн. Бункеры увеличены, это не моя прихоть, ещё банкир сделал, дальность яхты на паровом ходу стала в тысячу триста морских миль при экономичном ходе в десять узлов. Тут же узнав, что в порту имеются запасы бензина, приобрёл его. Не у местных, на якоре стояло грузовое судно и в его трюме были бочки с бензином, их везли для продажи. Бензин был вполне неплохой, так что я пополнил изрядно потраченные запасы, и даже увеличил их. Тут же приобрёл и масло, а так же нужную смазку.

В порту я простоял четыре дня, отдыхал душой и телом, часто купаясь в тёплых водах бухты, очень мне это дело нравилось. А потом, закупив скоропортящихся продуктов, из тех, что нужно побыстрее съесть за неимением холодильной камеры, погрузил всё в кладовые и, покинув бухту, специально подгадал, чтобы ветер был попутный, направился в сторону мыса Горн. Путешествие у меня фактически только началось, небольшие приключения с поисками

пропавшего главы семейства Марпл, это как приправа для этого блюда из путешествия. Мне нравилось, а это было очень хорошо.

Пока стоял и отдыхал в удивительно тихой бухте, очень важно, чтобы судно не покачивалось, я, наконец, впервые запустил лабораторию, проводя небольшие исследования, но главное работу по созданию некоторых лекарств, к счастью нужные реактивы у меня были, заранее приобрёл. В общем, сделал базовый вариант диклофенака, получилась банка в два литра с порошком внутри, убрал в кладовую, где у меня стоял большой ящик с красным крестом. Ещё подготовил работу по созданию пенициллина. Его делать достаточно долго, поэтому оставил на будущее. Нужно ещё подумать, как его хранить, а то испортится, срок годности был ограничен полугодом. Вот диклофенака я всё же уточню, сделал чуть больше, две двухлитровые банки. Но одну банку, познакомившись с врачом единственной больницы Пуэрто-Вальярто, передал ему на исследования. Тот не очень хотел испытывать на людях неизвестный препарат, много таких мошенников было выдававших разную муть за эликсиры и снадобья, однако на добровольцах проверить согласился. Да и то из-за того авторитета что я уже набрал в газетах. Я ему написал специфику применения, при каких болезнях требуется его применять, подтвердив что лекарство имеет эффект аспирина, который тому уже был известен, тот даже выписал это лекарство по почте. Врач записал, что диклофенак должен применяться в лечении ревматологических заболеваний, где важны оба компонента: выраженный противовоспалительный и мощный анальгетический эффект. Так же его можно применять в хирургии, травматологии, неврологии, гинекологии, урологии, онкологии и офтальмологии. Если тут эти понятия известны. Оказалось некоторые известны, а вот о спортивной медицине врач знал слабо, то есть совсем никак. Однако очень серьёзно кивнул, когда я добавил из-за увеличения риска инфарктов и других сердечно-сосудистых заболеваний при длительном приеме, часто использовать его не стоит. Мы с ним обговорили, как будем общаться, мне был интересен результат применения этого средства. Ошибок при создании я не совершил, так что рассчитывал на заметный эффект. А отправлять мне письма тот должен был на моё имя на телеграф Буэнос-Айрес, куда я направлялся и где собирался задержаться на длительное время, там и перепишемся, узнаю, был эффект или нет.

Приметив, что к борту «Низвергателя» подходит очередная шлюпка, за сегодняшний неполный день эта третья, я подошёл к борту и, поставив локти на перила фальшборта, наклонившись вперёд, стал задумчиво рассматривать, как шлюпка подходила к правому борту, где находился спущенный трап. Без моей помощи поднимутся на борт. Эти господа за последнюю неделю уже изрядно достали меня вопросами и предложениями. Интересно, что нового они придумают, чтобы начать массовый выпуск «ларинина», в девичестве «пеницилина»? В принципе шанс я им дал, так что пусть побегают, а то решили войти ко мне в долю в этом деле. Правда, перед началом производства, его ещё нужно провести по всем патентным бюро, он ещё был не зарегистрирован на меня, правда, за последние две недели из того месяца, что я находился в порту Буэнос-Айреса, этот препарат стал широко известен благодаря газетчикам именно как «ларинин». А что название звучит, пусть так и будет. Да и производство, размешенное в Аргентине, даст заметный толчок к развитию и так не бедной страны, местные в этом были сильно заинтересованы, тем более я планировал разместить тут не одно производство, а эти господа, были местными бизнесменами в сфере скотоводства и сельского хозяйства. Два брата Энрике и Иглесиас Рабаль, уже давно планировали расширить сферы своего бизнеса, то есть ещё стать промышленниками. Они как раз подбирали то куда можно вложить деньги, их интересовало деревообрабатывающая промышленность, как адвокат что с ними работал, посоветовал опередить конкурентов и договорится со мной о производстве

«ларинина». Как раз-только-только информация пошла в массы.

Братья загорелись, и чем больше они изучали надобность препарата в медицине, все четыре литра препарата которые я отправил на исследования в местные столичные больницы, достаточно быстро подошли к концу, остались НЗ, поэтому медики уже не просили, требовали срочно пополнить их запасы. Результат применения «ларинина» шокировал их, инфекционные больные, даже те кто считался безнадежным, покидали свои палаты после полного излечения. Их позже вызывали в больницу. Проверая, нет ли рецидивов. Тем более я расписал степень применения препарата, указав дозы по диагнозам, ну и что лечить. Так как местные врачи были связаны с другими медками, известность «ларинина» стала стремительно разноситься по всему миру. Сам такого не ожидал. В жарких тропиках Южной Америки, где подхватить инфекцию достаточно простое дело, появление такого средства было встречено врачами на ура, а когда были проведены первичные опыты использования, велась серьёзная документация препарата, так сомнений не осталось. Вот оно, лекарство от всех болезней. Это я, конечно, загнул, но врачи местные, похоже, считали это именно так. Диклофенак у них тоже проверялся, так же его охотно одобрили, тем более первым его применил врач из Мексики, с которым они стали переписываться, но «ларинин» всё перекрыл.

Стоит вспомнить того врача да и само плаванье, которое делилось почти три недели. Я просто не торопился. Само плаванье проходило на удивление скучно, никаких особых приключений не было. Изредка пополняя запасы воды в редких портах, я обогнул мыс Горн и направился вдоль побережья Аргентины к её столице. Там прошёл таможду и фактически не покидал борт яхты, стоявшей на якоре отдельно ото всех, в течение первой недели. Свежее продовольствие мне привозили местные торговцы-лодочники. Всё это время я возился с «ларинином», отмахиваясь от попыток привлечь моё внимание, на все просьбы, отвечая тем, что очень занят. Правда приглашение президента Хулио Рока всё же принял, и действительно побывал на балу, устроенном в мою честь. Даже тут знали меня. Именно с президентом общаясь тет-а-тет, мы на минуту покинули зал, я и описал свои планы относительно Аргентины. Пояснил, чем занимаюсь, какие у меня планы, и получил полное его одобрение. Он даже пообещал мне свою полную поддержку, сообщив, что у него на примете есть с два десятка дворцов выставленных на продажу, или крупных фазенд. Это он отреагировал на моё желание приобрести в Аргентине жильё. Насчёт гражданства я тоже намекнул, президент подтвердил, проблем с этим не будет. Вот тогда мы на словах и обговорили первичный договор об организации производства медицинских препаратов. Одно из помещений я планировал использовать для будущей фабрики. Именно поэтому, когда закончил «ларинин» и отправил его вместе с диклофенаком на практические исследования и испытания на добровольцах, снова не покинул борт яхты, а продолжил работы относительно других лекарственных препаратов пока не известных в это время. Причина такого решения была банальна, если уж будет у меня тут своё производство, президент реально заинтересовал, сделав такое предложение, то не стоит заикливаться на двух препаратах, стоит расширить свои возможности производства, выпускать специализированные. Я, конечно, не всё знаю, но основное изучил в своё время. Так что, отправив на изучение «ларинин» за последние дни, подготовил ещё четыре препарата и одну мазь, в моё время известная как мазь Вишневского. Тут реактивов мне на всё не хватило, закупал у местных, для мази так вообще привозной материал использовал. Мазь я собирался назвать «линимент бальзамический по Ларину», или «мазь Ларина». Себя забывать не стоит, реклама она того стоит.

Помимо работ в судовой лаборатории я так же допоздна засиживался в кабинете, писал будущие патенты, готовил документы для регистрации. Патентное бюро тут было, местная адвокатская контора, которую я нанял на днях, готовилась отправить своих сотрудников регистрировать эти патенты в других странах. Завтра отправлюсь заниматься регистрацией,

уже можно было. Ну и препараты готовые, так же отправлю на исследования.

Братья Рабаль успели первыми, кто вышел на меня с предложением войти в долю. Они были согласны даже на двадцать процентов. Похоже, аргентинцы имели деловую хватку и видели, что этот бизнес пойдёт в гору, причём резко. Видя их энергию и решимость, я обещал подумать. В принципе это, возможно, тем более на братьях я планировал повесить всё производство. А так по акциям фабрики, согласно договорённости с президентом, восемьдесят процентов мои, двадцать государства. Ничего, поделюсь с Рабаль, пусть у них будет двадцать, а у меня шестьдесят. Но зато я смогу спокойно оставить производство на них, разовьют и расширят. Такое дело, не смотря на неопытность, они потянут, и людей найдут. Вот сама подготовка к производству будет на мне. Первичные шаги я уже сделал, заказал в штатах достаточно много специфичного оборудования, застрахованное судно уже вышло из американского порта, и направлялась в Аргентину. Правда на это ушли мои последние запасы средств, что были при мне. Оплата заказа требовалась полная, провёл её через один из столичных банков Аргентины. Так что кроме небольшого количества наличности, ничего больше у меня не было.

Поручение, которое я дал обоим братьям, было в том, что они должны были найти людей на производство, а ведь его требовалось начинать с нуля, значит, обучение тоже было на мне, хотя я и сам тут не специалист. А так же проехаться по всем пригородным дворцам и фазендам, выставленным на продажу и осмотрев, их определить степень возможности использовать под фабрику. Платить за землю и за фазенды не потребуется, это была плата Аргентины для входа в долю. На братьях, всё производство и люди, распространение на них и на государстве, от Аргентины на фабрике будет сидеть их человек, чтобы будет частично отвечать за распространение. Денег братьям на оснащении будущей фабрики переделки некоторых помещений потребуюсь потратить немало, но когда придёт часть закупленного оборудования, дальше начнётся установка, обучение сотрудников, думаю, пятидесяти человек хватит, там должно быть восемь профессиональных химиков-фармацевтов. Управляющий, специалисты, на которых поиск нужных компонентов для производства. В общем, много что. Не маловажно, что в пригороде столицы Аргентины был стекольный завод. Нам потребуется заказывать ампулы, а так же баночки для готовых препаратов. Я сегодня как раз размышлял, как их после изготовления подготавливать для использования. Всё же требовалось, чтобы те были идеально чистыми, прежде чем поместить в них препараты или мазь. Таблетки тоже будут в герметично закрытых банках. Возможно, с ампулами я перегнул, всё в банках будут перевозиться, однако посмотрим по сути дела, за это направление я ещё толком не брался, братьям поручил. Стекольный тоже. Они и его посетить должны были.

— Я смотрю, ваш вояж закончился успешно? — поинтересовался я, отметив какими широкими улыбками обмениваются братья.

Судя по их довольному виду, те действительно выполнили все поручения, и соответственно мою первичную проверку прошли. Правда это у них заняло шесть дней, из тех пяти, что дал я, но и это не плохо. Главное победа, а не только участие.

Как только аргентинцы поднялись на палубу, я поздоровался с ними за руку, несколько не гнушаюсь здороваться вообще с людьми, и повёл в свой кабинет, вот там оба авантюриста от бизнеса и доложили, что успели сделать за эту не полную неделю. Первое, осмотр подходящих помещений они провели за три дня, именно поэтому было такое опоздание по срокам и выбор пал на то, что находилось на берегу судоходной реки. Что не говори, а сейчас основной транспортный поток идёт по рекам. Ну и то, что неподалёку расквартирован пехотный полк, тоже имеет значение, как и военный госпиталь. Это самый интересный вариант, но было ещё три, и я рассмотрел их все, слушая описания, но остановился всё же на первом выборе. Он нам

действительно подходил не только по тому, что у реки стоял, и там имелась хоть и небольшая, но качественная пристань, а так же постройками. Было три основных одноэтажных господских здания, они отлично подходили для производственных цехов, остальные пять строений поместья можно использовать для складов, администрации, столовой, я собирался на территории фабрики развернуть столовую, чтобы работник на время работы не думали о питании, девятичасовой рабочий день, в субботу сокращённый на час, в воскресенье выходной. Охрана обязательно, чтобы следили за территорией и отлавливали всех, кто попытается на неё попасть. Тут уже государство поможет, их люди будут охранять.

Оказалось братья предполагали, что я выберу именно это поместье, так что достали из тубуса, что был при них, план-схему поместья и всех зданий. Это позволило мне точнее прикинуть, как разместить на территории фабрику. Сам я тоже сообщил, что заказал часть требуемого оборудования, к сожалению не всё было в наличии, но несколько производств запустить они смогут, требуется лишь установка, и обучение персонала. Дальше мы решали больше рабочие вопросы, договорившись, что именно завтра я создам компанию по производству медицинский лекарств и препаратов, куда будут включены и братья. Ну и третий наш партнёр, тоже будет включён. Тогда же и патенты зарегистрирую. Проверку они недели три проходить будут и когда пройдут, запущу к этому моменту фабрику. Должны мы закончить. Через месяц я должен покинуть Аргентину, иначе не успею к той дате, на которую назначил встречу с именитыми химиками и физиками в Париже.

По поводу персонала парни так же не облажались, были проведены пока предварительные переговоры с некоторыми местными фармацевтами. В Аргентине уже было несколько фармацевтических лабораторий, так что людей понимающих хватало. Немного, но восемь человек братья нашли. Причём один из фармацевтов вообще оказалась женщина. Мне кажется, те её больше для количества приплели, явно не планируя увидеть женщину в нашем деле, но я решил обязательно на неё посмотреть. Было любопытно посмотреть на того кто пробил себе дорогу наверх в то время когда работающая женщина нонсенс. Как и ожидалась, та оказалась американского происхождения, это меня не особо удивило. Вся прогрессивная муть шла из Америки. Правда то, что братья всё же нашли аж восемь фармацевтов меня, конечно, удивило, но потом выяснилось, что непосредственно в столице Аргентины находится всего четверо, с остальными они переписывались с помощью телеграфа, так что эти нужные специалисты лишь ждали отмашки, чтобы прибыть. Своё предварительное согласие на работу в новой фабрике они уже дали.

Насчёт типографии поговорили, нам же где-то нужно печатать рецепты. Выяснилось, что в столице продаётся вполне неплохо оснащённая типография и братья предлагали выкупить её, включив в нашу компанию. После недолгого обдумывания я кивнул, хорошее предложение, тем более весь персонал типографии пока работал на прежнем месте и искать специалистов не требовалось. Пусть выкупают.

Тут тоже были в основном рабочие моменты, но со всеми специалистами я решил переговорить лично, проверить уровень их образования. Потом мы обговорили несколько кандидатур на роль управленца-директора. Ещё ставя задачу по поиску персонала, я отметил, что знания директором медицины не является обязательным, позже нахватается основ, главное чтобы мог поставить обучение на поток, как и работу, вот его зам по производству, это да, тут должен быть специалист. Обязательно должен быть контролёр качества. Тут тоже требуется специалист. Низовых работников я планировал набрать чуть позже из молодых людей, в основном женщин, зная их усидчивость и скрупулёзность. Тут братья старались мне не перчить. Раз потребны женщины, будут женщины. Но всё равно требуется их обучить и подготовить. Про остальной персонал и охрану тоже коснулись.

Дальше перешли на стекольный завод. Выяснилось что, не смотря на его достаточно плотную загрузку, выделить мощности для нас возможность есть, так что проблем с тарой не будет. Более того братья проявили заметное усердие и инициативу. Они так же прокатились на небольшую фабрику, где изготавливалась разная тара из дерева. Теперь у нас могут быть ящики с делениями для перевозки препаратов. Деления будут изготавливаться по разбору бутылок-банок. Предполагалось потом их засыпать опилками, чтобы не побились, но я наложил на это решение вето, делений в ящиках вполне хватит, крышками забьют, должны добраться до адресатов. Пояснил, почему принял такое решение и объяснил что любой намёк грязи, это удар по фабрике и по нам, везде должна быть стерильная чистота. За этим должен следить контролёр по качеству, а за работой человек ответственный за технику безопасности. Даже описал, как я вижу производственные цеха, стерильная чистота, работники ходят в специальных одеждах, с марлевыми повязками на лицах и шапочках, на ногах тапочки. Вход в производственные цеха только с разрешения начальника цеха, и только после переодевания, должны быть запасные комплекты одежды. На рабочих местах много света. Стены, потолок и пол должны быть покрашены в белый цвет. В общем, работы действительно очень много и надеюсь, мы справимся. Про рабочую душевую и не говорю, работники должны перед сменой принять его, потом облачиться в рабочую одежду, после смены по желанию, но желательно повторить с душем.

Общались мы с братьями порядка шести часов, эта сфера производства им была совершенно не знакома, так что я скрупулёзно, много раз возвращаясь назад, чтобы донести некоторые моменты до братьев. Вбить их в голову, объяснял, как должна работать фабрика. Я так понял, на первых порах они сами будут её плотно контролировать, так что им требовалось знать, что можно, а что нет, вот я и давал им некоторые прописные истины.

После того как те отправились на берег, я продолжил работать над патентами. Нужно успеть до завтрашнего дня.

Утром позавтракав, я забрал все свои наработки, они находились в специальных отделениях купленного мной портфеля, и нанятый мной лодочник, ещё вчера его попросил подойти к определённому времени, доставил на берег, к пассажирским причалам. Там меня уже ждали, наёмная коляска с представителем адвокатской конторы. Этот представитель и ввёл юридическое сопровождение при оформлении. Когда эта работа закончилась, тот остался на месте, ему ещё дальше работать, все эти патенты зарегистрировать в других странах, ну а я направился к братьям, у них тут целое здание было в личной собственности под офис, все же они своими продуктами снабжали половину ресторанов столицы.

Братья уже давно ждали, всё было готово, и мы, просмотрев документы, что подготовил их юрист для регистрации новой компании, я назвал её «Мед-Ком», просто и со вкусом, прокатились к зданию нужной государственной службы. Однако регистрацию у нас не приняли. Согласно новому закону, введённому всего две недели назад, владеть производствами, компаниями и фирмами могли только граждане Аргентины, а я им не являлся. Братья тоже были изрядно удивлены новыми порядками. Проблем я не видел, конституция Аргентины позволяла иметь двойное гражданство, так что мы прокатились к нужному зданию, оно тут рядом находилось, можно было бы пешком пройти, и погода красивая, и улица была хорошо отделана, неплохой декоратор постарался, всё в зелени утопает. Там приняли у меня заявление и на удивление быстро, братья приняли такой озадаченный-задумчивый вид, видимо стали понимать, что к чему, всего через час, пришлось быстро пробормотать присягу, я стал гражданином. К вечеру обещали подготовить все документы, но справку что я соискатель гражданства выдали. Вот благодаря этой справке, мы нашу компанию и зарегистрировали, отметив так же торговый знак компании. Потом мы

встречались с человеком от правительства, он и будет нас от него курировать, полковник медицинской службы, он в армии курировал медицинское направление, так что был достаточно в теме. Мы прямо там же в офисе братьев пообедали, шикарный был обед, отметили прямо тут, со вкусом, регистрацию компании, после него пообщались с будущим отобранным персоналом. Все четверо найденных специалистов были мной одобрены, включая женщину, и я приказал юристу братьев, пока он сопровождал все оформления новой корпорации, стал оформлять их на работу. Им требовалось подписать пятилетние контракты. Так как с зарплатой я особо не жадничал, то фармацевты легко подписали эти договора. Правда перед этим изучили правила работы, ответственности и штрафные санкции нового места работы, утечка информации там была, вчера полночи эти правила писал, но договора подписали. Остальным по телеграфу дали отмашку должны прибыть в течение недели. Тут прямо в офисе меня отловил один чиновник от министерства Здравоохранения Аргентины, в основном мы с ним общались, когда я выдавал препараты на изучение. Он ещё раз напомнил, что все препараты быстро подошли к концу и намекнул, да что намекнул, попросил и потребовал, ещё. Я ему сообщил, что уже подготовил новые препараты, но они остались на борту. Сегодня много работы и суеты, вот и не стал смешивать все дела. Пришлось уступить его уговорам, и мы отправились на борт моей яхты.

— Всё в порядке? — поинтересовался я у отставного солдата, что прогуливался по палубе с охотничьим карабином на плече.

Ещё двое отдыхали чуть дальше, устроившись на палубе. Про охрану я не забывал, предпочитая нанимать вот таких вот бывших солдат, особенно ветеранов. Эту тройку нанял почти сразу, как прибыл в порт столицы Аргентины, один из них неплохо готовил и за дополнительную плату занял должность кока, готовил на охранников и на меня, чтобы я не отвлекался на это дело. Причём мужики, а им всем было далеко за сорок, до такой степени тихо ходили, что я бывало их сутками не видел, как духи, хотя отмечал, что те на борту и службу несут исправно.

— Несколько подозрительных лодок крутилось тут, но увидели нас, поспешили уйти. Ещё два раза подходили на расстояние окрика, какие-то господа вас искали. Мы им сообщили, что вы на берегу. Это всё, — доложил тот.

— Молодцы. Это со мной, — кивнул я на чиновника.

Мы прошли в мой кабинет, я открыл встроенный в стенку сейф, и достал портфель, внутри всё и находилось. Пришлось вместе с чиновником ехать в главную государственную больницу для неимущих Буэнос-Айрес, там на месте я очень долго общался с несколькими врачами больницы. Так как поступали новые лекарства, да ещё мазь, пришлось на словах объяснить, как они применяются, инструкции, написанные на бумаге передал главврачу на изучение. Почти час убил только чтобы передать лекарства с мазью.

Вернувшись к братьям, мы прямо от их офиса поехали смотреть будущие корпуса фабрики. Были там до темноты, я не смог не посмотреть все строения. Потом прошёлся по окрестностям, мысленно прикидывая как расположить охрану. Полковник сообщил, что будет выделен для этого дела специальный отряд полиции, именно полиция возьмёт на себя охранные функции. По всем зданиям мне было что сказать, если особо склады и будущее административное здание с правлением переделывать требовалось не так и сильно, то вот те где развернутся производственные цеха, там да, много что переделывать требовалось. Братья, а всё это было на них, обещали завтра же подогнать лучшего строителя, тут будут работать лучшие бригады. Вечерело, так что, покивав, я отправился обратно на борт яхты, попрощавшись с братьями и

полковником, последний старался вникнуть во всё, что мы делали. Он же обещал завтра же зарегистрировать это поместье на компанию. Да и братья обещание выполнили, теперь у компании была типография.

Следующие дни проходили не менее интересно. Утром до обеда я общался с одним опытным инженером-строителем, когда мы ходили на территории поместья. Именно с инженером, тот имел профессиональное образование. Пришлось на пальцах ему объяснять что хочу, сразу предупредив, что дополнительных поправок в модернизациях зданий будет много, чтобы сразу стенать не начал, а вот сроки остаются прежними. Тот обещал быстро составить смету. Но там дальше уже с братьями общался, их тема. Полковника не было, тот занимался своими вопросами, поместье должно было перейти компании, а я занялся уже нанятыми работниками. Братьями была арендована на территории города химическая лаборатория, и учебные классы, так что я занялся преподавательской длительностью. Первые же дни показали, что фармацевты хотя и имели определённо мало опыта, большинство недавно закончили учебные заведения, но при этом были полны уверенности в себе и задора. Правда, в повышении квалификации, были не против и учились очень даже хорошо. В лаборатории я давал им задания и наблюдал за исполнением, поправлять иногда приходилось, но этих поправок становилось всё меньше и меньше. Причём единственная женщина, ещё девушка среди присутствующих, на неё парни поглядывали явно недовольно, не понимая, как та затесалась к ним, имела все шансы стать контролёром качества, к этому я её и готовил. Очень нужен такой работник.

Вот так дни и шли, работники медленно пополняли корпорацию. Тут уже не только фармацевты-специалисты, но и их помощники, те сами их себе отбирали, обслуживающий персонал, даже простые уборщицы, и то были наняты заранее. Пришло моё судно с оборудованием, которое разгрузили на арендованные склады, сам ремонт и модернизация в поместье будущей фабрики шло полным ходом, я ежедневно проверял, как идёт работа, и действительно делал поправки. Одним словом жизни у меня тут вошла в привычную колею. Утром отправлялся в поместье, мне братья одну из своих колясок с кучером выделили, наблюдал, как идёт ремонт. Если что давал инженеру дополнительные задания, в последние дни уже наблюдал за установкой оборудования в некоторых готовых цехах. Часам к десяти отправлялся в учебные классы, где и вёл уроки. Перерыв на обед, потом продолжал. После трёх часов дня, гулял по городу и окрестностям, в последнее время мне это доставляло всё больше и больше удовольствия. По вечерам или отдыхал у себя на борту яхты или посещал вечера у некоторых именитых людей. Пропускал редко, действительно было интересно, да и познакомился со столькими полезными людьми, а это всегда пригодится. Во время прогулок присматривал себе жилище, денег на него не было, нужно ещё добраться до моего дома в Париже, однако где лучше всего приобретать домик или выкупать квартиру присмотрел. В лучших районах присмотрел. А так жить на борту яхты мне не сложно, вполне нравилось.

К моменту, когда здания были полностью подготовлены, всё оборудование завезено частично установлено на станины, те что этого требовали. Все три лаборатории так же были развёрнуты в специальных помещениях, за ними уже закреплены работники. Потом был пробный предстартовый пуск. Дополнительное оборудование и материалы, которые я не смог найти, нашёл новый директор фабрики, показывая свой профессионализм и деловую хватку, он же всё и доставил, тут платили братья. Средств у меня не оставалось. Так что фабрика была полностью комплектна. Технологические цепочки изготовления прошедших проверку и исследования препаратов я уже передал, более того вовремя учебных процессов все фармацевты уже их изготавливали, так что дальше остаётся только наладить процесс производства и сбыта, но это уже на директоре. Кстати, с ценами на лекарства определились с неделю назад. Была создана комиссия, куда ходили так же мы с братьями и после почти

пятичасовых дискуссий, были выставлены цены на продукт. Цены внутреннего рынка и внешней реализации.

По самой фабрике и её работникам. Пробный предстартовый запуск, конечно, дал много огрехов, но для этого я его и планировал. Братья высказывались против него, но увидев своими глазами, сколько было этих огрехов, стали поглядывать на меня с ещё большим уважением, хотя куда больше.

Сложнее всего было с охраной, я вообще ввёл драконовские правила на территории фабрики и эту неделю те это активно демонстрировали, и если в первые дни было какое-то непонимание, но к концу стартовой недели, не то чтобы согласились, а просто привыкли. Это я говорю про внешнюю охрану, отряд полиции прибыл достаточно быстро и взял поместье под охрану. Правда как-то так-сяк, пришлось поговорить с их лейтенантом, что и отвечал за охрану, и тот подтянул своих людей, были написаны инструкции и если в первое время мог любой под видом ремонтника, строителя или рабочего пройти на территорию, то теперь вход на территорию только по пропускам. Благо крепкая ограда по всей территории затрудняла попадание на внутрь, а часовые приобрели вредную привычку сначала стрелять, а потом спрашивать кто это там через забор лезет. Более того, я выделил строителям временные пропуска, а вот постоянным работникам, уже спецпропуска, загрузив на несколько дней работы ближайшее фотоателье. Зато у всех тридцати семи работников фабрики, что у начальства, что обслуживающего персонала, были теперь такие пропуска с их фото. Однако неразбериха, конечно же, на стройке царила всегда. Всех поставщиков, что доставляли песок, строительный материал и остальное, всегда сопровождал кто-то из охраны, и если в первые дни те работали как на аврале, что к концу, когда началась предстартовая неделя, перешли на обычный режим работы. Теперь охрана понимала, какой должна у них быть служба. Это полицейские, однако, я ещё развернул внутреннюю охрану, причём директору она не подчинялась, только мне и другим владельцам. Эта охрана уже внутренняя, посты на входах во все здания и без пропуска внутрь ты уже не попадёшь. Действовать та начала чуть позже, чем полиция, но тоже за это время набралась опыта, и дальше уже достаточно плотно опекала объекты. В каждое здание свой пропуск, по чужим пройти не реально. Бойцов на внутреннюю охрану я нашёл среди солдат-отставников аргентинской армии. Пообщался с теми охранниками, что мою яхту сторожили, предложил так же им работу, а то с этим были некоторое проблемы, а те знакомых и сослуживцев подтянули, так что два десятка крепких ветеранов и взяли на себя эту работу, командовал им бывший уорент-офицер. Отлично командовал, есть за что похвалить. За время начала строительства, было арестовано одиннадцать человек, все они были сопровождены в полицию. Пятерых правда чуть позже отпустили, обычные зеваки, что решили посмотреть, что у них на окраине города строится, а вот семерых, с ними работали плотно и жёстко, это уже серьёзно, чьи-то разведки работали. Нравятся мне местные, раздолбайство конечно присутствует, а как промышленных шпионов начали ловить, сразу в охрану были включены люди из контрразведки. Быстро реагируют, вот это мне и нравится.

Что-то я отвлёкся. Часть людей жили в городе, часть снимали, но на окраине поместья, прямо на берегу реки, на небольшом косогоре быстро росла деревушка для работников фабрики, заложили сразу тридцать домов, двадцать для семей, и десять двухквартирных коттеджей. Сейчас они в процессе постройки, чуть позже работники переедут в них, чтобы издалека не добираться до места работы. Это я настоял, но переселения не застану, уже отбуду, не успеют строители до моего отъезда, едва успели у половины домов коробки поднять, под крышу пока ни один не подвели. На фабрике тоже всё не так просто, большие окна производственных цехов давали достаточно света, но во все помещения было проведено электричество, запитали не от городской энергосети, а поставили котельную, с паровой машиной и электрогенератором, этого с лихвой хватит на фабрику и на деревню. Столбы для проводки скоро будут ставить. Все

помещения выполнены в одном стиле, глянцевой краски пока не было, но и та, что нашлась, была неплоха, все помещения были окрашены в белую краску, пол в белой плитке. Фармацевты рядом с рабочими местами получили кабинеты, там столы, шкафы, для делопроизводства, ну и диванчики для отдыха. Ответственные работники тоже мной были назначены, та девушка фармацевт получила всё же должность контролёра, без её подписи, мало что могло решиться. Очень важная и ответственная работа и та это уже поняла, деловая, жуть. В упаковочном цехе часто бывала, если какой недосмотр то только там. То ящик криво подготовят, то банки побьют.

Административное здание было готово, директор с замами уже осваивался на своём рабочем месте, правда, тут сильно пахло краской, ремонт в этом здании закончили последним, однако ничего, окна открыты, выветрится быстро. Во время предстартовой недели работники ещё слабо понимающие что конкретно от них требуется, конечно же, делали ошибки, но я наблюдал за ними и давал ЦУ, медленно, постепенно под присмотром так же начальников производственных цехов, дело сдвинулось с мёртвой точки. Пока на фабрике будет работать одна смена, но я братьям, что тут оставались за старших, пояснил, когда фабрика через год-другой выйдет на полную мощность и производство скакнёт к своему потолку, можно будет набрать и вторую смену, первая к этому моменту получит необходимый практический опыт, всё что можно сломает и починит. Так что, перемешав их, можно будет получить две смены, что скажется на производстве. Много что я братьям говорил и советовал. Те, скинув прежний бизнес на управляющих, с азартом и с большим интересом занимались новым для себя делом.

Сегодня у нас официальный запуск фабрики. Я думал, президент на моё предложение не откликнется, но от него прибыл курьер, что доставил его согласие, именно поэтому мы так и готовились. Тут неизвестен пока обычаем перерезать красную ленту, и я решил его завести. Президент прибыл с помпой и свитой, было много знакомых лиц, да и пресса присутствовала. Что делать тот знал, я отправил с приглашением инструкции, сначала прессе президент толкнул небольшую речь, потом мы вместе под вспышки фотоаппаратов перерезали ленту, и направились в цеха. Братьям пришлось погонять людей, чтобы собрать такое количество белоснежных халатов, докторских шапочек, марлевых повязок и специальных рабочих тапочек, так что на выходе начальники цехов непреклонным тоном требовали переодеться в специальной раздевалке-гардеробе. Президент и его свита с интересом изучили в раздевалки шкафчики с именами владельцев на них, однако переоделись и дальше их водили по цехам, я больше молчал, был сторонним зрителем, в роли гидов были начальники цехов. Пусть стараются, зря что ли столько репетировали?

Наблюдая со стороны, я видел, как был шокирован президент, свита и пресса, порядок и чистота как в операционных, даже ещё круче. Всё на своём месте, все работники знают своё рабочее место и на чужое не лезут. На отдельном столе в административном здании были выставлены образцы продукции фабрики, изготовленные во время стартовой недели, нарушения процесса изготовления зафиксировано не было, так что и они были рекомендованы контролёром к использованию. Среди свиты было несколько врачей, они больше других понимали уровень производства ещё нормально не запущенной фабрики и только качали головой в восхищении. Да, мы старались не зря, что и отпраздновали вечером на общем фуршете. На нём был и президент, я лично его пригласил, так что мы с ним плотно пообщались. Много вопросов у того было, на большую часть ответил, а некоторые вводили меня в задумчивость.

Следующие пять дней я наблюдал, как работает фабрика. Не смотря на то, что покупатели буквально выстраивались в очереди у ворот входа на фабрику, кто же их пустит, вон сбоку административное здание, приём у директора и его зама по сбыту там, лекарства в основном

шли на пополнение складов местных больниц, и только двадцать процентов шло на продажу. Пока не будут покрыты потребности местных медиков, процент продаж на сторону не повысится. Тут свои заморочки были, однако несколько ящиков препаратов я как владелец урвал, их в трюм яхты спустили, да что спустили, забили ими трюм. Я фактически забрал результат недельной работы фабрики.

Наконец наступило назначенное мной время отплытия, так что я со всеми попрощался. Патенты мои прошли регистрацию, сейчас в других странах проходят. Своей фабрике я выдал генеральные лицензии на производство препаратов по моим же лицензиям, бюрократия, чтобы её, раз проложено вот и выдал её, так что фабрика со всех сторон прикрыта и спокойно работает. Несмотря на требования директора на увеличение производства, я приказал ему не зарываться, да рост сбыт стабильно растёт, но люди устают, а ошибок нам не простят. Так что время смен прежне, однако если тот так жаждет увеличения производства продукции, то можно уже через два месяца ввести ещё одну смену, ночную. Ищите рабочих. Думаю, проблемой это не станет, на фабрике уровень заработной платы был высок, в высокой ценовой отметке по всей столице. Это достаточно быстро стало известно в Буэнос-Айрес.

В государственном банке Аргентины у меня был открыт счёт, так что все отчисления по патентам должны были поступать туда. Пока заинтересованных в этом производстве не было, а если и были, то до отплытия они со мной встретятся, не успели. Туда же пойдут суммы от производства. Братья легко дали своё согласие помочь мне с приобретением жилья. Я его уже выбрал, отличный двухэтажный домик на берегу бухты с красивым видом на порт и город. Он был выставлен на продажу, так что как накопиться нужная сумма его сразу приобретут и оформят на меня. В долг я брать не хотел. Хотя братья и предложили одолжить средства, предпочитал покупать на свои, так им и сказал, поблагодарив за помощь. Братья слова благодарности восприняли благосклонно и тут же поправили меня, дом на берегу бухты практически в центре столицы это, конечно же, хорошо, но каждый уважающий себя кабальеро имеет родовую фазенду или поместье. Я просто не могу без неё обойтись, высший свет Аргентины не поймёт. Подумав, я согласился. Пусть приобретут сначала дом, а уж потом и фазенду. Не самую большую. Главное чтобы отдохнуть там было хорошо и недалеко. Можно и две фазенды, я в принципе не против, главное чтобы денег хватало. Половину отчислений с фабрики я перевёл на отдельный счёт, дав к нему также доступ к братьям, надеюсь, они всё сделают, как я просил, всё же обещали. В принципе это всё. Ах да, вторая половина отчислений должна была пойти на развитие фабрики. Тут не только постройка дополнительных производственных цехов, ещё я планировал построить здание исследовательской лаборатории, пригласив туда лучших аргентинских учёных. Нужны исследования в области медицины. Буду давать им рецепты, процесс изготовления не знаю, но из чего состоят лекарства мне известно, вот пусть их и выводят, подготавливая технический вопрос изготовления, после проверки и использования, конечно же, на добровольцах. А потом в производство.

Сама столица, всю Аргентину я просто не видел, понравилась мне, архитектурой, людьми, и красотами. Думаю если я и доживу до старости, то последние годы мне бы хотелось прожить тут. Очень понравилось. Поэтому, даже грустно было покидать бухту. Когда яхта выходила в открытое море, мне гудками или сигнальными флагами многие суда на стоянках желали счастливого пути. Да уж я постараюсь. Подготовился всё-таки знатно. Кладовые полны продовольствия, воды хватает, яхта в отличном состоянии, ну и на судне я теперь не один. Нет, команду я не набрал, мне всё также направило одному заниматься яхтой, однако прислуга это да, теперь она у меня есть. Две недели назад мне встретилась настоящая испанская красотка, губки, фигурка, глаза, всё привело меня в восторг. Я даже удивился, почему этот цветок до сих пор не сован. Один из братьев увидел Терезу, защёлкал языком, явно сожалел, что не успел первым. Выяснилось, что та с мамой только приехала в Буэнос-Айрес. Да я думал

о возможной подводке, оказалось, нет, действительно встреча случайна. Так что нас закрутил огонь страсти. Про любовь я не говорю, так как было заметно, что кроме страсти нас ничего не связывало. Девочкой та, к сожалению, не была, в местной среде находилась на низшей ступени, не имела ничего и не умела, так что я взял её к себе горничной, ну а то, что жила та у меня, это скорее следствие. Вернее даже не следствие, постель у нас была до того как я её нанял. Зарплата высокая, любовник есть, причём достаточно опытный и молодой и той больше ничего и не надо было, вполне довольна. А вот её мать... Да, мать её.

Мать звали Изабеллой, она дочь отпустить одну отказывалась категорически, я выяснил, что та у прошлых хозяев была поварихой, в принципе хозяин и заделал ей дочку, я нанял её коком. Всё же Терезу терять мне не хотелось, вот и взял её. Правда потом несколько не жалел, сама Изабелла тридцатилетняя знойная красавица вступившая в самый расцвет сил, своим видом демонстрировала какой будет Тереза в будущем. Честно говоря, я и на неё слюни пускал, и чуть позже выяснилось, что не безрезультатно. После фуршета открытия фабрики, я там немного выпил, заглянул к себе в каюту. Тереза спала, и чтобы не будить её, пошёл к Изабелле. Не прогнала. Потом уж когда был трезвый, снова навестил её, четыре раза уже, вполне нормальная женщина, и до постельных игр охочая. То, что я ещё и с её дочкой сплю, та особо внимания не обращала, в принципе Тереза тоже недолго поревела и быстро свыклась. Балласт, который я взял на борт, оказался очень полезным балластом. А причина бегства с тёплого места одного из поместий, так умер прошлый хозяин, отец Терезы, а наследник, единственный, сказал им, или те сами исчезнут, или он исчезнет их, гарантировано. Конкуренцы, даже внебрачные, ему были не нужны. Вот те и оказались в столице, а там, на въезде я с ними повстречался во время одной из своих прогулок. Судьба можно сказать. И я доволен, проблема с женским полом разрешилась разом, и они довольны, и зарплатой, и нашими постельными играми. Тоже ведь хотят постоянного и регулярного. Правда, секса вдвоём не было ни разу, обе категорически против, пуританки хреновы, так что кочую по каютам.

Плаванье проходило нормально. Дошли до крайней восточной оконечности материка, и свернули в открытый океан, направляясь к Африке, тут расстояние между материками было самое минимальное. Добрались до Сенегала и стали подниматься дальше в сторону севера. Всё вроде хорошо, лишь одно могу упомянуть, оказалось Тереза ещё тот мореход, мать её ничего, а дочка страдала морской болезнью, так что фактически на весь путь я поселился у Изабеллы, и ночевал только там, отчего та замено расцвела, глаза блестели, роскошные губы то и дело покрывала улыбка. Я так понял, нормального мужчины у неё давно не было, все старого хозяина боялись, в кулаке их держал, та конечно была сначала не в восторге от молодого любовника одного возраста с её дочерью, но постепенно привыкла, и только получала удовольствие. Разве что времени много тратила на Терезу, уход требовался.

В Лиссабоне мы простояли пять дней, тихая бухта, да и поездки на берег дали возможность Терезе прийти в себя. После пополнения продуктов, воды, и других мелких покупок, я так же придел своих женщин в нормальную одежду, вернее ту, что тут использовали. Так же приобрёл комплект формы прислуги, а то мы с Изабеллой послание порвали несколько дней назад. Ролевые игры наше всё. Так что покупок на эту тему хватало. Постояли бы дольше, но я уже немного опаздывал, так что, покинув порт, двинули дальше. За кормой колыхался аргентинский флаг, раз я теперь гражданин этой южной страны, то почему нет? Да и порт приписки поменял. Так мы добрались до Бреста, где я нанял охрану, оставил яхту на якорной охраняемой стоянке, и вместе с моими девчатами, так же грузом яхты, на поезде направился в Париж. Нам весь груз был направлен на охраняемый склад, а мы, наняв коляску, покатали к моему дому. К счастью тут всё было в норме, нанятые люди следили за домом и я его проверил.

К моему удивлению, всё было цело, включая трофеи из банка Англии. Судя по слою пыли тут вообще никого не было, что хорошо. Ключи наёмной прислуге я не давал. Женщины, особенно Тереза, после тяжёлого путешествия, немного придя в себя во время поездки к Парижу, не чураясь грязной работы, взялись за вёдра и тряпки и начали наводить чистоту. Я поинтересовался у нанятого дворецкого и тот подсказал, где можно нанять уборщиц. Нанял и те за два дня привели дом в полный порядок. Протопив его несколько раз, я сам остался доволен. Сам я занимался покупками, пополняя кладовые дома, остальным занимались женщины, так что за эти два дня заселение состоялось. Через нанятого дворецкого я договорился с лавочниками, и свежие продукты нам теперь будут доставлять прямо на дом, включая свежее молоко. Я, как и Тереза, его очень любил. Изабелла, получив ключи от всего дома, кроме некоторых помещений подвала, была назначена мной управляющей. Ей же я и поручил нанять дополнительную прислугу. Правда кроме испанского никакими другими языками та не владела, но это не помешало ей, достаточно быстро найти двух женщин, одну на кухню, другую гувернанткой. Муж одной из женщин взял на себя работу садовником, тем более опыт этой работы у него был. Тому предстояло много работы, сад был немного запущен. Больше Изабелла никого не нанимала, посчитав, что и так хватает людей, дом действительно был не самым большим, хотя внутри и казался просторным. Вся недавно нанятая прислуга были испанцами. Слуги поселились во флигеле, осваиваясь там, а вот обе мои аргентинки в доме. У Изабелл была своя комната, а вот Тереза по привычке поселилась в моей спальне, чему я никоим образом не препятствовал, навёрстывая упущенное во время плавания.

На третий день мы отправились гулять по Парижу. Побывали на Эйфелевой башне, кутаясь в меховые накидки, наверху было холодно, всё же осень, и ветрено. А так не только башня привела их в восторг, ведь не побоялись вместе со мной подняться наверх, но и сами своей красотой произвели впечатление на других зрителей. В общем, мы весь день изучали город, побывав на самых значимых и красивых местах, а так что вечером вернулись домой уставшие, но довольные.

На следующее утро, на наёмной коляске я направился в университет. Ректор этого учебного заведения, сам учёный с мировым именем, уже давно ждал меня, мы с ним до обеда всё обговорили, первые лекции были назначены через четыре дня, не всё учёные прибыли, а те, что прибыли уже интересовались, где я, так что можно было их успокоить и дать возможность подготовиться. Ректор же был в курсе по моей формуле-загадке. Сам пробовал её решить и не смог, такие же неудачи испытали и другие учёные. Ничего, посмотрим что дальше будет.

Потом, после университета, я посетил банк, нужно было дать Изабелле доступ к счёту, ей весь дом вести, средства потребуются, до этого пачки наличных я брал из подвала. Потом прокатился по аптекам и больницам, делая рекламу о своей фабрике. Оказалось, о ней уже трубили в газетах, даже сейчас были заметки. Идея хорошая и я поехал в редакцию главной парижской газеты, где дал интервью, сообщив, что привёз образцы товара моей фабрики. Представительство компании будет образована в Париже в течение нескольких дней, и официальные представители государственных учреждений, или частники смогут закупить лекарства там, делая заказы. В будущем филиал производственной фабрики компании «Мед-Ком», возможно будет развёрнут в окрестностях Парижа. Это всё от спроса зависит, возить лекарства из Аргентины накладно, там бы свои потребности покрыть.

На этот день зарегистрировать офис уже не успел, и занялся им на следующий день, как раз к моменту выхода газеты. Мои адвокаты, что занимались тут патентами, помогли и с этим делом. Помогли выкупить первый этаж одного из зданий так называемой главной деловой улицы Парижа, пока я занимался наймом персонала. Тут и нужно-то всего три человека, управляющий, секретарь-менеджер и бухгалтер. Грузчики были, но они в штат не входили.

Быстро было подготовлено помещение, и как раз когда наступил первый день моих лекций, представительство заработало, его склады были полны ящиками с лекарствами. Кстати, часть уже успели продать двум аптечным сетям. Спрос был. Дальше управляющий офиса связавшись с Буэнос-Айрес с братьями, поступил под их командование, так что, отправив братьям предложение организовать такие же представительства в других столицах разных государств, не забывая про рекламу, оставил всё это на них. Кстати, теперь и сама копания начала формироваться, пополняясь людьми, а то оформили её, фабрику запустили, а по сути компании всё ещё нет, вот и пусть её создают, как я уже говорил, братья были вполне себе пробивными людьми, тем более имелась поддержка государства.

Идею насчёт разворачивания фабрик «Мед-Ком» в других странах мне показалась интересной. Тут действительно из Аргентины не навозишься, а спрос есть, всё, что я привёз, уже было выкуплено и шли многочисленные заказы на последующие поставки. В принципе братья в Аргентине уже были не нужны, фабрика работала, все мелкие проблемы решит директор-управляющий, который вполне освоился на своём месте, а сами братья, уже получив опыт разворачивания производств, пригодятся мне тут. Я им отправил вчера телеграмму, что заимел большие средства для перевода нашей компании на международный уровень и предложил возглавить постройку других фабрик. В Америке, в России, во Франции, в Англии, и в Австралии. В Азию пока не полезем. Причём в телеграмме уточнил, что средств хватит сразу на разворачивание всех производств в указанных странах. Это братьев впечатлило, уже через несколько часов мне доставили на дом ответную телеграмму, там была всего одно слово «Выезжаем».

В общем, толчок я дал, средства реально есть, с золотом ещё думаю, скорее всего переплавлю, смешав с другими слитками чтобы по примесям и оттискам не узнали откуда оно и пушу в дело. У братьев я уточнял, были возможности легализовать это золото. То, что стоит поторопиться с фабриками, я понял, когда со мной начали настойчиво искать встречи представители разных промышленников, так или иначе связанных с медициной. От самых наглых, которые просто предлагали выкупить патенты, отмахивался, а вот кто пришёл со вполне деловыми предложениями, выпускать лекарства с патентными отчислениями на производством, с теми общался нормально, со своим адвокатом я заключил контракты и те довольные отбыли к своим работодателям, с подписанными договорами и конвертами, где был описано техпроизводство, тех патентов на которые были заключены договора. Пока их было шесть, но дело сдвинулось с мёртвой точки, так что думаю, скоро их будет много. Их конечно можно считать конкурентами. Однако мои фабрики будут выпускать разный сектор медикаментов, чего не добиться другим, я знаю к чему нужно стремиться. А конкуренции пока не будут, больно уж спрос оказался шокирующе большим. Мои адвокаты подписали рабочие договора со мной как владельцем компанией «Мед-Ком», и теперь официально представляли её юридические права во Франции, сейчас они плотно сотрудничали с офисом представительства компании в Париже.

Ещё на адвокатов я повесил задачу добиться разрешения на организацию производства, и на поиск места под фабрику, подойдут уже готовые строения, это ускорит разворачивание. То есть я занял их работой, братьям по прибытию во Францию будет легче, основные моменты будут решены, останется только закончить. А потом им придётся помотаться по миру, или подготовить людей, что этим займётся. Последнее что я успел сделать перед тем как уйти в пучину формул и расчётов в университете, так это открыл два счёта, один компании и дополнительный свой и положил туда, в равных пропорциях почти всю наличность из подвалов. Четверть оставил, на всякий случай. Вот эти средства и пойдут на развитие компании. Ну и на вторую тоже, уже мою личную, я собирался через несколько месяцев открыть её во Франции. Компания будет чисто по авиации. Ею займусь, когда опущу ниже

плинтуса всех учёных что уже собирались в Париже, доказав свои знания. Кстати, а Менделеев приехал с несколькими своими коллегами, я их поселил у себя в гостевых покоях.

Выйдя в зал учебной аудитории, буквально забитой до предела, я положил на столешницу учебный материал и, посмотрев на слушателей, улыбнувшись, спросил:

— Ну что начнём с простенького, или сразу ударим тяжёлой артиллерией? Надеюсь, вы слышали про закон дополнительности?.. Нет? Странно, а вот он мне известен, а сейчас прошу внимание к доске, я напишу его... Начнём с основ...

Лёгкие работали легко и размеренно, ноги уже давно привыкшие к подобным пробежкам несли меня по натоптаным тропинкам Венского леса в сторону озера Гравель. А вот к покрытым брусчаткой дорожкам я не приближался, мне хватало первой же попытки, я чуть было не поломал ноги, да и отдыхающие что прогуливались по лесу, постоянно останавливали, недоумевая, что я делаю. После этого я стал бегать в глубине леса, приближаясь лишь к мостикам через ручьи или каналы. Тут на тропках прогуливающимся парижан тоже хватало, но за эти полтора года мы уже привыкли друг к другу, в основном тут гуляют завсегдатае, мы знаем друг друга по именам, поэтому и киваем при встрече. Если человек интересный, и у нас иногда возникают дискуссии, то я бегаю вокруг этого человека и мы ведём беседу, это тоже непростое дело, разговаривать и бегать, нужна специальная методика чтобы не сбить дыхание. Сегодня я выбежал немного пораньше. От моего дома до этого леса двадцать минут трусцой, а же потом полтора часа бега по лесу, все мои. Пока знакомых гуляк не встречалось, в основном это были пожилые мужчины, что с тросточками или без них совершали пешие прогулки, дыша свежим воздухом. Однако как я уже говорил, выбежал я рано, старички в большинстве своём жуткие педанты, выходят на прогулку в определённое время, так что повстречаемся с ними чуть позже, на обратном пути. Я стараюсь не прерывать свои занятия, вот такие пробежки мне доставляют немало удовольствия. Однако последние два дня я не мог их совершать, так как был занят, у меня довольно часто бывают подобные задержки, чаще всего просто из-за отсутствия в Париже. Но при этом бегать я стараюсь при любой ситуации. Вот и последние два дня меня не было, поэтому я сегодня решил побегать подольше, из-за чего и выбежал раньше.

В первые дни таких пробежек многие прохожие меня пытались остановить, куда это я так неспешно тороплюсь, подобные пробежки большинству парижан были не знакомы. В первое время я ещё пытался объяснить или отмахнуться, но позже написал большую статью о пользе пробежек и разных спортивных занятий, приведя примеры из зарождавшейся спортивной медицины. И всё, как отрезало, больше не останавливали, пока до леса бежал и обратно, а вот в самом лесу уже по тропинкам, где этих любопытных не было. Хорошо тут, мне нравится. Вот так совершая пробежку, я и добрался до точки, это был огромный дуб за озером и, развернувшись, побежал обратно. Вот теперь знакомые старички, иногда вполне себе крепкие мужчины, стали попадаться чаще. Первый же знакомец остановил и печально сообщил, что вчера умер отставной жандарм, он был среди таких гуляющих людей, хороший дядька, мы часто с ними общались. Жаль. Пока бежал дальше, все остальные тоже сообщили о смерти этого достойного парижанина. После тридцатого сообщения, это стало как-то уже раздражать, так что на улицу я выбежал даже с некоторым облегчением, тут её немного пробежать, повернуть на параллельную, пробежать полквартала и, свернув ещё два раза выбегу на свою улицу, по ней почти до конца и там будет мой дом. Говорю же близко. Двадцать минут бега.

Однако на выходе из леса, меня остановил окрик. Причём звучал он на русском, молодой и задорный:

— Господин Ларин, можно вас на минутку?

С русскими за последние полтора года проживания в Париже я практически не общался, хотя в Париже их хватало, просто не видел смысла. Общался с химиками, тот же Менделеев со своими знакомыми у меня месяц жил, но особо на приглашения не реагировал. Мне одного раза хватило, первого, где молодой пехотный поручик обвинил меня в их проигрыше в Русско-Японской войне. И это притом что все в мире благодаря Эриху знали о приказе императора, где запрещалось мне участвовать в этой войне. В общем, я поручику чуть нос не сломал, еле разняли. Послание императора у меня было с собой, вернее в банковской ячейке. Так что на следующий день я предъявил его, чтобы сторонние свидетели этого конфликта, видели, что проигрыш в войне был не по моей вине. Да я и сам был в шоке, они проиграли, а виноват я. Тот поручик, изучив письмо то краснея, то бледнея, принёс мне извинения, он думал что это всего лишь слухи. В общем, письмо изучили, и хотя некоторые сомневались, что оно настоящее, фальшивкой называли, однако оно есть и хранится у меня. В банковской ячейке рядом с письмом британского короля. С тех пор я зарёкся общаться с русскими, одни претензии, никакой благодарности.

Кстати, насчёт англичан, я в шоке, ни одной попытки ликвидации, нет, то что их люди бывает, крутятся вокруг меня, это замечал. Двум самым наглым из промышленных шпионов руки сломал, поймав на территории домового участка, битой. Потом как отрезало, издали за мной следили, но больше не приближались, намёки они хорошо понимали, тем более, если их правильно подать. Когда на яхте ходил обратно в Буэнос-Айрес, это было восемь месяцев назад, ещё в тысяча девятьсот пятом году, летом, меня сопровождал бронепалубный английский крейсер. На горизонте постоянно его дым было видно. А так три недели там провёл, изучая свой дом, и три поместья, братья что-то уж больно развернулись. Одно из поместий натуральный конезавод. Я там неделю пробыл, знакомясь с профи, что выводили коней, да и наблюдал за самим процессом. Со всеми работниками поместий познакомился, ну и прислугой в доме. Брал уроки верховой езды, понравилось, и мне морем доставили в мой парижский дом скакуна, так что я старался почаще выезжать на нём, и сам учился и конь не застаивался. Сейчас коня у меня не было, год я учился на нём брать разные преграды и даже вести бой, так как тренировки с двумя саблями не забросил, но недавно подарил соседу на день рождения, больно уж у него к коню любовь возникла с первого взгляда, в принципе похоже взаимная.

За год наша фабрика разрослась, почти в два раза благодаря дополнительным цехам, полтысячи человек теперь на этой первейшей фабрике трудятся, а ведь как всё начиналось. Теперь у нас пять фабрик по всему миру, проблемы с медикаментами, конечно, не закрыли, но и дефицит с ними убрали, тем более я ввел ещё два новых лекарства, они после проверки уже активно поставлялись заказчикам. Фабрики нашей компании были развёрнуты в пяти государствах, это Россия, Франция, Англия, Америка и Австралия. Про Аргентину не говорю, это естественно, там находится головная фабрика. Первая, ну и офис компании там же. Как владелец этой компании я стал самым завидным женихом в Париже. Более того, когда в газете было повторно указано что мне всего шестнадцать лет, сейчас восемнадцать и у меня нет опекуна, многие правительства как-то сразу этим озаботились. Однако я черкнул в парижской газете заметку, что если мне назначат опекуна, то не только с ним произойдёт несчастный случай, но и с тем, кто его назначит. Парижане это посчитали искромётной шуткой, но разговоры про опекуна с тех пор прекратились. Да и я тоже не сидел на месте. Ведь как, я не только владел аргентинской компанией уже ставшей известной «Мед-Ком», но и ещё тремя. Более того, теперь я ещё и банкир, свой банк я открыл в Швейцарии, а вот его филиалы пока

находились в Париже и Лондоне, будут ещё, уже отправлены эмиссары в Нью-Йорк, в Берлин и в Санкт-Петербург, но это всё время. Филиал в Буэнос-Айрес откроется буквально на днях. Люди работают, я редко вмешиваюсь в их работу, вижу, что стараются, команду отличную создал, молодые, резвые и зубастые. А так да, у меня ещё три компании появилось, правда, владел я ими единолично, они были зарегистрированы тут, во Франции. Одна компания занимается чисто авиацией, завод уже работал, производя мои самолёты, заказчиков столько, что на десять лет работы хватит, тем более наука не стоит на месте. Вторая компания занималась автомобилями, у меня в гараже дома стояло два прототипа ручной сборки, мне они как-то привычнее лошадей, ими я активно пользовался, пугая прохожих звуками клаксона. Реально часто пользуюсь и не жалею. Автомобили уже тоже на конвейере. Правда, шестьдесят единиц в месяц конечно мало, однако я сделал ставку на надёжность. Тут скооперировался с одним французским промышленником, он начал строить заправки по Парижу и окрестностям, а я делал машины. Уже полтысячи разъезжало по столице, около сотни были отправлены за границу. В самой столице заправок уже хватало, тот сейчас по другим городам работал, так как спрос на автомобили рос день ото дня. Ещё бы, такая новинка, да ещё от знаменитого Ларина. Все автомобили были пока представлены в трёх вариантах. Бюджетный четырёхместный фаэтон, в принципе мог приобрести средний обыватель, и две дорогие модели, двухместная спортивная, и шестиместный лимузин. Не смотря на то, что на моём автозаводе названном «Лада», так же выпускались развозные трёхколёсные мотофургончики, я их грузовыми мопедами называл, молочник нам в последнюю неделю на таком фургончике молоко доставлял, тарыхтя двухцилиндровым двигателем, за автомобили я их не считал, хотя эти фургончики тоже разлетались быстро. Эти по пятьдесят единиц в месяц собирались. Сейчас инженеры решали задачу по заказу правительства. У меня был прототип грузовика для перевозки грузов, в армейской надобности боеприпасов или людей, те его оценили вовремя автопоказа месячной давности и сделали заказ на десять грузовиков, из них три в санитарном исполнении, а так же на пять автобусов и десять командно-штабных машин. То есть вездеходов. С грузовиками ещё ладно, мелкими партиями те строились, но в основном специализированные, бензовозы. Француа, хозяин заправок их активно скупал, ну и на мои аэродромы те шли, для заправки самолётов. Пока только на Центральном аэропорту Парижа, принадлежавшего мне, было три такие машины. Аэродромные службы, не так давно сформированные, осваивали их. Ещё один бензовоз был на моём аэродроме в пригороде Лондона и пятый, пока последний, на аэродроме в Цюрихе. Две недели назад был доставлен туда поездом. К сожалению это всё, пока три хорошо оборудованных, но главное моих аэродрома, другие частные я не считаю. С бензовозами я просто отрабатывал постройку, бочками проще бензин перевозить, так что грузовиков собиралось больше. Вон, за свои средства купил десять крытых грузовиков, два автобуса, три фаэтона и с десяток грузовых мопедов, отправив их в Аргентину. Там братьями уже было построено в столице две бензоколонки, с полсотни машин разъезжало. Не моих, не один я их клепаю. Помниться в Аргентине моих машины штук десять, да и то две у них лимузины, остальные купили военные для исследования. Так что машины будет где заправить. Часть техники поступит в мои поместья, водители и механики учились в одном из детских домов, где месяц назад были организованы курсы, так что следующие выпускники освоят их. Остальные машины, а это четыре грузовика, один автобус, один фаэтон для управляющего и три грузовых мопеда, поступят в автопарк фабрики, а то там ничего нет. Братья сообщили, что гаражные боксы и бензоколонка уже строятся.

Вот такой вот я человек, отстранив конкурентов в сторону, занял освободившиеся ниши. Предприятия мои развивались, управляющими я был доволен, мои пригляды уже не требовались, сами вполне справлялись, так что я собирался покинуть Францию, и попутешествовать. Давно об этом мечтаю. Дела разобрал, часть свалив на помощников, так что теперь я спокойно смогу отдохнуть, завтра мы с Изабелл и Терезой отправляемая в Брест, а уж

потом... Сначала в Аргентину, по пути посетив несколько государств, хочу посмотреть, как люди выживут, а потом уже видно будет. В частности это моя предпоследняя пробежка, ещё завтра тут побываю, в Венском лесу и вечерним поездом отбываю в Брест. Утром будем на месте. А тут раз, и окрик, да ещё на русском. Когда же я говорил на нём в последний раз? Вчера, но недолго. Да два месяца назад, когда курьер прибыл от Менделеева, тот свои расчёты мне прислал, интересовался моим мнением. Вот тогда тот у нас сутки прожил, забрал заметно распухший конверт с моими комментариями и пометками и отправился обратно. В этой истории Николай Иванович не умер, вытянули, правда, уже лето, а тот до сих пор слаб, возраст, однако работы не бросал и курьеры от него нет-нет да пребывали. Терять старичка не хотелось, он единственный понимал моральную подоплёку, о том, что я живу сразу с двумя женщинами, общественности об этом стало известно очень быстро, но только Менделеев меня поддержал. Хороший старик, я радовался что мои лекарства вытянули его с того света.

Много что промелькнуло у меня в голове, пока я оборачивался. У закрытой кареты стоял молодой парень, точно мне не знакомый, военная выправка показывала, что тот офицер, которого обрядили в гражданскую одежду, сидела она на нём, скажем себе не очень. В карете кто-то был, я видел, что шевельнулась занавеска, однако кто, не понятно. Кучер местный, по одежде видно, видимо наёмная коляска.

— Кричать через всю улицу и призывать человека таким методом, это всё равно, что свистом собаку, — ответил я, после чего побежал дальше. Встречи с соотечественниками мне были не нужны. Тем более такими гонористыми.

Как и ожидалась, когда я свернул на следующую улицу, то услышал стук копыт и приближающийся грохот колёс по булыжной мостовой. Я сам бежал с краю, тут натоптано было и ногу подвернуть сложно, хотя и можно. Когда карета приблизилось, я услышал знакомый голос:

— Максим, остановись.

Мельком обернувшись, встал, и пока кучер натягивал поводья, стал делать лёгкий разминочный комплекс, разгоняя кровь. Вот с этим человеком пообщаться я не отказываюсь, самому интересно, что нужно от меня Макарову. Живой. О том как Россия проиграла Японцам войну, я знал хорошо, более того дал несколько обширных статей Эриху. Тот давно переехал в Берлин, купил дом и женился, а в последнее время часто навещается в Париж, у меня живёт, когда бывает такими наскоками, вот я ему по старой дружбе и подкидываю материала. Такой аналитический обзор по той войне я ему также представил. Шуму это особого не вызвало, но интерес определён был. Японцы были биты на суши и победили на море. Когда Макаров вывел эскадру в бой, японцы уже были готовы. В своей аналитике я указывал на этот момент, перетянули, нужно было спровоцировать на бой японцев раньше, пока они не усвоили британские корабли, пока ещё плохо их знали. Но как-бы то ни было, сражение состоялось. Тут не было Цусимского сражения, было Чемульпское, так как бой шёл на траверзе этого корейского порта. Бой длился одиннадцать часов, чуть позже разбившись на отдельные очаги схваток, и хотя японский флот сильно пострадал, как сообщил адмирал Того, и не хватало всего мгновения чтобы начать отход, русские его начали первыми. Причина тяжёлое ранение адмирала Макарова, разорвавшийся рядом снаряд, тяжело ранил его, срезав ступню осколком. Лечился тот долго, даже ампутацию пережил, поэтому я был несколько удивлён встречей. После Макарова Тихоокеанской эскадрой руководил Рождественский, а он за достаточно короткое время довёл остатки эскадры до полного не боевого состояния, практически полностью исключив моряков из этой войны. Те участвовали в ней дальше только в качестве морской пехоты.

Когда воды были очинены от русских кораблей, а Владивостокская эскадра заперта в своём порте, японцы усилили перевозку грузов, накопили резервов, надо сказать последние крохи выгребли и ударили, сбивая немногочисленные заслоны русских войск. Наши подготовиться тоже успели, да и опыт за эти месяц получили изрядный, так что пулемётами встречали такие атаки. Японцы быстро сообразили, что если атаковать в лоб пехотными цепями, они быстро останутся без солдат, английские советники в их рядах советовали вызывать огонь пулемётов, чтобы те себя обнаружили, а потом артиллерией сбивать их. Наши потеряли порядка трети парка пулемётов и много пулемётчиков пока не нашли выход, однако японцы уже продвинулись далеко. Порт-Артур был блокирован, и находился в осаде. Просидел в ней чуть больше месяца пока по приказу Рождественского не началась капитуляция. Того потом арестовали за этот приказ и отправили в ссылку, однако сделанного не воротишь, пошли переговоры о мире. Фактически требования японцев были схожи с теми же что и в моём мире, Россия пошла на них. Вот Англия третьей стороной тут выступала, уже всем давно извечно, чей интерес был в это войне. В своей аналитике касаясь этой войны, я откровенно прошёлся по тем, кто был заинтересован в проигрыше, кто этому способствовал. Прямо по именам, из великих князей дома Романовых. Как они с помощью своих людей блокировали отправку так нужных там соединений, боеприпасов, да и вообще любой помощи. Почему было так мало наших войск, и загруженность железной дороги тут имело мало значения. Предатели, вот кто поспособствовал проигрышу в это войне. Один из самых активных великих князей был изобличён и бежал за границу. Думаете, откуда я узнал так много о его делах? Пообщаться пришлось с год назад. Потом он оставил слезливую записку, где признавался в своих грехах, просил его простить, а потом сам повесился. Я это точно знаю, сам за ноги придерживал, чтобы тушка в петле не дёргалась.

Закончив разминочный комплекс, разогревшись, я подошёл к двери кареты и спокойно сел напротив адмирала, заинтересованно его разглядывая. Судя по протезу на его левой ноге, тот воспользовался услугами моей компании «Мед-Ком», только мы выпускаем подобные протезы, я видел эскизы дизайнеров французской фабрики. Пока только тут малым количеством начали осваивать протезирование, на остальных фабриках подобного нет. Адмирал заметно изменился, однако старался казаться всё тем же бодряком.

— Доброго утра, Степан Осипович. Какими судьбами в Париже?

— Вашими стараниями, Максим Евгеньевич, именно вашими. Вы так раструбили по всему свету своё авиашоу, что шло три дня и закончилось только вчера, что собрали в Париже почти весь высший свет большинства государств.

— Ага, только этот высший свет почти весь в мундирах был, — хмыкнул я.

— Так ведь говорилось, что будут демонстрироваться новейшая военная техника, самолёты-истребители и самолёты-бомбардировщики. Кстати, примите моё восхищение, так всё организовать, и так показать, я был впервые на подобном шоу, и изучил все представленные образцы с большим интересом. Буклеты понравились.

— Так ведь техника не стоит на месте, Степан Осипович, — спокойно пояснил я. — Кстати, благодарю, что вы все мои вещи отправили на мою питерскую квартиру. Потом работники фабрики, что развернулась рядом со столицей, вывезли их. Моя коллекция сабель сейчас в парижском доме. Люблю иногда помахать этими железками.

— А квартиру зачем же передали компании? Они её в качестве гостевой квартиры теперь используют.

— А зачем она мне? — просто спросил я.

На несколько минут в карете воцарилось молчание, нарушаемое помощником адмирала, тот постукивая подковками сапог, прогуливался рядом, возможно родственник, возможно адъютант, хотя тот и был в отставке, да кучер, что покашливал на скамейке. Надеюсь, русского он не знает.

— Ты знаешь, что то письмо якобы от Его Императорского Высочества, поддельное?

— Догадался, хотя и не сразу. А недавно удалось убедиться в этом окончательно, когда инициатор отправки этой подделки вдруг повесился на своей вилле в Италии.

— Так я и думал что тот не сам. Мелкий человечиска, хотя в его жилах и течёт кровь Романовых... Значит своё обещание уничтожить предателей ты выполняешь?

— Пока только одно, остальных не трогаю, ни к чему, ваш император настолько разозлился, что сам вполне благополучно их давит.

— Максим, мне поручено лично Его Императорским Величеством принести тебе искренние извинения за то недоразумение с поддельным письмом. Если бы не личный посыльный императора, всего этого бы не было. Тот уже понёс наказание. Император также желает твоего возвращения.

— Что ж, — после недолгого раздумья, сказал я. — Извинения конечно, сильно запоздали, однако передайте Императору, что они принимаются. Насчёт возвращения, извините, нет. Интересы в России у меня никакого нет, да и император смерть своего непутёвого братца не простит, я там засветиться умудрился, видели меня. Он своих предателей давит, но как-то странно, лишением всего и ссылкой. То есть крови он боится, а вот отправленные в ссылку отнюдь. Вернутся и зальют Россию кровью, устроив революцию. Пускай он сам это расхлёбывает, раз заварил. Без меня. Это всё. Надеюсь, официальная часть встречи закончилась? Может, ко мне поедем, чаем угощу? У меня повариха настоящая мастерица, круасаны делает, просто пальчики оближешь.

— Чуть позже, — грустно улыбнулся адмирал, потеряв ногу, он сказал. — Спасибо за протез. Зашёл из любопытства в аптеку твоей компании, изучил образцы товара. Я был по-настоящему ошарашен. Там были костыли, и даже протезы. Молодая, но бойкая девица в медицинском халате сняла мерку и обещала, что курьер доставит заказ уже на следующий день, и вот я сегодня впервые надел протез и хожу теперь с обычной тросточкой, очень удобно, и протез выглядит настоящей ногой, гнётся и не привлекает внимания. Хочу перед отъездом ещё два заказать под разную обувь.

— Не стоит благодарностей, — слегка кивнул я. — Я вижу, вы ещё что-то хотите сказать, господин адмирал? Вы говорите, не стесняйтесь, раньше я что-то стеснительности в вас не замечал.

— Знаешь Максим, не будем говорить языком протокола, но всё же вернёмся к причинам, почему меня послали в Париж.

— Хорошо.

— Это всё твоё авиашоу на аэродроме под Парижем. Оно не могло не заинтересовать нас, помня кто, владелец всего этого, решили взять меня. Всё же у нас с тобой сохранились тёплые

отношения, спасибо за письма, в госпитале было скучно, читал их.

— Ближе к телу, то есть к делу, Степан Осипович.

— Личный представитель императора. Князь...

— Я знаю, кто представитель от России, вчера перед закрытием авиашоу с ним общался. Крайне неприятный тип. Не стоит упоминать при мне этого... человека. Мы при личной встрече почувствовали резкую антипатию друг к другу.

— Бывает такое, — согласился адмирал. — Тогда в двух слова. Нас заинтересовали самолёты, и мы как официальное представительство хотели бы купить несколько самолётов, а так же получить разрешение на их сборку в России. Оплата по отчислениям за патенты будут поступать вовремя.

— Всё это конечно интересно, только я не занимаюсь этими вопросами. Есть специальный совет директоров моей авиакомпания, именно они и заключают все контракты, имея для этого разрешение. Уже четыре контракта подписали за вчерашний день. России насколько я помню, там не было.

— Именно поэтому нам и хотелось бы решить проблему через тебя. Нас не устаревают сроки поставок.

— Но это естественно, завод только приступил к выполнению заказов, рабочие ещё учатся, вал производства наступит не раньше чем через месяц.

— Однако самолёты строятся, взять хотя бы пассажирские самолёты. Их мы тоже хотели бы приобрести, очень нужная и полезная вещь.

— Вот тут я к сожалению вас огорчу, Степан Осипович, пассажирские суда модели «Аэробус-мл-Шесть» в свободный оборот поступать не будут, до того момента пока моя новая компания по авиaperевозкам не насытит свой парк. Компании уже два месяца, но грузопассажирскими перевозками она начала заниматься всего месяц назад. Мало пилотов, моя лётная школа напрягается, пытаюсь дать как можно больше квалифицированных кадров, но лётчики пока учатся, стажёры ходят вторыми пилотами на транспортных самолётах, для получения опыта. Пока не налетают пятьдесят часов, доступ в свободный полёт и получения корочек лётчика они не получают.

Моя недавно образованная компания по авиaperевозкам стартовала ярко, не без этого. На самом деле к её появлению я готовился заранее, более полугодом назад. Набирал людей, готовил, так что когда компания была образована, то и люди и техника у неё были, именно поэтому та начала работать почти сразу. Мои люди, банкиры, управленцы и остальные, сразу же взвыли, когда четыре месяца назад прототип моего транспортного воздушного судна с закрытой не продуваемой кабиной поднялся в воздух. Ещё бы, дальность шестьсот километров, с подвесными баками восемьсот семьдесят. Так что эта машинка, после всесторонних испытаний проведённых мной и всего двумя малоопытными лётчиками-испытателями компании, которых опять же готовил я, хотя лётная школа на тот момент уже действовала, пошла в серию. Преподавателей было не так много, но главное что они тянули на себе основную тяжесть обучения. Сама лётная школа только так называлась, на самом деле там готовили не только лётчики, а всех тех, без кого лётчики не могут обойтись. Техники, мотористы, ремонтники, заправщики, водители машин, на каждом аэродроме должно быть по бензовозу, грузовику и автобусу, для провозки пассажиров. Их обычно отвозят с аэродрома до ближайшей гостиницы. То есть, начальник аэродрома, замы его и весь обслуживающий

персонал готовился именно в лётной школе, причём лётчиков в классах по сравнению с ними было не так и много. Про штурманов не стоит забывать, тоже изучалась как отдельная специальность и по ней вручали корочки штурмана моей лётной школы. Она действует ещё меньше года, а слава её разнеслась уже по многим государствам. Так вот, вернёмся к моему транспортнику. Когда тем людям, которым нужно постоянно перемещаться узнали ТТХ самолёта, они потребовали себе такие транспортные средства. Более того я их лично покатал, мы сделали беспосадочный перелёт в Англию, вернувшись за световой день. Аэродром я там заранее подготовил. Толпы лондонцев встречали нас, это был первый полёт такой дальности, мировой рекорд, даже тут меня внесли в историю. Потом после дозаправки проверки всех систем, а также моторов, самолёт был двухмоторным, полетели обратно. У меня на заводе работали многие специалисты, имена которых прославятся в будущем, в моей истории, прославились, поэтому я надеялся, что те вскоре дадут хорошие самолёты, помогал им конечно, но ни так сильно как в автомобильной промышленности моей второй компании.

Однако вернёмся к моей авиакомпании. Тот перелёт произвёл фурор не только у правительства разных государств, про обывателей и не говорю, но и у моих людей, что работали в разных компаниях. В общем, скорость перемещения их восхитили, те слёзно попросили предоставить им подобную технику. Мол, проекты и контракты горят. Давили на сознательность. В общем, этот самолёт пошёл в дело, был оборудован второй аэродром, в Цюрихе и строилось ещё шесть, через две недели их откроют, и часть самолётов будут пущены на новые маршруты. На сегодняшний день у меня было в наличии всего двенадцать «Аэробусов» трёх модификаций, восемь в чисто пассажирском варианте, самом востребованном, два грузовые, один из них пользуется представителями моей компании по назначению, а второй стал почтовым судном, летает по рейсу «Лондон-Париж-Цюрих», такие пересылки писем, и бандеролей тоже стали пользоваться активным спросом. Кстати, именно на грузовых воздушных судах и проходят обучения стажёры, к пассажирским их пока не допускают, там полный комплект, пилот и штурман. Опыт нарабатывают совместных полётов. Практика даже тут идёт.

Так вот, двенадцатое воздушное судно, это специализированный борт, санитарный, с красными крестами на бортах и с логотипом моей компании. Его бронируют для перевозки тяжёлых больных в разные больницы, чаще всего Красный Крест, но и больницы тоже заказывают. Самолёт в принципе может сесть на любое поле, ровное естественно, так что экипаж этого борта постоянно занят, пришлось даже на некоторые организовать сразу три экипажа. Тут и дополнительный лётный состав практику проходит, и самолёт эксплуатируется без остановок. Это конструкторы просили, хотели посмотреть, когда отказы пойдут, испытания можно сказать, не отходя от дела. Правда я их просьбу расширил, теперь на всех транспортниках был запасной экипаж, один слетал в рейс, второй после обслуживания воздушного судна вылетает точно в срок, согласно купленным билетам.

Поначалу этих транспортных судов у меня было мало, а заинтересованные уже прочухали, какие возможности даёт быстрое перемещение, так что билеты раскупаются быстро. Сначала было три самолёта на рейсах, сейчас уже шесть, и всё равно не хватает. Да, я говорил, что у меня восемь пассажирских бортов, это так, но два заказные, и они тоже не простаивают, улучшенная отделка, удобные кресла, даже бар на борту, такие самолёты заказывают обеспеченные люди, да и заказ стоит немалых денег. Сколько только таких заказов купить подобные воздушные суда поступало, кто только к нашим менеджерам не обращался. Не смотря на то, что мы собираем для начала построить самолёты себе, всё же шесть воздушных судов заложили на сторону. Цепеллину, президентам Франции и Аргентины, последнему по моей инициативе, подарок, а также четырём частникам. В основном разным промышленникам-олигархам. Отделка внутри тоже по высшему порядку. Их люди, присланные для обучения, уже проходят её в лётной школе, так что когда машины будут готовы, то и специалисты будут

иметься, обслуживать воздушные частные суда мы будем согласно регламентным работам. К каждому самолёту обязательно шла дополнительная пара запасных моторов. Несмотря на то, что инженеры-мотористы довели их до ста пятидесяти часов постоянной эксплуатации, после чего требуется замена, я просил поднять выше, до двух тысяч часов, так что они работали в лабораториях авиазавода, пытаюсь выполнить это поручение. Там рядом был исследовательский центр, несмотря на то, что тот ещё достраивался, инженеры и учёные уже частично в него переехали, там где корпуса готовы были, и продолжали работы.

Вот такие дела творились у нас. К представителям авиакомпании по производству авиатехники уже стали обращаться с предложением купить лицензии на производство «Аэробусов». Были русские и американцы, остальные пока ожидали, но думаю авиашоу, именно для этого я всё и затеял, подтолкнёт их к принятию решений. Французов, например, подтолкнуло, вчера только подписали несколько договоров с государством и вот-вот должны поступить транши в мой банк для оплаты заказов. Кстати, работают все мои компании только через мои банки. Как я уже говорил, скоро его филиал откроется и в Буэнос-Айрес.

— Максим, расскажи подробнее об этой компании. Действительно очень интересно.

— А что описывать? Сначала я в большом ангаре сделал небольшой самолёт из досок и материи. Когда научился летать и поднялся на нём в воздух, страху натерпелся. Хорошо тогда при мне парашют был, первый в мире на тот момент подобной конструкции. Моя личная разработка.

— Да, на авиашоу, когда из пяти твоих самолётов разом выпрыгнуло столько человек, я думал, разобьются. Аж сердце прихватило, столько дам в обмороки упало, а они сделали несколько фигур в воздухе, и потом над их головами раскрылись похожие на крылья полотнища в цветах аргентинского флага. Все героини-парашютисты сели прямо на взлётном поле. Столько цветов им дарили, француженки прямо зацеловали, даже больше чем лётчиков. Кстати, а почему не было флагов российской империи? Никто подданства тебя не лишал.

— Парашютный спорт стал набирать обороты, — пояснил я, проигнорировав последний вопрос. — В выходные думаю выделять пару «Аистов» для парашютистов. Он моноплан с верхним крылом, покидать машину в воздухе удобно. Сейчас много желающих проходят отдельные курсы при моей лётной школе. А насчёт подобного группового прыжка, то да, пришлось выделить два самолёта на неделю, чтобы те отработали в пустынной местности свои групповые прыжки. К счастью всё прошло хорошо, никаких травм, так что именно поэтому, держа в тайне тренировки, и удалось произвести такое впечатление на авиашоу.

— Интересный ты человек, Максим, как же ты нужен России, — вздохнул адмирал.

— Извините, Степан Осипович, Россия сама меня оттолкнула и прогнала. Возвращения не будет. Я продолжу?

— Да-да, конечно.

— Так вот, я построил первый самолёт, который произвёл фурор. Под это дело выкупил цеха разорившегося завода, да ещё стройку начал, расширяя территории, владелец карточный игрок, именно он виноват в развале завода. После приобретения перепрофилировал его в авиазавод. Многие удивлялись, куда мне такие корпуса, но я по всему миру набрал больше тысячи человек, в основном из тех, что кустарно был занят сборкой самолётов, я создал авиагигант. В первое время мы клепали тех уродцев с толкающим винтом, пятьдесят самолётов в месяц, это очень неплохо, да и деньги хорошо пошли, завод даже вышел на самоокупаемость.

Потом когда инженера освоились, начали вводить новые конструкции, давая большое разнообразие. Шестнадцать выставочных образцов на авиашоу это ясно показало. На данный момент у нас идёт серийная сборка двух самолётов, «Аэробусов» разных типов и небольших самолётов-монопланов модели «Аист», оба типа с закрытыми кабинами. «Аэробусы» у нас собираются по одиннадцать единиц в месяц, это уже максимальное количество на данный день, а вот «Аистов» семнадцать в месяц. Было бы больше, но Цепелин иногда срывает поставки материала, в частности фанеры. Мы своё обязательство выполняем, он нет, при этом Германия уже закупила шесть «Аистов» и сделала заказ ещё на два десятка, да и Цепелину я строю личный самолёт, по его просьбе. Через две недели пригонят, а он срывает. Не хорошо. Ладно, это представители компании решают, как срывы поставок прекратить, это их работа. В принципе всё.

— Как же всё, а военные самолёты, боевые? Стрельба из пулемётов по конусу из истребителя и сброс с бомбардировщика бомб чугунными чушками произвело впечатление на военных, тем более бомбардировка шла с километровой высоты. А уж точность.

— Тренировались пилоты, чтобы так выступить, но вы правы, это очень серьёзное оружие и оно действительно должно быть в России.

Адмирал прав, демонстрация была шокирующей, многие генералы и адмиралы что находились на авиашоу, поняли, что я создал. Помимо этих двух типов судов, были ещё образцы, те же «Аисты» в трёх вариациях, разведчик, санитарный и транспортный, были три разных типа гидросамолётов на поплавках из алюминия, всё же все мои суда пока фанерные, делать их из металла слишком дорого и что уж говорить не возможно, не хватало его. Нужно заводы строить, или покупать. Я пока склоняюсь ко второму, и с нужными заводами уже ведутся предварительные переговоры. Остальные самолёты были в основном гражданского применения. Просто для количества собрал всё, что было сделано в единственных экземплярах, причём все они летали. Около гидросамолётов тоже народу хватало, англичан там было больше всех. Их интересовала возможность перевозить самолёты на своих судах, спускать на воду и использовать как разведчиков и небольших бомбардировщиков. Специальные люди, что стояли у всех выставочных самолётов, отвечали на все их вопросы. Всё же месяц их готовили к этому авиашоу.

— Это так. Однако такая очередь в твоей компании, мы ещё долго не получим подобные самолёты. Вот почему аргентинцы всё получили сразу, ведь ты не только гражданин Аргентины, но и России? Надеюсь, слово патриотизм и долг к Родине у тебя не исчезли совсем?

— Эх, — вздохнул я, понимая намёк адмирала. — Хорошо, только для вас лично. Небольшой резерв на заводе есть, как и в авиашколе. Присылайте людей, чтобы мы их обучили, а так же подготовьте договора на приобретение самолётов. Это мой резерв, самолёты стоят в ангарах. Я дам разрешение продать вам два «Аиста», грузовой и санитарный. Ещё один «Аист-СГ», гидросамолёт, два бомбардировщика «СВ-шестьсот» и два истребителя «Ларин-Два». Остальные в порядке живой очереди, если бы вы заключили контракты и ваш представитель не воротил нос, самолёты получили бы вы уже через полгода, а не через год. Перед вами два государства успело завалить нас заказами, да и сейчас вы теряете время, и срок поставок увеличивается.

— Но?..

— В порядке живой очереди, Степан Осипович, — жёстко ответил я. — Аргентинцев я сразу предупредил, чтобы пребывали с людьми, и уже через полгода у них выпустятся специалисты,

да и самолёты я им действительно отложил, сейчас их грузят в Бресте на судно, со всеми комплектующими. Дал им пять бомбардировщиков, четыре истребителя, три гидросамолёта-разведчика и пару «Аистов»-санитаров. Пока хватит, пусть их осваивают, учатся взаимодействовать с другими сухопутными и морскими родами войск.

— Но они первые в очереди и им продолжают поступать самолёты.

— Не так и много, не хватает обученных специалистов, но заказы действительно у них первые. Не волнуйтесь, заказ не такой и большой, закроем его за два месяца.

— Однако?..

— Вот не стоит гнуть на мой патриотизм, после Русско-Японской войны, это для меня пустой звук, а помогаю... Потому что просто помогаю, человек хороший. И так из своего резерва выдал вам самолёты. Их хватит, чтобы хоть немного освоить, и создать новый род войск, остальные в порядке очереди или стройте сами, купить лицензию на производство реально, делайте отчисления за мои патенты и стройте.

— Спасибо хоть за это, — вздохнул тот, немного помолчав, адмирал осмотрел мой спортивный костюм, после моих пробежек ставший входить в моду, и вдруг улыбнулся. — А ты всё же прыгнул очень высоко, выше, чем я думал, Максим. Сколько у тебя Нобелевских премий?

— Три раза подавали на них и три раза вручали. В области химии, физики и физиологии, ну и медицины. Одну премию я ещё в тысяча девятьсот четвёртом получил, в декабре, остальные в течение последующего полугодия.

— А деньги не взял, на детские дома Аргентины и Франции пустил.

— А вы хорошо осведомлены. Так и есть. Теперь эти шесть детских домов под мои патронажем, как в принципе и моих компаний. Там организованы школы, при подаче заявок выпускники могут работать в моих компаниях. Семнадцать уже работают, насколько я помню, четыре на лётчиков учатся, один успел выпуститься, это он демонстрировал стрельбу по конусу, три штурмана, пять техников, остальные в медицину пошли, в моих специализированных техникумах учатся. При фабриках курсы повышения квалификации имеются, вот они и разворачиваются в эти техникумы.

— По праву ты премии получил, по праву, — улыбнулся адмирал, наблюдая как я, разгорячившись, с теплотой в голосе говорю о выпускниках детских домов. — Вот только объясни мне, Максим, как ты смог стать профессором химии и физики в шестнадцать лет?

— В семнадцать. Ещё в математике, медицине и фармакологии, — педантично поправил я его.

— Да, ещё и в этих науках.

— Да как? — пожал я плечами, мысленно возвращаясь в те дни, когда начал читать лекции в парижском университете. — В первый же день когда лекцию начал читать, ну и формулы выводил на доске, а тут меня прервали и спросили, что за высшую математику я применяю, делая расчёты. Оказалось никому из присутствующих они не знакомы, хотя там сидели натуральные зубры. Пришлось изменить тему лекции и читать математику, очень просили. Тут импровизировал, не подготовил учебного материала. Вместо двух лекций в неделю, я приводил в университете каждый день кроме воскресенья, по пять часов, и так целый месяц. Уже на второй неделе, по решению коллегии учёных, мне была присуждена первая профессорская

степень за физику, а потом и остальные пошли. Впечатлил я тогда учёных. Сейчас как Дмитрий Иванович пишет, являюсь настоящим столпом от науки.

— Дмитрий Иванович, это профессор Менделеев? — уточнил адмирал.

— Он. После его отъезда я и снизил нагрузку. Сначала читал лекции два раза в неделю, а сейчас только по средам, и то по два часа. Да и то когда в Париже нахожусь. Всё же своими компаниями занимался. Правда, самая большая аудитория в университете всё равно всегда переполнена.

— Да-а, необычный ты юноша, Максим. Новик, ершистый, но всё равно новик. А автомобили?

— А что автомобили? Показ я уже устраивал месяц назад, ваши представители там были, заказы сделаны. Насколько я помню, четыре дня назад первая партия была отгружена на русский пароход в Бресте, и тот уже покинул порт. Кажется, было отгружено шестнадцать единиц, включая два грузовика. Две автошколы у меня уже полгода как действуют, ремонтники и механики русского происхождения всё ещё учатся, разве что водители отбыли, у них курсы покороче.

Мы ещё пообщались с адмиралом. Через полчаса тот, извинившись, сообщил, что ему пора ехать, нужно поговорить со старшим русского представительства прибывшего на моё авиашоу. Сегодня адмирал вежливо отказался побывать у меня, но завтра в обед будет, твёрдо обещал. Так что карета покатила по своему направлению, а я побежал дальше по знакомому пути, где постоянно бегаю. Надо душ принять, а то пропотела потом форма пока бегал. Жарко сейчас в Париже, морило.

Добежав до приусадебного участка, забор оброс плющом, смотрелось очень стильно, я открыл калитку для слуг, у меня был свой ключ и, заперев дверь, побежал по дорожке к дому, по пути кивнув охраннику, что патрулировал участок с дробовиком на плече. Забежал как всегда с чёрного входа, тут была оборудована раздевалка для меня. Бросив пропотевшую одежду в корзину для грязного белья, надел халат, и сунув ноги в тапки без задников, тоже моё изобретение, местные ничем подобным тут не пользовались, и направился к лестнице, сейчас в душ, а лучше в ванную, отмокнуть. Хотя нет, насчёт ванной нужно было предупредить заранее, до пробежки, так что только душ.

Подойдя к окончанию лестнице, удивлённо посмотрел на три чемодана и две дорожные сумки, что находились там. Сверху спускались Изабелла и Тереза. Почему-то в дорожных платьях и широкополых шляпах.

— Вы так торопитесь домой, что сегодня собрались? — со смешком спросил я, тут же напомнив. — Поезд завтра.

— Максим, мне нужно с тобой серьёзно поговорить, — нервно комкая носовой платок в руках, сказала Тереза, остановившись на середине лестницы.

— Это не может подождать пока я душ не приму?

— Сейчас, — решительно ответила та.

— Ну ладно, не будем в холле общаться, идём в кабинет.

Мы прошли в кабинет, благо он был тут же, на первом этаже. Я устроился в кресле, а обе дамы, а за полтора года те стали натуральными дамами, нанял я учителей, устроились на диване

напротив. О чём пойдёт разговор, я догадывался, всё к этому шло, но не думал, что это произойдёт так быстро.

— Макси! — вдруг взвыла, ещё больше комкая платок, Тереза.

Поморщившись, я сказал:

— Не называй меня так, знаешь же, что не люблю. Ближе к делу, и завываний этих не нужно.

— Хорошо, — мгновенно успокоилась та, и для поддержки положив руку на колено матери сказала. — Я полюбила другого и переезжаю к нему.

— Я так понимаю, это Альфред? Тот белокурый красавец, твой учитель танцев?

— Ты знал? — ахнула та, распахнув свои прелестные глаза с длинными ресницами.

— Прошлой ночью, когда ты завывала на полдома в нашей постели, я что-то не заметил, чтобы ты вспоминала о своём возлюбленном... — сложив пальцы обеих рук в кольцо, я задумался, хотя особо и не сомневался, под напряжёнными взглядами обеих аргентинок.

— Ну ты же понимаешь, я не могла так просто уйти, — немного зарделась та.

— Понимаю. Весь гардероб, что я тебе подарил, подарки, драгоценности смотрю, тоже забираешь?

— Ты меня их лишишь? — неверяще посмотрела та на меня.

— Да нет, забирай... Ты знаешь, что твой Альфред жигало и живёт тем, что обворовывает богатых дур? Хотя конечно как учитель танцев он был не превзойдён. Мастер.

— Так ты нас отпускаешь? — тихо спросила Тереза.

— Ты тоже уходишь? — посмотрел я на Изабеллу, вот её как раз терять я не хотел, прикипел.

— Она моя дочь.

Молча кивнув, я снова задумался на несколько секунд, было понятно, что их кинут и выбросят на улицу без всего, но это было их решение, судя по решительному виду переубедить не удастся. Я уже знал характер обеих, если что-то решат, будут идти до конца. А решение они уже приняли. Посмотрев на обеих, ответил на их вопросительные взгляды:

— Это ваше решение, запомните это. Вещи вы уже собрали, задерживать не смею. Прощаться не будем. Изабелл, передай ключи Лючии, она будет хорошей домохозяйкой.

Обе аргентинки встали и вышли из кабинета, оставив меня сидеть в кресле с задумчивым видом, провожать их я и не думал. Конечно, я знал, что это произойдёт, но как-то оттягивал момент расставания, похоже, я стал рабом своих привычек. Хотя с другой стороны страсть к Терезе у меня прошла, причём, похоже, с её стороны тоже. Обдумав всё, что только что случилось с разных сторон, я даже повеселел, конечно, регулярный секс это отлично, но теперь можно спокойно путешествовать, тем более чувствительность Терезы к качке сказывалось на моих планах. А я ведь в кругосветку собрался. То, что меня скоро оставят одного, как я уже говорил, догадывался, как и связь Терезы с этим Альфредом, интима у них вроде не было, но свечку я не держал, точно не скажу. Зато с помощью нанятых детективов я всё узнал о нём, даже, сколько богатых дам тот ограбил. Ладно, это их дело, теперь это уже не

мои проблемы, Терезу я предупредил к кому она собралась, влюблённая глупышка слушать меня не стала и шустро умотала к своему ухажёру, снимая с меня этим всю ответственность за неё, в принципе, как и за её матери. Бегать за ними уговаривать и объяснять, что они делают ошибку, было не в моих правилах. Решили и решили, остальное их проблемы.

— Месье? — расслышал я стук, и в кабинет прошла Лючия.

— Проходи, — велел я ей, когда та подошла, поинтересовался. — Изабелла всё передала тебе?

— Да, месье, госпожа Изабелла всё мне передала, сразу как вы побежали на пробежку.

— Ясно.

— Мне вас так жалко месье, этот Альфред всюду совал своё нос и у него такой масляный взгляд был.

— Не нужно, я всё знаю. Ушли так ушли. Теперь слушайте, завтра ко мне по приглашению подъедет мой старый знакомый нужен хороший обед. Будет адмирал, скорее всего с двумя-тремя спутниками.

— Господин, нас остаюсь всего двое, нужно нанять слуг, чтобы провести хороший приём... И ещё, деньги которые всегда лежат для закупки продуктов, и остального, вы его господин резервом называете, они... Их нет. Там было...

— Две с половиной тысяч франков, я знаю. Пусть это будет на их совести, — ответил я вставая.

Подойдя к сейфу, открыл и доставал початую пачку банкнот, протягивая домоправительнице. Та слегка присев, приняла деньги, убрав их в кармашек передника служебной формы, но так как он был мал, часть пачки торчала наружу, немного её смущая.

— Насчёт слуг. Если только на завтра, а в остальном всё остаётся прежним. Я отбываю завтра вечером, вы остаётесь старшей с поварихой и со своим мужем. Когда вернусь, не знаю, средства на содержание дома и свои зарплаты будете получать в банке.

— Я помню инструкции, что вы вчера давали, — присела та слегка в поклоне, внимательно глядя на меня, ожидая следующих приказов.

— Это хорошо. Обед в обычной манере, ничего серьёзного или не обычного. Знакомые мои, подданные Российской Империи, обед исполните в итальянском стиле. Они к нему не привычны, но думаю, распробуют.

— Хорошо, господин.

— Ещё, те две дамы, что только что покинули мой дом, впредь нежелательные гости. Не то что в дом не пускать, на порог придомовой территории. Я не прощаю предательства. Если узнаю, что вы их пустили, будете уволены, я знаю, что вы были дружны с Изабелл. Всё ясно?

— Ясно, господин.

— Это всё, в остальном в обычном режиме. Разве что обед и ужин на одного, гости сегодня у меня не ожидаются. Можете идти.

Ещё раз поклонившись, ключница покинула кабинет, а немного посидев, вздохнул и

направился наверх, нужно всё же душ принять.

Насчёт того что гости не ожидаются, я немного ошибся, прибыли управляющие всех трёх моих личных компаний, они знали что я ухожу путешествовать морем по планете и сколько продлиться это путешествие не знаю даже я, вот те и прибыли засвидетельствовать своё почтение, ну и заодно памятные подарки вручили. Ладно хоть без жён были, поужинали со мной, поварихе пришлось экстренно готовить дополнительные блюда, и мы оккупировали кабинет, где заседали почти до полуночи. Все рабочие вопросы я ещё вчера с ними обговорил, к чему стремиться они знают, так что общались мы больше на земные темы. То, что от меня ушли обе мои сеньориты, на которые многие из моих управленцев пускали слюни, явно их изумило, однако сочувствия я не принимал, оно мне не требовалось. Перед уходом, те обговорили связь. Всё не уймется. В общем, по их просьбе я согласился быть на связи. То есть если зайду в какой порт, отправлю им сообщение по телеграфу, ожидая ответа. Мало ли что случится и потребуются моего срочного присутствия. Просьба была вполне адекватной, так что я обещал время от времени выходить на связь, всё же детище своё оставляю. И не хотелось бы его терять.

Проводив своих управленцев, я, наконец, с некоторым облегчением вздохнул и, матерясь в душе, поплёлся наверх. Ну вот не понимаю почему я должен в своём доме при полном параде быть, встречая гостей? Полтора года тут, столько раз гостей принимал, устраивая вечеринки, торжественные ужины или балы, а привыкнуть никак не могу. Нет, встретил бы в халате, и нормально, однако этим я бы нанёс оскорбление своим неуважением к гостям, вот и приходится, матерясь, следовать местным правилам.

Макарова я встречал лично, проявляя этим своё уважением. Нанятые на сегодня слуги суетились вокруг, двое принимали у гостей головные уборы, и пару тростей. Адмирал как я и думал, прибыл не один, а в сопровождении трёх спутников. Одного я знал, молодой офицер, что вчера окрикивал меня на улице. Двух других я не знал, одному было лет тридцать, второму ближе к сорока. Последний не имел армейской осанки, однако государева человека в нём отчётливо было видно, наверное, какой-то чиновник. Адмирал лично представил мне всех своих спутников, немного нарушил уже устоявшийся для меня церемониал, но так как я сам его недолюбливал, сделал вид, что не заметил. Молодой офицер оказался личным порученцем и адъютантом адмирала. Тот всё же не покинул службу, перешёл в географическое общество и готовил судно, для исследования Арктики. Какой неугомонный.

Пожилой оказался представителем МИД Российской Империи. Для чего его взял адмирал не совсем понятно, может сам напросился? Вот третий, блондин лет тридцати был в прошлом капитаном второго ранга ВМФ РИ, командовал в Русско-Японскую звездой вспомогательных крейсеров. Звезда это пять вооружённых судов. То-то лицо знакомое, видел я его в Порт-Артуре, он вроде тогда лейтенантом был на «Севастополе». Он, как и многие из офицеров подал в отставку после позорнейшего поражения. В тяжелом сражении русский флот не смог разбить японскую эскадру усиленную английскими кораблями. Японские сухопутные войска, в первое время лишенные снабжения не смогли захватить Порт-Артур, и были вынуждены осесть в оборону, окружив город. Из-за открытого предательства оборона была развалена и войска и остатки флота буквально сданы неприятелю к их полному изумлению и радости.

Заклучен мирный договор при помощи англичан, по которому воюющие стороны остались при своих. В течение нескольких дней после капитуляции в отставку подают офицеры воевавшие под командованием Макарова с Японией, в следом за офицерами Тихоокеанской эскадры уходят со службы и другие боевые офицеры и старослужащие из рядового состава. По примеру

флота сухопутную армию покидают офицеры и унтера, тем самым выражая недоверие императору, который поставил интересы семьи выше интересов России. К тому моменту как раз дошли до них газеты Эриха, где было выложено письмо, по которому меня фактически прогоняют с театра военных действий. После этого начинается повальные увольнения. Именно это и разъярило императора до такой степени, что он начал чистку. Насчёт меня и того письма было выложено опровержение, что оно поддельное, однако моё интервью где указывалось что я получал его из рук личного порученца Императора, ставило под сомнение это опровержение. Сомневались очень многие. В результате война закончена, корабли на других флотах, и вооружение в наличии, а тех, кто умеет и хочет воевать фактически нет. Полно придворных и блестящих штабных офицеров, в наличие гвардия, а тех, кто способен вести за собой и побеждать нет. Это был тот удар который Россия с трудом сдержала и если вдруг снова возникнет какой конфликт, воевать фактически будет некому.

Кавторанга звали Андреем Ворониным, с учётом того что войну он начал мичманом, капитаном буксира приписанного к Тихоокеанской эскадре, до этого был лейтенантом на броненосце, но перед началом войны с понижем в звании переведён на буксир. За него Макаров поручился, значит, офицер стоящий. Алексеева, прошлого наместника Дальнего востока капитан, как и я, терпеть не мог, это наместник его на буксир перевёл. А так получить капитана второго ранга к концу войны и три боевых ордена дорогого стоит. По словам адмирала, который отвёл меня чуть в сторону, давая краткую, но достаточно качественную информацию по гостям, причина появления Воронова была достаточно прозаична. Так как уволилось достаточно много народу, то истинный моряк, он никак не мог найти работу и, узнав, что мои компании строят суда, я подумывал образовать четвёртую, по морским перевозкам, но работать она будет чисто по моим предприятиям, вот он и надеялся получить место. Причём это первая ласточка, остальные ожидают, какое я приму решение.

Вот чиновник мне был не интересен, хотя он как раз прибыл по делу, императора интересовала постройка авиазавода на территории Империи. Переговоры предварительные, однако, думать о них мне не хотелось, для этого управляющие есть, они могут принимать такие решения, тем более я уже дал им разрешение, если к ним обратятся с такими предложениями. Дело в том, что тут во Франции я приобрёл очень дорогой, но при этом отлично оснащённый завод по производству разных станков. Их всего три во Франции, завод вошёл в состав моей авиакомпания. Мухлевал, конечно, при покупке, двое аукционеров из состава умерли от несчастных случаев, как раз те, кто был категорично против продажи, но завод всё равно стал мой. Острая необходимость в нём была, вот и пришлось идти на непопулярные методы.

— Причина появления этих людей понятна, — интересом рассматривая спутников адмирала, которые по приглашению Люции направились к обеденному залу, сказал я Макарову. — Ладно, давайте пообедаем, и я пока подумаю.

Во время обеда, он длился полтора часа, и это было нормально, мы обсуждали ту самую Русско-Японскую войну. Если сначала между мной и гостями был лёгкий лёдок, похоже, они смущались, были не в своей тарелке, то к окончанию обеда уже разгорячённо спорили со мной по тому или иному поводу, или с горечью соглашались, когда я описывал явные ошибки. После обеда мы прошли в мой кабинет, где устроившись в креслах и на диване, продолжили общение. В камине потрескивали поленья, придавая комнате уют и давая тепло, кабинет находился всегда в тени, солнце редко заглядывало в окна кабинета. Закончив обсуждать последствия войны, я ответил на вопросы бывшего кавторанга и на чиновника. Капитану сказал, что пока у меня четыре грузовых судна, в Италии на стапелях ещё шесть восьмимысячников. Числиться они пока за «Мед-Ком», и я, подумываю развернуть ещё транспортную компанию по морским перевозкам, однако окончательного решения ещё не принял. Вот туда нужны команды, и я

ничего не имею против русских моряков. Так что если тот возьмёт на себя набор команд в России, поставлю его шеф-капитаном. То есть старшим.

Вот чиновнику сразу сказал, обращайтесь официально к моим представителям, им даны нужные указания, они же и заключат предварительные договора. Строительство авиазавода в России возможно, хотя конечно не желательно:

— Почему, профессор? — прямо спросил чиновник. — Вы всё ещё держите обиду? Но ведь в газетах было напечатано опровержение, что письмо поддельное.

— Меня сейчас это уже не волнует. Обиды детские, не интересно, перегорело. Ну или повзрослел. Нет, размещать авиазавод на территории Империи я не желаю по другой причине. Вскоре, по-моему анализу, лет через десять Российская Империя как государство рухнет. Перестанет существовать.

— Я читал вашу статью в «Таймс», они делали перепечатку, — неожиданно сказал чиновник. — Вы действительно считаете, что в России возможна революция?

— А она разве не была? Та попытка в Питере? Сколько там революционеров погибло? Сколько на каторгу отправилось? Думаете, они вернуться перевоспитавшимися ангелами? Нет, это уже будут лидеры, что поведут людей за собой, с учётом, что в ссылку были отправлены многие из императорской семьи, кто в монастырь, кто ещё куда, будет много крови. Страна рухнет и тем, пойдут брат на брата, отец на сына, и кто придёт к власти, тому и достанется мой завод? Нет уж, извините, как-то не хочется. Они же сразу национализируют все предприятия, включая мой завод. Обзовут приспешником царского режима и всё.

Чиновник со мной спорить не стал, покрестился только несколько раз и всё, в России действительно встала проблема с революционерами, он больше напирал на острую необходимость подобного оружия, так как военные что были на показе, давали достаточно лестную оценку новому оружию. Не все, конечно, много было ретроградов, но общее мнение было таково, новому оружию быть.

— Хорошо. Считай, вы меня заинтересовали этим, — кивнул я, когда тот указал, какими будут пошлины и налоги, причём на все мои компании. — Только одно, вовремя волнений в стране, когда император отречётся, если я не смогу вывезти оборудование, то заминировав, взорву. И это не обсуждается.

— Император не отречётся, это ересь, господин профессор, — довольно резко сказал чиновник, снова перекрестившись. Видимо фанатиком был

Со священниками за время моего пребывания на театре боевых действий или на территории России, у меня складывались не очень хорошие отношения. Да и какие они могут быть, если я не крещённый, и к тому же обносился к этой братии с плохо скрытым презрением. Мало того что требуют чтобы им с дохода все долю несли так ещё лезут во все дела раздавая «умные» советы. Жизни видишь ли учат. Они мне и в моей первой жизни не нравились, и тут я к ним неоднозначно относился. Если проще, то просто избегал общаться. Удавалось на счастье. Пару раз разные люди заикались, что, мол, при входе на образа не крещусь, церковь не посещаю, но я делал вид, что не замечаю их намёков. Оно мне надо? Вот когда большевики пришли к власти то отменили обязательное посещение церкви, с тех пор в приход практически никто и не ходил, перестали. Навязана эта церковь была, навязана. Фанатики, конечно есть, куда без них, но их мизер. В церкви это понимают, именно поэтому сейчас в армии и на флоте, посещение их священников строго обязательно. Мои компании налоги платят только государству, есть

необязательный налог выплачивать процент церквям, но у меня такого нет. Были намёки на счёт этого но после моего ясного посыла далеко и надолго, больше не лезли. Если кто из рабочих верующий, из своей зарплаты, пожалуйста, я в церковь ни копейки не дал и не дам.

Видимо чиновник действительно был из этой фанатичной братии, поэтому интерес у меня к нему сразу пропал, и я поглядывал на него с плохо скрытым презрением. Для меня он стал не более чем душевнобольным. А как с ними общаться? Так-то профессором тот в отличие от адмирала называл без явной насмешки в голосе, уважая подобную учёную степень, тем более она у меня была не одна. Я старательно доводил чиновника весь обед и сейчас в кабинете, и всё же дождался срыва. Плохо готовят подобных переговорщиков, плохо.

— Предатели из правительства заставят, — отмахнулся я рукой. — Давайте закончим этот пустой разговор. Я дал своё согласие, а дольше ваше дело. Поедите в офис авиакомпании и заключите договор, они предупреждены.

Когда чиновник и оба офицера вышли во двор покурить, в кабинете я не дал, сам не курю и другим воздух в своём доме портить не разрешаю, спросил у адмирала, кивнув на закрывающееся окно-выход на двор:

— Зачем вы привели этого клоуна?

— Навязали, Максим, — развёл тот руками. — Прости уж старика.

- Странно и князю говорил, и вам что все вопросы могут решиться только через моих управляющих, а всё равно ко мне прутся всякие представители стран. То англичане, то немцы. Разве что американцы не надоедают. То ли поумнели, то ли что вероятнее просто им ещё не до самолётов, вроде как выборы на носу. Правда, интерес к самолётам проявляют, не без этого.

— У нас считается, что правительство Франции, особенно Англии не желают, чтобы у нас были размещены подобные производства, и будут делать всё, что бы этого не допустить.

— Ну в принципе предположения имеют вполне себе реальные перспективы. Некоторые просьбы от правительства Франции действительно поступали, и даже скажем так, было некоторое давление на членов правления моими компаниями. Некоторых. Сейчас их нет. Тех, кто давил.

— Вот как? — немного удивился, и несколько настороженно поинтересовался. — И как же тебе удалось избежать такого пристального внимания?

— Ну как сказать. Я ведь кардинально решаю проблемы. Мне проще человека отправить на тот свет, чем заплатить, однако обошлось без этого. Одного начальника из правительства Франции с понижением отправили в одну из колоний, овец пасти, всех трёх его помощников с понижением на разные окраины страны, без возможности продолжать служебный рост. То есть платил я не четверым, что они не просили, а требовали, а заплатил их начальнику, и решил вопрос кардинально.

— Хм, неплохо придумано, Максим. Больше подобного не происходило?

— Ну почему, ещё были наезды, а вот здесь вопросы уже решались кардинально. Кто утонул на своей речной яхте вместе семьёй, кого медведь покусал. Насмерть.

— А тут и медведь есть?

— Сам удивился.

Макаров на несколько секунд замолчал, пристально меня рассматривая. В его голове явно бродили какие-то мысли. Время у нас пообщаться было, гости пошли курить в курилку, специально оборудованную беседку, так что мы особо не торопились. Осмотревшись, адмирал спросил:

— Скажи, как ты смог за такое малое время всё это создать?

— Деньги у меня были, достаточно средств на такой рывок. Хотя надо сказать, что потратил почти половину, однако компании создал. Скажу честно, Степан Осипович, что весь этот бизнес мне не особо нужен был, я проверял себя в разных направлениях. Склонности к бизнесу и науке у меня есть, это вы сами видите. Склонность есть, умение есть, а вот интереса уже нет. Если в первые месяцы я как-то проявлял интерес к подобным новинкам, создавать с нуля новые компании и запускать их, было достаточно интересной работой, а потом это как-то превратилось в рутину. А вот скорость их развёртывания это да. Мне ещё братья Рабаль подсказали, без хороших управленцев и помощников сделать что-либо одному трудно и тяжело. Поэтому по прибытию во Францию, первым делом, что я сделал, это набрал штат управленцев. Отличные помощники хочу сказать. Часть, когда проверял, был вынужден уволить, набирая других, но штат оказался крепким, помощники отличными и вот они и тянули всю тяжесть становления компаний. Признаюсь, если бы не они, то эти компании я бы лет десять доводил до такого уровня как сейчас. Однако как я уже говорил, интерес к бизнесу я потерял, дальше компании будут развиваться сами, без меня, однако приобретённый опыт считаю очень полезным, а так тяну всё больше по привычке. К счастью теперь ничего тянуть не надо, всё делают за меня. Я это ещё по войне понял, не надо тянуть одеяло на себя, каждый должен заниматься своим делом. Так что я только командовал, а мои приказы исполнялись. Так же примерно и в бизнесе. Ничего, сегодня отбываю в Брест и отплываю, у меня начинается путешествие. Я слишком долго ждал его, чтобы откладывать, так что сегодня точно отбываю.

— Уже сегодня?

— Да, поезд через пять часов.

— Жаль-жаль, — пробормотал адмирал, видимо у него были на счёт меня какие-то свои планы. — Кстати, как тебе новый президент Аргентины?

— Да я его и раньше знал. Как он прорвался к своему посту не совсем понятно, но человек он временный как мне кажется. Главное палки в колёса не вставляет, уже это радует.

— Он не сильно гневается по поводу охраны на твоих заводах и фабриках? Даже в газетах писали, сколько у тебя охраны. И тут у тебя охрана, видел двоих, причём даже на первый взгляд опытные повоевавшие солдаты.

— Вообще-то в Аргентине охраной моей фабрики занимается правительство, там полицейские и их не так и много, человек шестьдесят. А вот в других странах вы правы, охрана у меня есть. Их внешний периметр, доступа в цеха у них нет, там внутренняя охрана. А так если прикинуть на все мои предприятия, то получается... Да почти полторы тысячи человек. Большая часть опытные солдаты отслужившие своё, командует ими полковник Орейро, бывший офицер Иностранного легиона. Так что охрана у меня действительно на высоте. Знали бы вы, сколько шпионов они отловили. Их использую на разных грязных работах, прежде чем передать в требуемые службы, что занимаются шпионами. Пока всё работает, дальше посмотрим.

— Понятно, — кивнул адмирал и, посмотрев в сторону курильщиков, через открытое окно их было хорошо видно, о чём-то те спорили, уточнил, сменив тему. — Я слышал, с тобой живёт две прелестные красавицы. Ты нас не представишь?

— Уже нет. Сегодня забрали своё и часть моего имущества и ушли. Нашли себе любовника постарше, но главное по красивее. На жигало нарвались. Это их проблемы, меня уже не интересует. Так что нет, уж извините, не представлю.

— Хм, извини Максим, если потревожил твою душевную рану.

— Да нечего там тревожить. Ушли так ушли, тем более я даже сам рад, что их теперь нет. Я планировал расстаться с ними в Аргентине, а тут сами раньше ушли.

Мы ещё немного пообщались, но тут вернулись курильщики, благоухая табаком, так что разговоры свернули на другие темы. Почти два часа мы вели разные беседы, пока адмирал, не посмотрев на циферблат своих серебряных часов, и не сказал о том, что им пора. Процедура прощания не затянулась, думаю, мы ещё встретимся в скором времени. Воронову я дал рекомендательное письмо, с ним тот должен отправиться по адресу которое я ему сообщил, этот отдел дирекции «Мед-Ком» и занимается морскими грузоперевозками. На них же была постройка ещё шести судов в Италии. Дополнительное своё письмо отправлю начальнику этого отдела, так что Воронова должны были хорошо встретить.

Когда гости ушли, я вздохнул с некоторым облегчением, после чего дав указания Лючии, направился наверх. Приняв душ, переоделся в чистое бельё и нормальную походную одежду, заранее приготовленную прислугой. После этого повторил свои указания, дом перевести на консервацию, покрыть всю мебель специальными чехлами, ну и закрыть, слуги жили во флигеле, там же была сторожка охраны. В общем, дальше ожидают моего возвращения, присматривая за домом. Охрана состояла из двух вооружённых ветеранов Иностранного легиона. Это не постоянная охрана, она часто меняется, раз в неделю новые люди, так что подкупом тут не решить, хотя троих из охраны специальный отдел уже ловил на взятках. Очень жёстко их уволили, согласно подписанным договорам те за подобное дело должны платить большие штрафы, всю жизнь теперь выплачивать будут. Эта информация быстро распространилась по охране, так что больше попыток подкупов замечено не было. Вернее их как раз хватало, только охрана больше не брала. Их устраивала и высокая зарплата и премии если удастся прихватить такого «покупателя». Да и жуткие отступные после увольнения платить не хотелось. Вот так постепенно охрана у меня и была приведена к идеалу. Набираясь опыта, она держала защиту на предприятиях.

Наёмная коляска, а я нанял работника со своим транспортным средством, как всегда ожидала у входа. Он всегда там стояла. Кстати, когда я вчера вернулся с пробежки, он находился тут же. Думаю, сеньориты воспользовались его услугами, чтобы тот отвёз их по новому месту жительства. Нисколько не удивлюсь, если это так. Правда, уточнять не стал. Багаж у меня состоял из одного ручного кофра, всё остальное ещё три дня назад было отправлено в Брест на борт моей яхты, так что при себе была только ручная кладь. Подойдя к коляске, возница, его звали Франк, спрыгнул, снимая шляпу и поклонившись, открыл дверцу лёгкой кареты:

— К Остину, — коротко велел я ему, устраиваясь на сиденье.

Сегодня был последний день его работы, тот уже получил расчёт, так что доставив меня на железнодорожный вокзал, будет свободен как ветер. Сам возница у меня работает уже седьмой месяц, до этого было двое, но их прихватили на том, что пытались подкупить, вполне успешно кстати. Они должны были слушать всё, что я говорю и передавать дальше. Ведь как, часто я на

ходу общался с нужными людьми, что присутствовали в коляске, а то, что мы говорим, является тайной компании. Я предлагал Френку устроиться на таких же условиях в одну из моих компаний, тот ещё думал. Ничего, если что рекомендательное письмо у него было, устроится, если нет, вольному воля.

Куда ехать возница знал хорошо, даже отлично. Часто меня туда возил. Это был офис управления моей фабрики по производству медикаментов, достаточно широкого спектра, вон, даже протезы начали выпускать, пока в малом объёме, хотя спрос и есть. Так вот, там и располагался филиал отдела, что отвечал за морские перевозки. Нужно заехать и поговорить о найме русских команд для строящихся в Италии судов. Причём доставка команд в Италию для приёма судов на компании. В принципе это всё, остальное обговорил с управленцами ранее. Да и вообще те ещё месяца два назад в свободное плавание ушли, уже без моего контроля, так что я лишь поглядывал, как они работают. На фабрику в Англии, правда, братьям велел отправить группу аудита, что-то там странное творится. Материал для производства закупают в том же объёме, а выпуск упал. Подозрительно.

Остин начальник отдела встретил меня лично, видимо кто-то усмотрел в окне офиса на втором этаже, как подъехала моя карета. Мы поднялись к нему в кабинет и поговорили насчёт найма людей в России. Тот осторожно намекнул, что это не самая лучшая идея, но я продал этот приказ, сообщив, что вскоре подойдёт дворянин, соискатель на должность шеф-капитана, последующий наём команд будет на нём. Пусть сразу включает его в дело, оформив на работу по повышению ставки. Контракт серебряный. Кстати, русским командам платить должны так же хорошо, как и остальным, я собирался приманить как можно больше людей, чтобы были полные команды.

Пообщавшись немного с Остином на эту тему, подробнее обговорив все условия, я спустился вниз, и мы покатали к вокзалу. Всё же времени мало оставалось, чуть меньше часа. Там я спокойно прошёл в своё купе, брал на троих, но придётся ехать одному. Нормально, поезд отошёл от вокзала и не сказать, что особо ходко двинул в сторону Бреста. Причём дым стелился вдоль вагонов, из-за чего пришлось закрыть окно.

— Чёртов ветер, — ругнулся я, закрыв окно.

Сами вагоны в последнее время стали уже привычными, когда я пользовался железной дорогой Франции, всегда брал дорогие билеты. Тут вагоны для мягких купе были несколько непривычными. То есть, в каждое купе была своя дверь, проводник не мог ходить по всему вагону, чтобы принести чаю или ещё чего, да и вообще проводник ехал отдельно. Вот на станции он оббегал своё вагон и спрашивал у пассажиров, не требуется ли им что. При необходимости проводил уборку, или бежал что прикупить, если не имелось своего слуги. То есть выполнял работы обычного слуги-посыльного. Мне не требовалось, всё что нужно я имел при себе, так что когда стемнело, устроился на диване и, укрывшись одеялом, подушка из купейного комплекта так же имелась в наличии, проспал почти всю ночь.

Утром, прибыв в Брест, я собрался и, покинув свой вагон, направился к выходу. Там наняв пролетку, покатали в порт. В порту же и позавтракал в одном из кафе, и от него добрался до причалов, где нанял лодку.

Охрана на яхте бодрствовала, поблагодарив их за службу, выдав каждому по серебряной монете, сообщил что перед отходом отправлю их на берег, а пока пусть и дальше службу тянут. Что дальше делать после схода на берег те знали, отправятся в отдел кадров, где получают

направление для новой работы. Вот эта охрана работала тут, в Бресте, охраняла склады и контролировали погрузки-разгрузки. То, что они ещё и яхту мою охраняли, это за отдельную плату, причём платил я из своего кармана. Как в принципе и за охрану дома. Кстати, за дом я тоже особо не волновался, конечно, там остались слуги, но за домом будет следить специальный человек из управления одной компании, будет проводить редкий аудит. Охрана тоже будет постоянной. Насчёт возможного возвращения аргентинок я их уже предупредил, хотя и сомневался, что те вернуться. Вот что их ждёт, ну обманет, ну обворует и бросит без всего. Пойдут ко мне? Сомневаюсь, знают, что я буду отсутствовать, а дом будет законсервирован, так что скорее всего наскребут средств на билеты и отправятся в Аргентину. Как говорить дома и родные стены помогают. Однако это уже прошедший этап моей жизни, и я вычеркал этих двух женщин из своей памяти.

Насчёт своей гибели я подумал. Всё же в путешествие отправлюсь, мало ли как оно повернётся, а наследников у меня нет. Я оставил завещание и по нему специальный Совет из управленцев продолжит рост производств, они же и будут следить за предприятиями. Более того, за моими патронажными детдомами тоже, две трети доходов будут идти на обеспечения детских домов Аргентины и Франции. России тоже, но от доходов тех предприятий, что находятся там. Выпускники этих домов по сравнению с другими желающими будут иметь некоторые льготы на поступления в разные учебные заведения, как государственных, так и моих, которые организовал уже я. То есть дело не развалится, если что случится. Конечно, надеюсь, обойдётся без этого, но всё же все мы смертны, что я вынужден признать, так что хвосты прикрыл. Да, честно говоря, мне уже как-то было всё равно, что будем с моими предприятиями. Для меня это было не более чем стартовая площадка для проверки своих умений и возможностей. То есть детская песочница, где я делал песочные замки, проверяя, как они у меня получаются. Надо заметить, что чем дальше, тем красивее и красивее. Опыта набирался. Однако между тем и интерес терял с каждым месяцем. Да, способности есть, а интереса вот уже нет. Как что-то новое и свежее бизнес меня привлекал поначалу сильно, столько сил и времени на него тратил, а сейчас освоившись, понял, что это точно не моё. Что вот моё? Ну то что люблю путешествовать и похоже буду любить всегда, это понятно, люблю заниматься исследованиями, часто провожу в своей лаборатории. Развернул я одну в подвале своего особняка в Париже. Правда, сейчас она законсервирована, даже все реактивы вывез. Разве что два помещения остались закрыты. Там часть золотого запаса хранилось, остальное всё давно в Швейцарских банках осело. После переплавки естественно. Ещё не хватало, чтобы по банковским оттискам на слитках меня не нашли, хотя англичане кажется, начали о чём-то догадываться. Как я узнал некоторые уже обработанные слитки, они брали в банках на экспертизу. Правду видимо доказать не могли, при переплавке я туда добавлял примеси. Одним словом эти полтора года не прошли безрезультатно, но и тихая спокойная жизнь надоедает, вот я и решил что всё, хватит. Иду в кругосветку, скажем так, встряхнусь. Думаю, путешествие займёт год, мне хотелось то в одном порту задержатся посмотреть на быт аборигенов, то в другом. Люблю познавать что-то новое.

Отбыл я не в этот же день, так как нужно пополнить некоторые припасы, в основном продовольствия и свежей воды, а этим я предпочитал заниматься лично. Так-то само судно было полностью готово к выходу, яхту осмотрели в местных доках, почистили днище и провели лёгкий ремонт, вот в остальном снабжение уже было на мне. Личные вещи уже были на борту, снесены в каюты, так что первым делом я стал их разбирать. Свои вещи отнёс в каюту и в кладовую, разместив по полкам и шкафам, остальное, в основном то, что принадлежало Терезе и Изабелле, отдал ближайшему лодочнику, что проплывал мимо, окрикнув его. Выкидывать за борт не нужные мне вещи не хотелось, как и мусорить во внутренней акватории порта.

Потом я направился на берег и заказал нужное продовольствие и воду, были тут фирмы, что

ими занимались. Дальше к борту подходили лихтеры с заказами, и я занимался с двумя нанятыми на сегодня матросами загрузкой припасов. Потом матросы удалились, охранники остались, присматривая за яхтой, ну а я на наёмной лодке сплавал и забрал со складов давний заказ, реактивы для своей лаборатории. Груз тоже отправил на борт яхты, мы его в трюм спустили. Не всё, часть требовала специального хранения, убрал в металлические шкафы, имеющие хорошую вытяжку. Потом я сделал ужин на троих, не забыв про охрану, ух устал, отвык от таких авралов, и спокойно поел.

Ночь на борту прошла нормально, хотя снова пришлось привыкать к скрипу такелажа, шуму волн, что плескались о борт, ну и к остальной привычной шумихе порта. Однако ничего, как вырубился, так и проснулся только утром. Дальше, снявшись с якоря, теперь у меня электромоторы поднимали якоря, под такими же электромоторами, но мощнее, ещё двигатель тарактел на корме, медленно направился к выходу из порта. Нет, паровой ход и котлы я не убирал, просто поставил муфту при модернизации судна полугодовой давности, и теперь судно имело три типа хода, паровое, потом парусное и электрическое, под электромоторами. Причина в таком поступке была веской. Часто при заходе в порт приходилось идти против ветра, что на узком фарватере может быть опасным, выкинет на мель. Тут спасают котлы, но пока поднимешь пар, пока войдёшь в порт, очень много времени потратить требуется. Я это уже не один раз проходил и, намучившись, решил, что стоит подумать, как решить эту проблему. Вот и решил. На автозаводе мне сделали нужные детали и провели модернизацию «Низвергателя» в ремонтных доках Бреста. Единственно когда перевозу ход на электрический, у меня теперь стоял дизельный двигатель, и запасы топлива были для него, ход не превышал пяти узлов, что для маневрирования в порту или для захода-выхода вполне нормально. Правда, оба электромотора слегка капризные, ещё толком обкатку не прошли, так что нужно будет с ними быть осторожным. Хотя не страшно, запасной был, да и запчасти, это был совместный со мной проект, так что как отремонтировать знал.

Вот так после лёгкого завтрака из яичницы с беконом, я отпустил охранников и стал готовиться к выходу из порта. Запустил двигатель, он-то обкатку прошёл, хороший надёжный двигатель, который имел достаточно приличный ресурс. Да и электрогенератор что бы к нему подсоединен, давал достаточно энергии, чтобы хватало на большую часть механизмов. Устроившись в кресле рулевого, нажал на нужные кнопки, они были прикрыты специальным козырьком, чтобы не было намокания, да и некоторую защиту от влаги имели, якорь стал подниматься. Ход был чистым, так что с поднятым флагом Аргентины, я на малом ходу в три узла направился к выходу. Вышел совершенно спокойно, и повернул влево, отойдя от берега на пять морских миль. Качаясь на крупной волне, под парусами яхта полетела дальше. При этом электроэнергия продолжала поступать в бортовую сеть судна, хотя дизель я заглушил. Причина в небольшом электрогенераторе, который крутил ветряк на верхушке передней мачты. А что, теперь и во время стоянки я могу получать бесплатную энергию, не придётся гонять дизель. Тоже моя задумка. Правда генератор даёт не так и много энергии, тот же якорный электромотор не потянет, не хватит, но обычный свет в каютах, это вполне реально. Сейчас такие ветряки, после хорошей рекламы стали давать стабильный рост продаж. Французы расхватывали очень быстро, особенно фермеры и другие люди, что жили отдалённо. А насчёт мощности, ставьте сразу несколько ветряков, и энергии будет больше. Например, для обычного фермерского хозяйства нужно три или четыре ветряка, денег за это оборудования конечно просили много, но доставка и установка были бесплатными, так что скупались, ещё как скупались. Первый год обслуживание бесплатно, по гарантии, дальше уже за фиксированную плату.

Ну да ладно, главное, наконец, началось то, к чему я давно шёл и, хотя ветер был не самым

попутным, мне это нисколько не мешало идти редкими галсами, вдоль французского побережья. Следующий порт, куда я собирался зайти дней на пять, а то и на неделю, это Лиссабон. Не думайте, что я вот так сорвался с места никого, не предупредив, всё в спешке и тому подобное. Нет, к путешествию я стал готовиться ещё восемь месяцев назад, проводил модернизацию яхты, готовил людей к тому, что им скоро придется работать без моего контроля, в принципе это уже два месяца длится, как я уже ранее говорил, ну и составлял план путешествия. В принципе план был пока один, дойти до Буэнос-Айрес, а вот дальше уже куда душа ляжет. Жёсткого плана по путешествию не было, так что куда захочется, туда и поплыву.

До Лиссабона я дошёл за три дня, ветер сменился и почти две трети пути был попутным, так что тут повезло, а вот в порту простоял не неделю как думал, а почти две, так как вовремя прогулок по старому городу познакомился с молодой вдовушкой. Так что та мало того что показывала мне много нового в постели, а я думал что всё знаю, так ещё проводила экскурсии по городу. Очень качественные, мне понравилось. Уже через две недели я покинул порт, расставшись со вдовой. Оставив ей много подарков, чтобы не расстраивалась, а то кажется, у неё насчёт меня были серьёзные планы, но женится в таком молодом возрасте, да ещё на женщине старше меня на четыре года совсем не хотелось.

Покинув порт Португалии, всё также вдоль побережья пошёл к Африке, Гибралтар остался по левому борту и он меня, честно говоря, пока не интересовал, хотя надо бы туда зайти, посмотреть, что там происходит, есть ли уже на Кипре курорты. Думаю, нет, время не то.

Если бы не мои ночные стоянки, до Аргентины я бы добрался быстрее, однако будучи один в команде, рисковать и ещё идти ночью не собирался. Ночью я сплю. Так что вставал у берега под якорь и спокойно отправлялся спать, а уж утром, снимался и направлялся дальше. Вот так вот и длилось моё путешествие. По ночам на борту я ставил сигналки, всё же у берега стою, а у берегов Африке это вдвойне опасно на случай возможного abordaja чернокожими пиратами, тут это обычное дело, однако повезло, обошлось. Ночной атаки не дождался, а вот дневной...

На четвёртый день после того как вошёл в воды Африки я видел две лодки под парусами, что пытались перерезать мне путь, но яхта моя была куда ходкой, а лодки были переполнены и нормального хода дать не могли. Правда пока яхта проходила мимо них, словила с десятков свинцовых подарков. Если бы не островок, за которым и прятались пираты, я бы их так близко не подпустил, а тут сами виноваты. Там сообразив, что я спокойно уйду, со злости начали стрелять. Я удивлён, но вроде у них были дульнозарядные мушкеты. Современные тоже имелись, но в малом количестве, видимо трофеи. Я обиделся. Одна из пуль повредила проводку на мачте и, не смотря на то что ветровик на месте продолжал крутиться, свет пропал, так что спустив паруса я положил яхту в дрейф. Пираты не могли поверить своему счастью и налегли на вёсла, ветер встречный был. Когда они подошли ближе, поставив пулемёт на фальшборт, я открыл огонь в упор, сперва прочесал первую лодку, трое вывалились в воду, пачкая её кровью, а потом, опустив «Мадсен» на палубу, открыл огонь из второго. Я предпочитал иметь средства на все случаи жизни и ручные пулемёты в количестве четырёх единиц в эти средства входили. Боеприпаса тоже хватало, на пару войн будет. Его бывает или мало или больше не унести, но к счастью мне было, где его хранить, полный трюм добра. Припас всё на все случаи жизни.

Расстреляв вторую лодку, я сменил магазины у обоих пулемётов и, подняв прислонённую к фальшборту лично отстрелянную винтовку с самодельным оптическим прицелом, стал выискивать живых, а их хватало, когда нужно негры умели притворяться убитыми, и начал их отстрел. Не выдержав губительного огня, некоторые попрыгали за борт. Думали вплавь добраться до берега. Ага, а плавники что появились вблизи, их видимо не волновали. Ничего,

стрелял так чтобы ранить пловцов, так что дальше дело акул. Как я и думал, недалеко уплыли.

Ещё около получаса прождав, внимательно отслеживая любое шевеление в лодках, я на всякий случай повторно прочесал лодки из пулемёта и, сменив его на пистолеты, начал спускать судовую шлюпку. А то лодки дрейфуют, одну вообще за дальность стрельбы снесло, а редкие коллекционные единицы оружия всё же хотелось бы приобрести. Наверняка оно имеет ужасное состояние и расстреляно в хлам, но ничего, приведу в порядок, ремонтная мастерская на борту у меня тоже имелась. Я в последнее время стал не только оружие коллекционировать, но и некоторые единицы огнестрельного. Не ружья, пистолеты, причём кремневые, дульнозарядные и кажется, у пиратов такие были, два точно рассмотрел за широкими красными матерчатыми поясами. У меня в коллекции был пистолет с кремневым замком и внимание... С нарезками в стволе. А оружие по примерным прикидкам времён Ивана Грозного. Вот такой выверт. Причём оружие было стреляющим, пули вот только специальные нужно отливать, вкручивая в ствол, но прицельная дальность шестьдесят метров, а это очень прилично. У меня теплилась надежда найти среди трофеев ещё один такой раритет. А вдруг?

Как только лодка оказалась на воде, покачиваясь на крупной зыби, скользнул по таям вниз, отцепил их и на вёслах стал догонять ближайшую лодку. Та дрейфовала, дырявый парус обвис, половина дыр моего исполнения, так что догнал достаточно быстро, на подходе встав на ноги держа оружие в руке, сначала сделал контроль, несколько не жалея патронов. Как и думал двое вполне в сознание были, лежали не двигаясь, а тут задержались, понимая, что происходит, но за оружие схватится я им не дал. Вот теперь всё, лодка точно зачищена. Со стороны, с открытой воды доносились душераздирающие крики, похоже, кого-то ели заживо и, кажется, даже не одного. Схватив винтовку, что лежала под ногами, я стал целиться. Нет, не в тех, кого жрали акулы, а в трёх пиратов на второй лодке. Те выстрелы тоже слышали, и отлично поняли что происходит, вот они и стали разворачивать лодку, чтобы поймать ветер. Один прыгнул за кормовой румпель, второй и третий стали сбрасывать тела за борт. Видимо, чтобы облегчить лодку.

— Ах ты скотина там же пистолет был редкий! — воскликнул я когда заметил что за борт перевалился труп пирата за поясом которого был инструктированный серебром кремневый пистолет. Я уже считал его своим, а тут такая подлянка. Дважды хлопнула винтовка и оба пирата свалились, в этот раз уже навечно, третий выстрел достался кормчему. Болтанка шлюпки мне несколько не мешала стрелять.

Посмотрев в сторону дыма на горизонте, англичане в своём репертуаре, за мной наблюдал их соглядатай, который эту картину явно пропустил, я заторопился. Нужно избавиться от лодок и трупов, да и лодка, простреленная из пулемёта, начинала медленно тонуть. Так что обыскав пиратов, немного испачкавшись в крови и добыв четыре единицы вполне неплохого оружия, погрёб ко второй лодке. В первой топориком я пробил днище, так что та быстрее пошла ко дну. Топорик тот же самый, бронзовый приобретённый в Корее. Он до сих пор при мне, отличная штука, это и оружие и плотницкий инструмент, у меня на спине, где в перевязи закреплены две сабли, был чехол и для него.

Проделав во второй шлюпке те же процедуры, я вернулся на борт яхты и, подняв трофеи, следом поднял и шлюпку. После чего поставив паруса, двинул дальше. Англичане, а бронепалубный крейсер продолжал маячить на горизонте, слегка повернул к месту побоища, видимо что-то засёк, или интересовался местом моей недолгой стоянки. Хотя думаю, трупы заинтересовали. Часть держались на поверхности, хотя я пробил им клинком и живот и лёгкие. Ну да ладно. От соглядатая, конечно, нужно избавляться, уже сейчас нервировало такое внимание, однако не всё сразу. Англичанам известно, куда я направляюсь, так что как не бегай, будут ждать меня там. Уйти от них легко, под покровом ночи, но как я уже сказал

маршрут они знали, найдут. Вот после Аргентины, там хвост нужно обязательно срубать.

Поставив яхту на автопилот, ветер был не сильно попутным поэтому, слегка накренившись, яхта скользила по волнам, а я занялся делами. Первым делом спустил все трофеи в мастерскую, приставив или разложив их по стойкам или на полках, потом займусь внимательным осмотром и ремонтом, а сам, взяв ЗИП, направился к мачте, нужно починить повреждения. Пуля, попав в проводку, вызвала замыкание, к счастью предохранители сработали штатно, так что электромотор не сгорел. Выковыряв пулю, я осмотрел две половинки кабеля и решил, что делать соединение не совсем хорошая идея, проще заменить кабель, тем более тут всего шесть метров, а это повреждённый пойдёт в ЗИП. Решено-сделано. Сбегав за бухтой, я за двадцать минут снял с держателей повреждённый кабель и, растянув новый, соединил, после чего сменил сгоревший предохранитель, и на судне снова появилось электричество, что не могло не радовать. Некоторые приводы в мастерской были на электричестве, так что оно мне было нужно.

После окончания ремонта, я приготовил ужин, уже наступал вечер, и спокойно на палубе поев, поглядывая на красоты вокруг, особенно закат был красив, стал готовиться к ночёвке. Британцы встали в пределах видимости, но после того как наступила тьма я отключил бортовые огни и драпанул. Естественно меня искали, два прожектора освещало море, так и метались световые лучи. Да поздно. Сделав круг в открытом море, я вернулся немного по своим следам и снова вставать на якорь, уже за пределами видимости британцев. Те меня дальше будут искать, так что остальной путь я собирался провести в одиночестве, без хвоста, как и планировал. Всё же они немного нервировали.

Утром горизонт был пуст, поэтому я решил остаться на месте, яхта тихо покачивалась на небольшой волне, поскрипывая рангоутом, так что, спустившись вниз, предварительно запустив дизель, энергии для мастерской от ветряка не хватало, и стал работать над оружием. Я вчера вечером, прежде чем уходить в ночь от хвоста, успел всё осмотреть и уже прикинул, как буду ремонтировать, и наводить лоск на трофеи. Интересные экземпляры были, но раритета таки не нашёл.

У берега я простоял три дня, первые двое суток занимался оружием, некоторые образцы холодного оружия тоже были интересными, даже два кинжала со сталью из дамаска встретилось, старые, много лет им, а потом просто отдыхал и купался. На берегу, рядом с которым я стоял на якоре, оказался на удивление отличный пляж с мелким песком. Тем более обычного мусора на нём не было, видимо последний шторм всё смыл, ни водорослей, ни тухлой рыбы, ничего такого. Это в будущем на оборудованных пляжах чисто, там специальные работники следят за пляжем, а вот дикие грязные. На фильмы не смотрите, где герои отдыхают на чистом морском и вроде как диком берегу. Чуть, прибрались перед этим, будьте уверены. Ну или как у меня был недавний шторм, что смыл всё, не успев набросать новой грязи и мусора.

Вот так немного отдохнув и отлично загорев, я вернулся на борт и направился вдоль побережья дальше. В одной деревушке пополнил запасы воды и повернул в открытое море, теперь мой путь лежал к континенту Южной Америки. Дошёл до неё за двенадцать дней. И то, потому что не торопился, а яхта была ходкой. Потом вдоль берега стал спускаться к югу и наконец, вот он, порт Буэнос-Айрес. Хм, английский крейсер стоял тут же. Покачивался на мелкой зыби во внутреннем порту. Пройдя мимо него, подошёл к берегу, и встал точно напротив моего особняка. Братья меня уже ждали, так что их лодка сразу пристала к борту, как якорь опустился на грунт. Пока я входил в порт и маневрировал, у них было достаточно времени

прибыть на набережную и на наёмной лодке добраться до яхты.

Следующие шесть дней я занимался своими хозяйствами, домом и поместьями. На яхте была охрана, из внутренней с фабрики. У них отпуск был вот я и дал возможность ветеранам дополнительно подзаработать. На седьмой день грянул гром, мне на одно из поместий, где я сегодня ночевал, курьером доставили письмо с телеграфа. Прочитав его, я выругался. Проблемы были с моим судном, отправленным с грузом медикаментов и ветряков в Азию, точнее в Китай. Хотелось заинтересовать китайцев подобным товаром. Однако на Тайване судно было арестовано, без какого либо повода и японцы заявили, что это военная контрабанда и просто объявила судно призом, бесплатно получив его вместе с грузом, а вот команда была арестована и её судьба пока решалась. Это был натуральный беспредел.

— Вот уроды. Забыли меня, получается. Ещё бы, если бы Того не погиб в конце войны, он бы такой глупости не допустил. Что ж, война значит война... Ха, наконец-то что-то интересное. Если бы япошки так не подставились, надо было бы самому их подставить. Хорошая идея, но запоздалая, всё решилось за меня.

Сообщение директора «Авто-Ком» конечно, ошарашило, именно его компания отвечал за эту перевозку, да и вообще фрахт судов для доставки некоторых грузов. Обычно мы пользуемся зафрахтованными судами, но в последние полгода стали закупать свои и как я уже сообщил, заложили на Итальянских верфях ещё новые. Мало пока, но докупим, однако то, что произошло, это ни в какие ворота. Мне кажется, всё было сделано специально, что бы проверить реакцию не столько дирекции всех компаний, а сколько мою.

Ещё раз прочитав сообщение, встал и подошёл к большому панорамному окну в обеденном зале поместья, я как раз обедал когда прибыл курьер. Заложив руки за спину, встав в несколько расслабленной позе, я рассматривал береговую линию и просторы Атлантики. Поместье находилось на высоком холме, и вид отсюда открывался просто замечательный. Если раньше я им любовался, мне тут всё нравилось, то сейчас смотрел больше безразлично. Мои мысли скакали как скаковые лошади, я делал расчёты и аналитику. Всё мысленно естественно. Это меня серьёзно заняло, минут двадцать так простоял, пока дворецкий не покашлял, привлекая к себе внимание.

— Подавать десерт, господин?

— Да, Абу, подавай, — вздохнув, кивнул я и, отвернувшись от окна, прошествовал к своему месту.

За десертом я продолжал сидеть с несколько отсутствующим видом, прикидывая всё за и против, и чем больше я анализировал, тем быстрее ко мне приходили интересные мысли, а соответственно с ними и хорошее настроение. Вспышка злости уже давно канула в лету, поэтому расправив сообщение, а то сжал письмо в кулаке, это со злости, и стал изучать некоторое моменты. Сообщение было достаточно обширным, так что зацепиться было за что.

Мои размышления привели меня вот к чему. Отомстить японцам это довольно просто, те даже этого не подозревали, а вот отомстить так, чтобы отжать у них несколько островов это вполне интересно. Я нацелился на тот самый Тайвань, где и произошёл инцидент. Вот его я и собирался приобрести в собственность вместе со всеми прилегающими островами. А что, здоровая наглость жить помогает. Конечно, такую операцию в одиночку мне не потянуть, хотя я считал что вполне реально, однако тут нужно привлекать дополнительные силы. Да и лишая парней возможности, у которых отняли победу в Русско-Японскую войне, поучаствовать в этом

конфликте, было не просто преступно, подло. Вот я и решил набрать людей в России, закупить с полсотни судов и двинуть к Японии. Вооружения выкуплю, снаряжу пять-шесть пехотных полков, один драгун или казаков, последние желательны, я был вполне удовлетворён их выучкой, ну и команды для боевых кораблей. А что, отжать у Японии с десятков кораблей вполне реально. Выиграть войну тоже реально, но что дальше? Вот и подумал, а почему бы не организовать на Тайване своё государство? Предложить парням, что со мной пойдут в бой земли и гражданство, думаю, многие там осядут и привезут семьи. Аборигенам дам права свободных граждан и пусть живут, глядишь, со временем обрусееют. Будет сопротивление, выведем в Китай, мне не нужны революционеры. А дальше сами не захотят, чтобы мы уходили. Производства организую и подниму уровень жизни будущих граждан. Хм, что-то я увлёкся, Тайвань ещё нужно подмять. В успехе я не сомневаюсь, однако стоит провести предварительные переговоры. Для этого, как связной пойдёт Воронов. Тем боле он уже в России набирает команды для шести судов, вот и поручим ему уговорить людей из старших офицеров, а уж те отберут всё что необходимо. Я им перечислю, какие полки формировать, вооружение и снаряжение за мной. Пока стоит вопрос, где будет сбор эскадры, не уверен, что власти Франции обрадуются, что мы используем их порты. Думаю, в Либерии будет в самый раз, хотя там тоже сейчас британцы и французы господствуют после недавнего раздела Африки. Да в принципе, зачем мне какой-то порт, когда хватит любого пустынного побережья Африки, где можно сбить подразделения и провести тренировки. А на суда, погрузить обмундирование, оружие и чуть позже людей. За время плаванья те привыкнут к оружию, форме и к снаряжению, я предпочитал цвет хаки со стальными шлемами, и в Африке уже проведём учения. Пушки на суда, чтобы превратить их во вспомогательные крейсера закуплю во Франции. Есть у меня там выходы на несколько тыловиков. Сделаю так, комар нос не подточит. Я даже имел возможность купить боевые корабли, те же крейсера, причём вполне официально, пока закона не вводили, что боевые корабли должны быть обязательно только у государств, причём признанных. Чую такой закон скоро внедрят, так как некоторые торговцы вооружают свои суда, только чехлы накидывают, заходя в порт. Строго за этим не следят.

Это всё примерные прикидки, плана пока не было, поэтому закончив с обедом, я направился в свой кабинет и, окружив там себя стопками бумажных листов, стал на них наносить свой план, высчитывая сметы, а так же часто делая дополнения. Наконец под вечер черновик был готов, и я сделал беловик. После этого лично сжёг черновик. Сообщив дворецкому, что я отбываю в свой дом в Буэнос-Айрес, стал собираться. Тут пылить по дороге два с половиной часа, поместье находилось не далеко от столицы, километрах в шестьдесят. Машину уже подали, водитель сидел за рулём, поэтому мы покатали к столице. Пока катили, я всё думал где взять денег на этот конфликт. Ну да счета у меня полны, однако всё равно этих средств не хватит, хотя счета пополняются постоянно, весь бизнес у меня прибыльный. Получается, придётся тронуть моё НЗ, алмазы и брильянты. Вот их хватит закупить и оснастить боевой флот с броненосцами, соответственно и мне должно хватить. Правильно говорят, чтобы победить нужно три вещи. Деньги, деньги и деньги.

Добрались уже ночью, когда стемнело, но поехали сразу на телеграф. Там я пробыл почти два часа, пока телеграфист отправлял приказы в офисы моих компаний во Франции и в России Воронову. Тот был на связи с моей компанией в Париже. Так что где искать его я знал. Сейчас в России было раннее утро, но телеграмма дошла до пункта назначения в Питере, так что надеюсь, Воронов быстро её получит. В общем, разослав приказы, я направился к себе. Ждать ответа скоро не стоит, пока изучат, пока обдумают, пока ответ заготовят. Дело это тоже не быстрое, тем более некоторые могут находиться не на работе. Время-то в Аргентине не сильно совпадает с другими странами, приходится высчитывать это.

Утром, когда мне подавали завтрак, так же доставили и письма, полученные с телеграфа. Куда отправлять ответы я сразу сообщил. Меня в столице Аргентины хорошо знали, дом пользовался популярностью, тем более я повесил табличку на воротах, мол, профессор такой-то и лауреат Нобелевской премии такой-то. Курьер не заплутал и доставил первые сообщения. Начал я с самых интересных. Директора трёх моих компаний, «Мед-Ком» в этом не участвовал, сообщили, что вчера направили в посольство Японии в Париже ноту протеста за незаконное задержание нашего судна, а уж за арест, проведенный не по международным правилам, после моего вчерашнего приказа, официально сообщили Японии, что им объявляется война. Это хорошо, сообщение и нота вручены. Дальше компании стали готовиться к войне. Нет, ничего серьёзного, просто отдали приказ не появляться нашим судам в территориальных водах Японии, да и поблизости тоже. В принципе их там так и так не было, первое же судно, отправленное в те воды, и было арестовано.

В других письмах сообщалось, что идут подготовительные работы к остальным приказам. Например, ещё во время становления компаний я занялся дизайном военной формы, и мы подобрали оптимальный вариант. Форма цвета хаки со множеством накладных карманов, кеги того же цвета, амуниция что носилась не на поясе а на не котором подобии разгрузки. Потом, обувь кожаные сапоги, лёгкие, стальной противошрапнельный шлем. Оружие карабин, у офицеров карабин и пистолет «Браунинга». Патроны к личному оружию под основное оружие России винтовку «Мосина».

Так вот подготовка пошла, как и закупка оружия, были заняты все швейные мастерские, сейчас шла подготовка, и закупались материалы для пошива. Шлемы будут штамповкой печатать уже дня через три, тем более нужные станки имелись. Всего требовалось пятнадцать тысяч комплектов для солдат и кавалерии, а также пять тысяч комплектов формы для моряков. Тоже военной. Если нужно увеличить или уменьшить количество, это можно обговорить позже. Отдельные люди разлетелись по соседним странам, они ещё в пути были, их задача покупка и оформлении на мои компании судов. То, что Японии была объявлена война, уже было подано в прессу с нужными нам эмоциями, чтобы перетянуть общественность на себя. Уж в чём в чём, а мои люди в этом поднаторели, знали и умели как правильно подать информацию. Успели опыт наработать. То, что задержали нейтральный борт с медикаментами, там обговаривалось подробно. Пока информации поэтому делу не было, меньше суток прошло. От Воронова сообщение было, самое краткое из всех, задача принята, бывший капитан второго ранга просит включить его в состав моей будущей эскадры, а так же обещает, найти и подобрать людей. Правда количество его слегка удивило, но ничего страшного, набрать он их сможет за месяц. Не все в Питере проживали. Причём отберут только добровольцев, их тут тоже хватало. Так же обещал узнать, продаются ли суда и отправить на них первых добровольцев во Францию.

Дальше я оперировал как тот паук, своими нитями готовя людей к войне. Почти две недели пришлось в столице Аргентины провести, даже к президенту вызывали, то есть вежливо приглашали и интересовались, правда ли сообщения о войне с Японией. Даже до них слухи дошли. Хотя какие слухи, перепечатки французских газет были и тут, в столице Аргентины. Президенту я ответил, что это частное дело и Аргентины это не коснётся никоим разе. В общем, договорились что та соблюдает нейтралитет. Единственно просили взять полсотни офицеров аргентинской армии для получения опыта ведения современной войны. Отказываться не стал, договорился, где приму их на борту. Это уже произойдет, когда мы двинем в сторону Японии, обходя Африку.

Убедившись, что подготовка поставлена как надо, Япония за это время не то что извинений не принесла, даже судно с экипажем не вернула, так что останавливаться не стал, нужно проучить зарвавшихся макак. Так вот убедившись, что всё подготовлено, я отчалил, и полным

ходом двинуло во Францию. Если раньше я старательно тянул со временем движения, просто путешествуя, то сейчас пёр то на паровом ходу или парусном если ветер был попутным. Британцы не смогли за нами угнаться и быстро отстали. Нанятая трюмная команда давала достаточно угля, чтобы идти полным ходом. У Африки закончился уголь, пришлось зайти в один из портов, потом оставили на траверзе Гибралтар и двинули дальше. Снова бункеровка, в этот раз в Лиссабоне, ветер постоянно был встречный и наконец, вот он, Брест. Прибыл, вот теперь можно взять на себя основную подготовку. Тем более за это время из России уже прибыла дивизия, по численности русских добровольцев, и стоит комплектовать из них команды для вспомогательных крейсеров, пулеметные роты, перхотные, кавалерию и артиллерию. Про авиацию я не забывал, и одно из судов в доке Бреста уже заканчивало подготовку к переделке под авианосец. В общем, деньги улетали со свистом, однако и подготовка близилась к своему завершению, что не могло не радовать. У меня были действительно отличные управленцы, что смогли справиться с подобной задачей. В порту меня встречал бывший генерал-лейтенант Кондратенко, он не погиб в этой истории, но со службы ушёл, он же был первым из добровольцев. Так что добровольцами командовал пока именно он. Пехотой, артиллерией и кавалерий я и собирался поставить его командовать. Флотом нет, это уже моё.

— Добрый день, Роман Исидорович, давненько не виделись, — покидая лодку, сказал я, подходя к группе встречающих офицеров. Почему-то все они были в полной форме русских офицеров со всеми наградами, шашкам и даже личным оружием.

Среди встречающих были в основном старшие офицеры. Большую часть я знал лично, познакомились ещё в Порт-Артуре, а вот некоторых видел впервые. Воронов, который с моего разрешения круто развернулся, брал добровольцами всех, кто желал показать японцам кузькину мать. Тут было три генерала, про Кондратьева я уже говорил, два адмирала, один из них Эссен, второй Небогатов, вот этого не ожидал увидеть, как мне было известно, тот службу не покидал, и что тот делал на месте сбора подразделений моих компаний, было не совсем понятно. Перед тем как я покинул Аргентину, о нём ничего не упоминалось. Помимо них были капитаны первого и второго ранга в количестве девяти человек, Воронова не было, тот находился в Италии, принимал грузовые суда, которые были спущены на воду и проходили оснащение. Пришлось доплатить, так-то мы их через месяц должны были получить. Воронов сам подобрал команды и принимал суда. Он и будет командовать этой звездой из шести остриёв.

Шесть полковников, два подполковника, один из них был пограничником. Два казака, подъесаулы. Причём один хорошо знакомый по боевым действиям, Елисеев, снятый мной с борта «Мариуполь» вместе со своей сотней во время своего последнего рейда на той войне. Наград прибавилось, а вот звание осталось прежним. Ещё около трёх десятков офицеров в меньших званиях, находилось в стороне, там были кавалеристы, артиллеристы, пехотинцы и моряки, и даже пара инженеров. Мелькали знакомые лица, например Головизнина, командира «Отрока», и Гаранина, командира вспомогательного крейсера «Американец». Поздоровавшись со всеми за руку, никого не пропустив, я осмотрелся, отметив большое количество зевак из местных, и обратился к Кондратьеву:

— Подразделения уже начали формироваться?

— Так точно, Максим Евгеньевич, — кивнул генерал. — Пока остаётся вопрос по формированию штаба.

— Этот вопрос можно решить прямо тут. На время операции вы должны стать сотрудниками

моих компаний, вам дадут фальшивые, можно сказать ненастоящие должности, со вполне настоящей зарплатой. Причём вполне приличной. Вы все поступите в сильно раздувшийся штат охраны моих предприятий, а в действительности как Воронов и говорил, мы пойдём воевать с японцами.

— Простите, господин профессор, — вежливо обратился ко мне адмирал Эссен, он помнил, что между нами пробежал холодок во время совместного рейда. — Боевые корабли будут?

— На месте добудем. Сейчас главное сформировать конвой из грузовых судов, чтобы вместили всех людей, припасы, вооружение и подготовить снабжение. Извините, что раздаю маршалские жезлы тут, прямо на пристани, но пора, тянуть уже нельзя. Значит так, адмирал Эссен, вы становитесь командующим флота на все время войны с Японией вплоть до её капитуляции. Адмирал Небогатов ваш начальник штаба, он же отвечает за снабжение и подготовку флота пока из тридцати семи судов к походу. Дальше людей распределите сами. Сразу сформируйте команды для крейсеров и броненосцев что мы добудем у Японцев. Пока на пять кораблей первой линии, дальше будет видно.

Мне было известно, что среди добровольцев была целиком команда броненосца «Цесаревич», так что для флагмана экипаж у нас был.

— Вы не слишком самоуверенны, господин Ларин? — спросил один из неизвестных мне капитанов второго ранга.

— Отнюдь, сколько я не воевал с японцами, каждый раз убеждался, что они не особо сложный противник. Вам известно, что такое военная хитрость?

— Известно, но я считаю, что настоящий офицер и дворянин должен грудью встречать опасность, лицом к лицу.

— А вот этого близко к боевым кораблям не подпускать, пусть снабжением занимается, — ткнул я пальцем в кавторанга, посмотрев на Эссена. Тот меня понял и утвердительно кивнул. — Из-за таких как он вы войну и проиграли. Солдат положил, зато герой. Настоящие офицеры должны положить солдат противника, с минимальными у себя потерями. Вот это я считаю нормальной работой на войне. Не подвигом, а именно работой, а вы кавторанг этого понимать не хотите, и я так понял, не поймёте... Ладно, Роман Исидорович, вы назначаетесь командовать сухопутными войсками. Подберите себе офицеров в штаб, начальника разведки и контрразведки. Кстати, по прибытию в Брест французы вам не мешали?

— Скорее усиленно любопытствовали, Максим Евгеньевич, — легко ответил Кондратенко. — Однако вот англичане как раз проявили на удивление наглое любопытство. Думаю, вашего прибытия ждали, чтобы вручить ноту протеста. Мне уже намекали, что такое большое количество пароходов набитых русскими военными в порту Бреста, им не нравится.

— Это да, — согласился я, мельком посмотрев на заполненный пароходами с флагами моих компаний, внешний рейд порта. — С этим надо будут что-то делать.

После поражения в войне с Японией, среди большинства офицеров и солдат росла англофобия, я бы даже сказал, распространялось мгновенно, так что англичан в моём экспедиционном корпусе не то что не любили, а очень даже ненавидели. Всей душой, если это можно так назвать. Ещё один момент, про него как раз англичане упомянули. Те, кто побывал в плену, давали подписки не воевать больше с Японией. Это есть и, к сожалению, с этим ничего не поделаешь. Однако такие подписки давали только те кто попал в плен во время боёв и, не дожидаясь окончания войны, давали подписку и их отправляли в Россию. Все кто тут

собрались таких расписок не давали, или терпеливо ждали окончания войны, или попали в плен после капитуляции Рождественского. Причём только тут я узнал, почему адмирал так поступил, хотя был достаточно твёрдым офицером и как раз предательства не терпел. А всё оказалось просто, к нему прибыл посыльный от императора, старая схема, и вручил приказ о капитуляции подписанную самим императором. А тот натуральный служака не проверив полученный документ, приказал сложить оружие и капитулировать. Вот после такой повторной подставы Российский император и взбесился. Аресты пошли и остальное. Если в реальности никого в доме Романовых он не тронул, то в этот раз серьёзно начал чистки своего аппарата. Не особо преуспел, по моему мнению, но родственничков от власти удалил. Вот только для серьёзных решений духу ему всё же не хватило, или жёнушка нашептала и утешила, успокоив его. Так что самая страшная кара за предательство среди Романовых, это десятилетняя ссылка в Сибирь. Вот помощники князей и княгинь, получили уже каторгу, да и то не все.

Не скажу что это забавно, хотя у меня и вызвало изумление, Кондратенко на момент капитуляции так же командовал обороной и Рождественскому ни он, ни его штаб не подчинялся, однако генерал отбыл на дальний форт, и адмирал, получив извещение, капитулировал через его голову. Когда командующий обороной об этом узнал, то было поздно, японцы уже входили в город, растекаясь по улицам. Заняв оборону в форте, генерал держался ещё четыре дня и был вынужден капитулировать, когда закончилось продовольствие и запас воды. Вот такая странная та была война. Именно Кондратенко сказал историческую фразу, которую распечатали все российские и часть иностранных газет. *«Русская армия воевала с Японией, а получил нож в спину от своих».*

Именно Кондратенко прибыв в Питер, первым подал в отставку, дальше это уже пошло лавиной. На многие теологические споры отвечал тот частенько, *«каков император такая и канцелярия»*, что закрыло ему двери многих домов высшего света. Эту фразу он сказал, когда некоторые приверженцы императора сообщили, что к капитуляции Николай не имел никакого отношения, произошла трагическая ошибка, вернее предательство. Ещё одно, именно Кондратенко отвесил адмиралу Рождественскому знатную оплеуху в один из балов, что устраивал министр двора. Тогда адмирала ещё не осудили, шло следствие. В общем, Роман Исидорович в России был среди знати с одной стороны герой той войны, дрался до конца, с другой явно переходил в стан революционеров. Это уже на него собак стали вешать, как ни странно как остался тот монархистом, так и оставался. Не сдержанность ранее не замеченная в нём, проявилась после окончания войны с Японией. Ах да, за время осады, генерала пытались убить четыре раза. Дважды в него стреляли свои же офицеры, обошлось, потом был старый китаец-крестьянин и в четвёртый раз пытались взорвать, кто именно выяснить так и не удалось. Генерала задержал адъютант у дома, тому доставили послание, и дом разлетелся на куски. Генерал и адъютант получили контузии, прислуга из трёх человек погибли внутри дома. Вот такие дела.

Долго мы на пирсе не пробыли, закончив с распределением и частичным знакомством с офицерами, мы отбыли на флагманский борт пассажирского лайнера, на котором и держали свои флаги Эссен и Кондратенко. Французские власти мне сообщили, что не желают видеть русских солдат и моряков на своей земле, исключение делалось лишь для офицеров, так что те свободно отдыхали или совершали прогулки по городу. За этим пристально следил подполковник-пограничник, которого я поставил начальником контрразведки. Ему была поставлена задача не допустить вербовки русских офицеров со стороны Франции ли Англии. А это возможно, в чём был убеждён не только я, но и он сам. Выделив ему десять солдат и четырёх в меру вменяемых молодых офицеров, я и поставил ему эту задачу, пусть дальше сам решает, всё же какой-никакой опыт тот имел, занимался нечто подобным в Порт-Артуре, когда

убило разрывом снаряда начальника контрразведки. Этот отдел развернул ещё Макаров, а упавшее знамя подхватил Кондратенко.

Дальше в течение шести дней я помогал организовывать нормальную работу двух штабов, сухопутных войск и флота, когда убедился, что оба работают вполне нормально и стабильно, усилил смотр добровольцев на судах. Прямо на борту шло формирование разных рот и подразделений. Уже широким потоком на эти суда пошло оснащение, вооружение и боеприпасы. Удалось оснастить формой и шлемами два полка солдат, вооружить их, причём пулемётами даже с избытками. Я имею ввиду «мадсенами». Удалось и «Максимы» достать в количестве сорока единиц, мы четыре отдельных пулемётных роты сформировали, но работали через контрабандистов. Причём покупка вооружения во Франции шла так же скрыто, но с одобрения правительства страны. Вы бы знали, чего мне это стоило. Похоже, финансы у меня скоро запоют романсы, я всё вложил в это дело. Алмазы уходили со свистом, но денег пока хватало, так что, похоже, справимся. Закупка морских пушек для будущих вспомогательных крейсеров так же шла и смех и грех. Вроде тайком, а многие об этом знали. Правда японцы об этом тоже быстро узнали и вручили ноту правительству Франции, так что этот поток перекрыли. Поздно японцы спохватились, всё что надо мы уже получили. В общем, через шесть дней, когда часть добровольцев были оснащены, грузовые суда погружены боеприпасами, продовольствием и даже водой по грузовую марку, я отправил практически всех в Африку. С караваном из сорока двух судов шло восемь арендованных нами угольщиков. Место высадки для организации лагеря на берегу и тренировок я уже указал, так что большая часть добровольцев ушла. Осталось одно судно, где находились начальники штабов флота и корпуса. Именно на них было подготовка к снабжению и продолжению оснащения корпуса и грузовой эскадры. После осмотра всех судов моряки признали годными всего семнадцать из них для оснащения под вспомогательные крейсера.

Ладно, это их дела, придут к берегам Африки, и пока пехота с артиллеристами и казаками, у последних было всего сотня лошадей, проводят тренировки, флот проведёт модернизацию семнадцати отобранных судов и начнёт манёвры для набора опыта совместного похода и взаимодействия. На всё про всё я давал не больше месяца. Последние добровольцы уже должны были покинуть Россию и отправиться к нам, в Брест. Их вёл полковник Добровольский, его уже назначили начальником разведки, даже отдел в штабе корпуса формировался и более того выделили полуроту для формирования подразделения пешей разведки.

Перед уходом каравана с командующими, я, вернее даже мои люди из компаний, успели оформить всех добровольцев в охрану. Так что по спискам у нас проходили все. Никто не прицепиться, что с нами варяги воюют. Вот, если что официально числятся в списках сотрудников компаний, так что они отстаивают честь и желают отомстить вероломным японцам за незаконный арест нашего судна в их порту. Не подкопаешься. Было для меня немного странным поведение Франции и Англии, на ноты послов Японии они реагировали, что есть то есть, однако держали демонстративно выжидательную позицию с пристальным интересом наблюдая за сборами корпуса и флота. Палки в колёса конечно вставляли, поначалу ещё как, но после моего прибытия стали с этим прекращать. Ещё бы, если исполнители мрут как мухи, кто же решится продолжать работу против нас. Пытались эти трупы на нас повести, да куда там, свидетелей нет и всё тут.

Полностью оставив работы по подготовке на начальниках штабов, я с головой углубился уже в свою подготовку. Достройка первого авианосца в этом мире шла к завершению, я там часто пропадал, но был доволен результатами. Самый крупный и скоростной пароход американской постройки, да ещё и радиофицированный был выкуплен моими директорами у прошлых хозяев и поставлен в док Бреста на модернизацию. Фактически французские инженеры его

разбирали. Работали аврально, но качественно, через три недели должны завершить. Теперь рубка и две трубы сместились к правому борту, а по всей палубе был деревянный настил лётной палубы. Такую же палубу плотники сколотили на аэродроме и двадцать шесть лётчиков-добровольцев учились взлетать с неё с грузом и совершать посадки, как с грузом, так и без. Тренировки, где мы потеряли три самолёта разбитыми, показали, что посадку совершать нужно только пустыми, так что бомбы должны сбрасываться в воду, ну или на цель. В такие тренировки и писались инструкции для будущих лётчиков морской авиации. Техподразделение я так же формировал, возглавит его инженер Перье, почти сотня техников, оружейников и ремонтников собиралось. Команду для самого авианосца предоставит флот, капитан и часть команды уже были, они в порту ожидали окончания строительства. Капитан так присутствовал при изменениях. Ему было известно, что ждать на выходе, а задача, поставленная мной, наблюдать и не дать французам как-то навредить будущему авианосцу. В принципе Перье занимался тем же самым.

Кстати, не думайте, что я отправил первую группу без авиационного прикрытия. Нет, на два судна было погружено четыре гидросамолёта-разведчика, их с помощью крана можно спускать на воду или поднимать с неё, так что разведку проводить по ходу движения они могут. Даже не только могут, но и будут. Эссену я поставил задачу чаще использовать самолёты и воздушных наблюдателей, нужно учиться взаимодействовать с этим новым родом войск, о котором мои добровольцы пока не имеют никакого понятия. Что ж, они же первыми и получают опыт применения авиации, причём боевой опыт.

Для своей яхты, она стала флагманом главнокомандующим, а именно эту должность я взвалил на себя, была подобрана команда. Командиром стал молодой лейтенант, в прошлую войну командир миноносца. Он знал, что должность временная, что как только в моём флоте появятся военные корабли тот получит если не крейсер, так миноносец, но и яхта ему нравилась. Вот он и «сбегал» за ушедшим караваном, заодно тренируя и спаивая экипаж, и вернувшись, сообщил, что караван сопровождают как французские военные корабли, так и английские. Вроде даже итальянцы и германцы отметились парой кораблей. Причём англичане, новаторы, для разведки ещё и гидросамолёт нашей постройки используют. Быстро они его усвоили. Ничего, все четыре наших разведчика вооружены «Мадсенами» на вертлюге с авиационными прицелами, которые ещё проходили тестирование, есть чем отбиться.

Вот так вот и шла подготовка. Причём как я замечал, что чем дальше, тем больше возрастало сопротивление властей, похоже, уже через несколько дней нас отсюда «попросят». Прибыла группа судов с последними добровольцами из России в количестве пяти с половиной тысяч человек, как раз в этот же день, маневрируя на ходу, шли тренировки, подошёл и Воронов из Италии на новеньких судах. На них погрузили часть вооружения, припасов и по роте солдат. В общем, всё было готово, авианосец уже покинул док и проводил ходовые испытания, отклонения не было, девятнадцать узлов, да и качка не опрокидывала его, как предрекали многие. Дальше пошла загрузка. Один только авианосец загружали три дня, отчего он сильно осел в воду, и теперь ход давал семнадцать с половиной узлов. Ну да ладно, самолёты на месте, небольшой запас топлива для них, остальные запасы топлива и авиабомб, с другими боеприпасами были на двух приписанных к авианосцу транспортах. В основном на авианосце размещались самолёты, люди, больше количество запчастей из которых можно собрать ещё с десятков самолётов разных типов. Ну и остальное. К берегам Африки, куда ушёл флот и корпус я уже дважды отправлял небольшие конвои с припасами, вооружением и амуницией. Последними переодели добровольцев полковника Добровольского, вооружили уже в море. Когда мы покинули воды Франции, на судах Воронова начались авральные работы. Устанавливались пушки и по одному зенитному пулемёту. Последние мои поделки на эту тему. Пушек было по три, одна стодвадцатимиллиметровая главный калибр, и две семидесятишестимиллиметровые.

На других вспомогательных крейсерах вооружение схожее. Разве что на некоторых ещё планируется установить минные аппараты. Но не на всех, не хватало, мало закупить смогли, всего двадцать два аппарата на три сотни мин. Что меня позабавило, а многих добровольцев порадовало, до слёз, жители Бреста провожали нас с цветами на руках, подходили шлюпки и лодки, цветы передавали всем, офицерам и обычным солдатам и морякам. Напутствий было много, но ясно, что нам желали победу.

Когда порт остался позади нашего достаточно крупного каравана из двадцати трёх судов, с нами шло дополнительно шесть угольщиков, их я не считал, это чистые наёмники, частный фрахт, как их трюмы от угля освободятся, то всё, свободны как ветер. Так вот, когда порт скрылся за горизонтом, я повернулся к Эриху и сказал:

— Ну что, теперь поздно передумывать, мы на пути к победе. Шанс я тебе давал.

— Чтобы я пропустил такой материал? — покачал головой немец. — Ты меня плохо знаешь.

— Да нет, почему же, хорошо, поэтому и согласился с собой взять. Ты единственный аккредитованный журналист в моём флоте, пользуйся этим.

Эрих кивнул, он об этом знал, и отошёл в сторону с треногой фотоаппарата на плече. Фотографа взять я не разрешил, так как знал что Эрих сам отличный фотограф, вот он и стал искать место на палубе, чтобы сделать пару снимков идущего под дымом каравана. Подготовился он для похода знатно, недостатка и материала для съёмок не испытывал, так что мог тратить как хотел. Эрих также понимал, что поход этот исторический.

Отойдя в сторону, чтобы не мешать команде, хотя какая тут команда, одиннадцать человек во главе с капитаном, у него и старпом один в звании мичмана. Между прочим, с моего согласия добровольцами к нам прибыло порядка сотни офицеров русского флота для получения боевого опыта, в основном лейтенанты и мичманы, примерно пятьдесят офицеров было сухопутных разных родов войск. Даже пара лётчиков имелось, я их на авианосец не пускал, разведчиками на гидросамолёты с Эссеном ушли. Связь с ним мы держим, самолёты он действительно использует часто, даже поблагодарил меня за такой бесценный подарок. Один самолёт разбить сумели при посадке, но достали из воды и сейчас ремонтируют, благо есть чем. Лётчик пострадал, но уже через две недели должен вернуться встрой.

Ладно, это всё потом, так вот, отойдя в сторону, не мешая команде, я облокотился о леера и посмотрел вдаль, за горизонт. Моя яхта шла во главе каравана, остальные за нами, так что никто не мешал мне любоваться закатом. Лишь пара британских крейсеров, что маячила в стороне, не давали сосредоточиться. Вот как у них получается, раздражать одним только своим видом? Пусть их. Так вот, подготовка действительно близилась к завершению. Однако у берегов Африки мы задержимся ещё на пару недель, тут и скорое пополнение из Франции, дополнительный боезапас, мины, бомбы и остальное, что выделывают на моих заводах или по заказу на других, а так же тренировки пехоты. Отрабатывались штурмы высоток, причём не в лоб, я отметил это, а под прикрытием пулемётов и всего одной лёгкой пушечной батареей на весь корпус обходным манёвром. Атаки в лоб я вообще запретил, с изменением в вооружении в армиях, теперь это не просто лишено смысла, а преступно. На последнее слово нажал. Кондратьев был со мной согласен, нужно воевать малой кровью, он и сам стремился к этому. Посмотрим, к чему привели учения за последние недели.

Честно говоря, за последние дни до выхода я сильно уставал, не столько физически сколько морально. Очень трудно контролировать всё. Вернее я контролировал людей, что выполняли

мои поручения, однако, помимо этого ещё приходилось общаться с разными людьми. Правительство Франции постоянно слало в Брест своих эмиссаров. А уж как уговаривали взять на борт наблюдателей, ненамного слабее англичан. Последние меня начали раздражать всё больше и больше. Они то ли забыли про своё соглашение подписанное королём, то ли стали игнорировать его. Вели себя вызывающе нагло и чем больше я наблюдал за ними, тем больше понимал, что японцы с судном моей компании действовали по их науськанью. Да и догадаться об этом было не сложно, нашли возможность спровоцировать меня, ну и посмотреть на новое оружие — авиацию, как она применяется и как используется. Надо сказать хитрый ход. Понимали, что я не удержусь и буду её испытывать, а посмотреть, что та из себя представляет, они жуть как хотели.

Вот в такой нервотрёпке я и собирался. А когда вахтенный матрос за три дня до назначенного дня отбытия сообщил что ко мне прибыли две женщины, я не сразу отреагировал. Добиться встречи со мной хотели многие, уже полсотни французов из отставных военных пополнили ряды корпуса и флота, некоторые пребывали с жёнами, но тут чисто две женщины. Я недоумевал и, покинув каюту, ночевал в ней, уже в сгущающихся сумерках подошёл к борту и с удивлением увидел в лодке Терезу и Изабеллу. Ничего себе, это сколько же наглости надо иметь, чтобы заявится ко мне? Вид их надо сказать был впечатляющ. Некогда красивые платья были изрядно замызганы и грязны, у Изабелл краснела щека и имелась царапина, на шее засос, который та стеснительно пыталась прикрыть уцелевшим шарфиком. А вот у Терезы имелся бланш на пол лица. Потасканность обеих «дам» была видна не вооружённым взглядом.

— Добрый день... кхм, дамы, чему обязан?

«Дамы», вернее то, что от них осталось после французских ночлежек, смущенно отводили глаза и молчали. Вздохнув, я вызвал вахтенного офицера и, ткнув в них пальцем, приказал:

— Накормить, переодеть, поселить в гостинице и ближайшим судном отправить в Аргентину. Выполнять.

После этого я развернулся и направился обратно к себе в каюту, за отчёты, а мичман стал выполнять мой приказ. Пускать этих вроде уже завшивевших «дам» на борт своего судна, я не собирался. Умерли, так умерли. Я уже и забыть про них успел, это же надо было набраться такой наглости и, узнав, что я в порту, добраться до меня. Пришлось ещё и деньги выделять, чтобы мичман выполнил поручение. Могли и сами заработать на билет обратно, на спине, но видимо обратится ко мне, посчитали решением своих проблем. Вот я и решил. Попытаются ещё раз со мной встретиться, собак на них спущу. Нет их? Заведу. В Аргентине в поместьях у меня сторожевые собаки есть.

Встреча эта была неприятной, однако я быстро забыл про неё, занимаясь делами, лишь чуть позже мичман сообщил, что мой приказ выполнен. Видя, что я не понимаю какой, по моему недоумевающему виду, пояснил, что он имел ввиду аргентинок. На борт судна посажены и отправлены домой. Я лишь поблагодарил его за службу и почти сразу забыл об этом, меня закрутил круговорот дел, шёл последний день перед отходом.

Подготовка шла тяжело, это на себе испытал я, мои директора и их службы снабжения, именно на них и легла большая часть работы. Причём до конца они её не выполнили, было недостаток авиабомб, и части боеприпасов, суда с обеспечением мы будем ждать у назначенного места, грузовики для перевозки уже подготовлены, четыре стояли в порту, ещё пять должны подойти, их перегоняли. По предварительным расчётам в поход идут семьдесят три судна, из них на тридцати пяти солдаты, остальное обеспечение. Несколько больше чем в моих расчетах, что я делал ещё в Аргентине, но поверьте, брал всё самое необходимое, надеясь

на трофеи. Ведь как я думал, что соберу тысяч десять-пятнадцать добровольцев, а количество уже приближалось к двадцати пяти тысячам. Ха стоит вспомнить нашу встречу с Еном, он мной был командиром пулемётной роты поставлен, поручик и кавалер трёх орденов. Опытным рубакой стал, надеюсь и тут покажет себя во всей красе.

Вот так вот я и стоял, рассматривая закат и обдумывая дальнейшие шаги. Всё уже было распланировано, однако мелкие детали могут изменить эти планы. Ситуация в принципе для воюющей стороны нормальная, вот и приходится думать как реагировать на ту или иную проблему. Пока проблема у меня в англичанах. Уверен, каждое моё движение или каждое судно известно японцам через них. Значит нужно сделать так, чтобы сбросить хвост, что в начале похода до входа в воды Индийского океана проблематично. Я не говорю что не реально, но проблематично. Вздохнув, со стороны, где находился Эрих, мелькнули несколько раз вспышки фотоаппарата, я разогнулся и направился к себе. Караваном командовал капитан второго ранга Дебальцев, из новоприбывших добровольцев, он загоняя коней, смог, успел добрать из своего поместья в Твери до Питера с компанией своих друзей и знакомых чтобы записаться в добровольцы. Уходили они одними из последних. Думаю, добровольцы ещё будут, со всей страны стекались, однако ждать их уже не было возможности. Правда, Дебальцев уговорил Добровольцева оставить одно судно для опоздавших. Если всё будет нормально, догонят те нас с одним из караванов обеспечения что через неделю выйдет их Бреста следом за нами. Сам Дебальцев в Русско-Японскую войну участия не принимал, простоял у стенки командиром миноносца на Балтийском флоте. Офицер достаточно опытный, хотя и без боевого опыта, руководил хорошо и грамотно, вот я его и поставил командовать караваном. Пусть учиться. Суда все радиофицированы, что позволяет достаточно неплохо управлять караваном. Пока Дебальцев ругался, несколько транспортов рыскали на курсе, вываливаясь из строя, он флаг на авианосце поднял, я отправился спать.

Сам поход до Африки обошёлся без серьёзных происшествий. Разве что на второй день начались интенсивные тренировки лётчиков, те учились взлетать с палубы и совершать посадку без грузов. Пока учились это делать на стоявшем авианосце, вот посадки и взлёты на ходу боевого судна, им ещё предстоит, это в планах по тренировкам указано. Сам авианосец мы тоже вооружили, четырьмя семидесятишестимиллиметровыми пушками и тремя зенитными пулемётами. Пока хватит. Технический состав авиаэскадрильи, это название уже вошло в обиход, был достаточно обширен. Я не говорю про техников и ремонтников что занимались обслуживанием самолётов, а имелись в виду сами машины. Было четыре истребителя, больше для набирания опыта брал, по два лётчика на один истребитель, можно летать посменно, как техники подготовят самолёт. Потом было восемнадцать бомбардировщиков-бипланов с максимальной загрузкой в шестьсот килограмм. У нас были бомболуки и держатели под бомбы, пятидесяти килограмм, сотки и пятисотки. Правда пятисоток было мало, едва две сотни успели отлить и подготовить. Детонаторы меня немного смущали, но надеюсь, количество отказов не превысит двадцати процентов. Это ещё нормально. На бомбардировщиках, а они были похожи на «У-2» из будущего, было место для штурмана-стрелка, сброс осуществлял лётчик. У истребителей стояли спаренные «Мадсены», стреляли те через винт, очень сложно было сделать синхронизаторы, но инженеры моей компании справились. Ну и я им немного помог. Истребители всё же были нужны, уверен, что у японцев будут самолёты. Англичане закупили у нас двадцать гидросамолётов бипланов, сколько-то бомбардировщиков, вроде восемь, и всё, истребители они не брали, то есть заказ им был пока не готов. Часть уже готового заказа забрал я, будем воевать на истребителях не ставших английскими, или что вероятнее — японскими.

Последние сутки до прибытия на место, я находился на авианосце, один из лётчиков разбил при посадке бомбардировщик, ни он, ни штурман не пострадали, однако машина требовала

серьёзного ремонта, у них стойка шасси надломилась, вот они и пропахали настил. Дальше, после ремонта настила, благо запас крепких и толстых досок имелся, мы проводили учебные бомбометания, стальные болванки под видом бомб вешали и те учились взлетать под грузом. Одно удалось выяснить быстро, взлететь с пятисот килограммовой бомбы с авианосца нереально, длины взлётной полосы не хватало, да и вешая сотни пришлось понижать бомбовую нагрузку до четырёх бомб-соток. Хорошо лётчик успел сбросить пустышку и приводнился. Так что, отвернув, авианосец сбросил ход, а шли мы отдельно от каравана по его правому траверзу, и подняли на борт с помощью кран балки не успевшей затонуть самолёт и лётчиков. Самолёт сейчас на ремонте, лётчики изучают курс морской авиации. Это я писал после выхода из порта, а сейчас выдал к ознакомлению.

Командовал авиаполком капитан второго ранга мой однофамилец, Константин Ларин. Опытным военачальником в этом роде войск он, конечно же, не был, да и вообще пришёл к нам из кавалерии, однако учился и познавал, как и все тренировками и учениями. То, что было повреждено всего два самолёта, меня не расстраивало, я бы даже сказал, порадовало, что обошлись без серьёзных проблем. Вот пока шли, мы и устраивали игры, я ставил задачу, мол, предположительно там-то и там-то должен находить корабль или эскадра противника. Вылетал разведчиком с лётнабом, на борту, часто это был сам Ларин, последних готовили отдельно и специально. Обнаружив неприятеля, тот возвращался и давал ракету, снова поворачивая. Именно лётнаб и проводил наблюдение за атаками кораблей противника, и более того делал съёмку сверху специальным фотоаппаратом. Нам две единицы со специальной плёнкой выделали в хозяйстве одного французского промышленника, который массово начал выпускать фотоаппараты. Мой заказ на такие специализированные, чтобы можно было вести съёмку на скорости, и было чётко видно, тот сделал, даже объектив. Обе машины экспериментальные, и существуют всего в двух экземплярах. Пробные. Ладно хоть их успели сделать за эти полтора месяца.

На борту авианосца было шесть пока слабо подготовленных лётнабов, время им нужно для того чтобы опыта набраться, и специальное помещение с двумя специалистами для проявления плёнки. Разведчики тренировались на крейсерах сопровождения разных стран, что шли неподалёку от нас. Потом снимки проявлялись и лётчики, получая необходимый опыт, на снимках показывали с какой стороны они бы заходили в атаку. Слушая их, я даже жалел, что торпедоносцы мне пока не доступны, может через пару лет я и смогу поднять в воздух такое судно, что способно нести мину, тоже ведь конструировать нужно, но пока не было. Вот так вот мы и учились. Тренировались, горючего и ресурса самолётов я не жалел, было чем их поднять. Вот в трюме две сотни запасных моторов, весь резерв с авиамоторного забрал с запчастями.

Насчёт звания командира авиаполка, между прочим, командовал на авианосце он, я не оговорился. Корабль к флоту приписан, соответственно и лётчики военно-морские, вот и звания соответствовали. Все кто получал корочки в моей авиашколе, по распределению если попадали в морской авиаполк, то мичмана, если в сухопутную авиацию, корнет. Сейчас в полку состоявшим из двух с половиной десятков всевозможных воздушных судов было сорок три мичмана, восемь лейтенантов и два капитана второго ранга. Второй — это инженер полка Перье.

Сухопутные лётчики у нас были, на борту одного из судов было десять бомбардировщиков в разобранном виде, четыре истребителя и шесть разведчиков. Так же там же было два транспортных воздушных судна. Те самые «аэробусы». Пригодятся. Командовал эскадрильей ротмистр Васильев, из артиллеристов и отчаянный истребитель. Кстати, у него был явно природный дар к этому делу. В отличие от моряков сухопутники могли лишь наблюдать за их тренировками, до дела у них дойдёт не так и скоро, ещё до Японии идти надо.

Наконец вдали показались немногочисленные дымы, у части судов стоявших на рейде у берега в большой не занятой бухте были потушены топки, часть пехоты проживало прямо на борту, часть в палатках на берегу. Не всем их хватало. Наше прибытие встретили с триумфом, и холостыми выстрелами пушек, приветствуя мой флаг. А что я взял флаг одной из своих компаний и сделал его своим личным, то есть флагом командующего.

После приветствия, на следующий день, Кондратьев и Эссен продемонстрировали, что они успели освоить. Вполне неплохо, штурм высоты при поддержке морских орудий со вспомогательных крейсеров. Единственная пушечная батарея перевозилось грузовиками, их было десять на четыре пушки, и три легковых автомобиля, командира и два разведывательных со снятыми крышами и пулемётами на треногах. Артиллерийская разведка. У них на машине была рация, на батарее тоже, корректировка такая, что в первое дни во время учений артиллеристы пребыли в нирване. За время этих трёхнедельных учений они сломали половину машин, сами же их починили, запчасти были, так что новое вооружение и технику освоили и были уверены в своих действиях. В общем, демонстрация длилась целые сутки, даже ночной бой предъявили. Потом пока адмирал и генерал осматривали новичков, формируя подразделения, был сформирован ещё один, четвёртый по числу пехотный полк. Кстати, многих удивляло, что я артиллеристам на батарею приказал передать два «Мадсена», пусть будут для защиты на случай возможной атаки кавалерии или пехоты противника.

Тут же две сотни казаков начали понимать, почему лошадей у них не было, они получили шесть грузовиков и три десятка фаэтонов с пулемётами и водителями. За эти дни они их так погоняли, что механикам пришлось изрядно поломать голову, чтобы отремонтировать, но теперь сотники знали чего ожидать от этой техники и вполне её одобрили, хотя коней всё равно баловали и холили. Правда на этом автомобилей больше не было, лошади которых мы везли это для посыльных и командования. Единственно четыре радиных грузовика имелось. Они пошли для Кондратенко, один на батарею и три в штабе генерала. Тот тоже учился их использовать и пребывал в довольстве. Такого оснащения от России он бы никогда не получил, а у нас что не попроси, всё доставали.

После показанных учений, всего две машины сломались, но их быстро ввели в строй, я похвалил всех присутствующих офицеров и попросил три дня на подготовку уже своей атаки высоты. Три дня, кажется, что это много, но мне едва хватило. Казаки гоняли наблюдателей из англичан, в лагерь их к полному их бешенству вообще не пускали, а мы готовили окопы и чучела солдат противника. Делали из соломы, травы в прериях вокруг хватало. Вот дальше, офицеров я изрядно впечатлил. Когда был отдан приказ штурмовать высоту, полк что должен был это делать, остался на месте, лишь артиллеристы, сменив позицию, готовились открыть огонь. Сначала в небе появился разведчик с лётнабом на борту, а когда подошёл строй бомбардировщиков из семнадцати судов, с настоящими бомбами, а не пустышками, лётнаб с разведчика, это был Ларин, пустил три ракеты по отмеченным целям. На подходе самолёты разделились по группам в пять и шесть самолётов и стали бомбардировать высоту. Бомбы сотки поднимали большие фонтаны и так перепаханной земли, потом окопы проштурмовали истребители, а последующий за ними второй разведчик сбросил дымовые шашки, причём так чтобы уцелевшей пехоте и артиллеристам противника, если их остатки ещё не побежали, не видно было куда стрелять. После этого две взвода гранатомётчиков под прикрытием пулемётчиков рывком подобралась к окопам и закидали их ручными гранатами, начав зачистку окопов. Вот только после этого дальше двинул и полк, занимать отбитые позиции. Флот в этом бою участия не принимал, но был готов на случай если потребуется поддержать огоньком. Нет, всё же дал я им поучаствовать. Лётнаб с самолёта пустил ракету за холм, якобы подходили подкрепления противника, и пушки со вспомогательных корсаров накрыли там приличные площади. Вот после этого мы ещё два дня разбирали каждый момент этого боя

проведённых учений. Потом было проведено ещё несколько и когда прибыли оставшиеся припасы и боезапас, включая полтысячи добровольцев, мы снялись с якоря и двинули вдоль африканского побережья в сторону мыса Доброй Надежды, по пути подобрав аргентинских военных. Англичане так и не заметили, что караван ночью покинуло восемь судов, самых скоростных во главе с моей яхтой и двинул вперёд. У нас было своё задание, а вот Набоков, что принял флот вместо ушедшего со мной Эссена, повёл караван по заранее рассчитанному пути. Вот по этому пути адмиралу надо будет как-то сбросить соглядатаев. Те в последние дни вели себя осторожно. Англичане стояли на якорях в соседней бухте, по берегу засылая к нам разведчиков. Пришлось отправить к ним одиночный бомбардировщик, и тот сотками перепыхал пляж. Намёк был ясен, и англичане снизили напор.

Ну вот наконец я и на воле, сброшен гигантский груз на ногах в виде каравана судов с войсками и обеспечением. Повесив эту тяжкую работу на адмирала Небогатова, мой небольшой отряд гражданских судов, переделанный под вспомогательные крейсера, даже на моей яхте стояла семидесятишестимиллиметровая пушка и два минно-торпедных аппарата, направились дальше. Наша задача была сделать рывок вперёд, чего англичане, и уж тем более японцы не ожидают, и воспользоваться этим. А чтобы соглядатаем не дать подойти и не подсчитать, сколько судов в караване, Небогатов должен использовать авиацию. Один раз мы её уже использовали, теперь будем бомбить прицельно. Правда использовать я разрешил пустышки, однако, и это серьёзная угроза. Заодно и лётчики потренируются бомбитьдвигающиеся боевые корабли. Всё чем-то полезны будут нагличане. Помимо этого Небогатову строго настрого был поставлен приказ беречь авианосец, у нас основная надежда на него. Так что тот должен идти в порядке вспомогательных крейсеров, им Воронов командует, если будут стоянки, для пополнения питьевой водой, например, так же окружать его другими судами. При этом те, что везли боеприпасы, должны стоять или двигаться отдельно, чтобы в случае детонации других не зацепить. В общем, инструкций я оставил много. Одна из них гласила, в случае атаки, любым кораблём любого государства не медлить и открывать огонь в ответ. Поднимать самолёты и бомбить. То есть адекватно отвечать на агрессию. Именно поэтому я оставил авианосец с основным отрядом, и забрал с собой лишь сухопутников и два гидро-разведчика.

Ладно, встретимся с Набогавым, снова соединившись с караваном, тогда и узнаем каковы успехи в походе. Тот был отличным офицером я и думаю, что всё будет в порядке. А наша группа, уходя подальше от берегов Африки, так же скрываясь от всех, кто нас мог увидеть, транспортные дороги остались далеко в стороне, двинули в сторону Филиппин. С нами было два угольщика, у основного каравана две бункеровки планируется, не смотря на то, что угля хватало. Нам нужен запас и я заранее оплатил, чтобы уголь на месте был.

Наш рывок прошёл успешно, никто нас не заметил и не ожидал. Днём, двигаясь на среднем ходу, мы запускали разведчика, и тот уводил нас в сторону от случайных встреч. Именно поэтому никто так и не узнал, что наш караван разделился. Причём тут и основная группа помогла. А дело в том, что три радиста, а у нас все суда были радиофицированы, проводили радиоигру, и все суда с имеющимися позывными, что со мной ушли, согласно этой радиоигре никуда якобы не уходили. Там специальный офицер из контрразведки этим занимался, получая необходимый опыт обдуривания противника. Англичане и гидросамолёты наверняка пошлют, но их встретят наши, вооружённые пулемётами и прогонят. Штурманам-стрелкам в случае нагнетания обстановки разрешалось открывать огонь на поражение. Конечно наш караван англичанам с их четырьмя крейсерами и судами поддержки им на один зуб, но наш джокер авианосец, вот его и должны беречь. То есть в случае если нагличане нападут, а это вполне реально, мы можем адекватно ответить. Правда, то что нападении будет, я не уверен. Им это просто не нужно. Добивались войны с Японией, для чего же им самим бить нас, лучше

посмотреть на всё со стороны и проанализировать получившиеся результаты. Нет, наш караван не тронут, уверен.

А вот мы, напрягая машины, рвались вперёд. Шли на среднем ходу только ночью, а днём переходили на максимальный. Причём было два максимальных хода, это когда уголь тоннами в топку улетает, и когда идёшь быстро, но немного экономично, теряя при этом пару узлов. Вот мы таким экономичным ходом и шли. Оставили Мадагаскар по левому борту, добрались до Австралии, там между островами Индонезии и Новой Гвинеи выбрались в Тихий океан и двинули к Тайваню. Вот она моя цель.

Нормально оборудованных портов на острове было мало, разве что в столице Тайваня, Тайбэй, который японцы переименовали в Тайхоку. Проведённая под вечер авиаразведка показала, что в бухте стояло два десятка судов и четыре из них, как определили специалисты по снимкам, были военными. Два миноносца, судя по размерам, броненосный крейсер, даже определили что это «Касуга», который я с Эссеном брал на абордаж и тот вступил в строй в составе Российского флота Тихоокеанской эскадры вместе со своим братом близнецом. Тот правда погиб под Чемульпо, сейчас вроде покоится на дне, но вот этот крейсер восстановили и он стоит на якоре в бухте Тайбэя. Четвёртый корабль сказать сложно, он был с краю снимка и не совсем чётким, однако по всем признакам и размеру это старый броненосец береговой обороны. Вполне возможно «Фусо» который пережил ту войну.

Вполне неплохо. Высадка проходила ночью на необорудованный, но вполне удобный пляж, как можно дальше от населённых пунктов аборигенов. Транспортные средства доставили на берег людей, причём специальными понтонами началась разгрузка техники. Автомобилей для казаков и артиллерийская батарея. Это и были мои силы, кроме лётчиков, они ожидали пока мы возьмём порт, два батальона пехоты, две сотни казаков, артиллерийская батарея и разведчики. Подразделениями на земле командовал полковник Ларцев, командир второго полка. После учений я определил, кто из офицеров больше всего расположен внедрять новинки, им и был Ларцев. Когда высадка закончилась, я остался на борту совей яхты и, проследив, как подразделения по дороге двинули к Тайбэю, последовал их примеру, только морем.

Никакой охраны в порту не было, если и был замечен разведчик, то это никак не повлияло на ситуацию. В порт мы входили нагло при всех сигнальных огнях и даже прожекторах под английскими флагами. С лоцманского поста нас запросили и пока Ен играл с ними в игру угадай кто мы, суда, что успели войти в порт, резко дали ход и, походя к боевым кораблям, выпускали из своих недр специально подготовленные абордажные команды. У нас их правда было всего две роты, их и пустили на захват крейсера и броненосца, а вот миноносцы что стояли у причальной стенки, брала пехотная полурота, сосредоточившаяся на борту моей яхты. Миноносцы находились дальше, поэтому моя яхта вошла в порт первой, и добралась до них одновременно с другими судами до японцев. Фактически абордаж проходил одновременно. В момент начала захват в небо были запущены сигнальные ракеты, это для Ларцева, что уже подошёл к городу и полроты начали растекаться по городу, занимая важные здания. Вот казаки те действовали нагло, захватили здание телеграфа, он тут был, и атаковали казармы японских солдат. По нашей информации в городе был расквартирован полнокровный батальон японцев. Вот их и взяли штурмом, закидывая казармы гранатами и бутылками с зажигательной смесью. Война началась, но не по нашей вине. Сейчас казаки брали тюрьму, надеюсь экипаж моего судна, арестованного японцами, там. Самого судна в порту я не заметил. Кстати, с четвёртым кораблём офицеры ошиблись. Это был не «Фусо», а «Фудзи», поднятый со дна бухты Сасебо, отремонтированный от повреждений и вернувшийся в строй. Правда, Эссен собирался поднять флаг на «Касуга», которому собирались вернуть прежнее название «Кореец», с

которым он ходил под русским военно-морским флагом. Там ещё работы непочатый край, так что адмиралу я не мешал.

Когда наступил рассвет, это произошло через час после начала атаки, порт и все суда, включая боевые, стали нашими. Разъезды вокруг города ловили беглецов, там как местные жители были, так и японцы, из тех, что ночевали в городе и пытались бежать. Их всех возвращали назад. Такие секреты составлялись из разведчиков. Когда город был полностью взят, моряки осваивали захваченные корабли, то их сменила одна из пехотных рот, а Ларцев с одним из батальонов двинул под прикрытием казаков и артиллерийской батареей по дорогам брать другие города. Два вспомогательных крейсера начали патрулировать окрестности. А один усиленный ещё двумя двадцатимиллиметровыми пушками, став монитором отправился вдоль берега к городу, к которому шёл Ларцев. Поддержит его с воды. Чуть позже отправим миноносцы с парочкой вспомогательных крейсеров на свободную охоту. На дичь их будет выводить авиаразведка, а броненосец пустим на поддержание войск. Однако все трофеи нужно осваивать и моряки напрягая все силы этим занимались.

Часам к десяти, когда освоение акватории порта было закончено и на всех судах в порту, кроме двух англичан и трёх американцев, подняты наши флаги, это были призовые суда, нейтралы поспешили уйти, я направился на берег. Лодка ткнулась в пирс, и я поднялся на небольшой военный причал. Тут только миноносцы швартовали, глубины маленькие для крейсера и уж тем более броненосца. Меня сопровождало три вооружённых солдата, людей реально не хватало, поэтому я закрывал дыры приближёнными ко мне офицерами и солдатами. Почти сразу подскочил ко мне на воронённом коне, видимо трофеей, лошадей с нами не было, командир полуроты штабс-капитан Мальцев, он был назначен мной комендантом Тайбэя, он же и доложил об успехах. Всех пленных сгоняли на пустырь за городом, туда доставлялись на реквизированных в городе повозках мотки колючей проволоки, прикапывали небольшие столбики и натягивали проволоку. Уже сейчас лагерь для военнопленных был готов и вмещал в себе более трёх тысяч японцев, моряков, солдат и гражданских. С четырёх краёв лагеря строились вышки для часовых вооружённых пулемётами. Оружие естественно направлено внутрь. Помимо этого готовился ещё один лагерь, чуть дальше. Это для будущих пленных. Строительными работами занимались местные жители, китайцы. Языка мои люди не знали, всё больше жестами договаривались.

Так же он сообщил о трофеях, добытых на месте расквартирования батальона японцев. Было чуть больше тысячи винтовок «арисаки», семнадцать пулемётов, похоже, часть трофеи с Русско-Японской, шесть пушек, и почти семьдесят голов лошадей. С десятков повозок. Трофеи продолжают подсчитываться, это ещё моряки о взятых складах не докладывают, тоже всё изучают и читают. Тут подлетел на лёгкой одноконной повозке командир сухопутной эскадрильи, он проводил рекогносцировку по поводу аэродрома, который нужно было разместить в окрестностях города. Одна площадка была очень удобной, но военный комендант Тайбэя решил строить там лагерь. Вопрос я решил в пользу лётчика, велел ему организовать аэродром со всей инфраструктурой, взять шесть пулемётов из трофеев и взвод для охраны территории. Для пулемётов мешки чтобы сделать огневые точки. В общем, расписал всё хорошо. Оба офицера требовали людей, хорошо бы напрячь местных. Это я взял на себя. Кликнув местного подростка и на китайском попросил его привести всех уважаемых жителей города на главную площадь, я хочу произнести речь жителям.

Пока шёл к площади, от коня я отказался, всё же не такой и хороший наездник, обдумывал доклады коменданта и ротмистра, командира сухопутной эскадрильи. Нам срочно нужны «глаза» в небе, оба гидросамолёта которые мы использовали, пока шли к острову, уже на воде. Один покачивается на мелких водах бухты, там ведутся работы, пара механиков ползает, а второй улетел, осматривает побережье, ну и поглядывает, не появились ли у берегов японцы.

Имею в виду случайные корабли и суда. О нас пока никому не известно. Хотелось бы, чтобы это продолжалось довольно долго, так как Тайвань для меня это всё же основная база. У меня должна быть своя прикрытая со всех сторон база, с которой я смогу совершать налёты на японцев. В прямом и фигуральном смысле. Тут и местных жителей нужно к покорности привести, повстанцев всё же хватало, ну и сам остров от японцев зачистить. Однако самое главное, три-четыре дня не дать информации о нас проскочить, больше не получится. Телеграфная линия на Тайвань была японцами проведена не так и давно, три-четыре дня они ещё подождут, решив, что произошёл обрыв, однако отправив ремонтное или связное судно, догадаются, что проблема не в обрыве. Ну и беглецы, как же без них. Наверняка на лодках или на баркасах рыбаков, я уж про джонки не говорю, тайванцы поддерживающие японцев, да и сами японцы попытаются перебраться на континент и сообщить о нас. Значит что? Правильно, самолёты в воздух, пусть наводят на всех, кто далеко ушёл от берега. Первый мой приказ местным рыбакам и торговцам, далеко не удаляться. Вот команды для миноносцев уже сформированы, Эссен ещё, перед тем как мы ушли от основного конвоя, об этом позаботился. У нас вообще было четыре полных экипажа для миноносцев, два с половиной для крейсеров, и один для броненосца. «Фудзи» конечно старый броненосец, однако сейчас его начали осваивать. Вон, уже всех кто погиб во время ночного боя внутри корабля вынесли на палубу. Готовились отправить на берег для захоронения. Хотя нафига они мне тут нужны? В море вывезут и там похоронят со всеми положенными почестями, а вот наших на берег в братскую могилу. Обелиск тут поставим. Жаль вот только среди обеих абордажных рот потери большие, обе роты теперь можно свести одну по количеству уцелевших бойцов. Хорошо, что они были пересыщены ручными пулемётами и пистолетами, иначе потери вообще были бы громадными. Экипажи обоих кораблей, когда осознали, что произошло, дрались ожесточённо. На крейсере удалось сразу захватить арсенал и казематы с боеприпасами, а вот на броненосце если с казематами сложилось, не дали подорвать корабль, то с арсеналом нет, нашли не сразу, и треть экипажа успела вооружиться, вот там и вышел настоящий бой.

От «Касуги», вернее уже «Корейца», бывшего корабля Эссена, который тот снова вернул себе, отвалила шлюпка и на вёслах пошла к берегу. Это я, поднявшись на небольшую возвышенность, осмотрел порт. Улочка узкая была, но крейсер видно хорошо, отчётливо, вот и рассмотрел шлюпку. В принципе по акватории небольшого порта их и так шныряло немало, но это шла целенаправленно к пирсу, где покачивалась моя шлюпка. Похоже, моряки закончили с авральными работами, и адмирал отправил ко мне офицера для доклада. Мы договорились, что в первое время встречаться лично расточительно, пусть делом занимаются, а ко мне молодых гоняет, чтобы я был в курсе дел флота.

В это время послышалось далёкое жужжание и, подняв голову, я рассмотрел в небе точку нашего гидросамолёта. Что-то быстро возвращается, полчаса как улетел. Видимо нашёл что-то интересное и возвращается для доклада. Как приводился в порту, смотреть я не стал, направился дальше в сторону порта. Разведывательная служба флота уже развёрнута, получила за время похода достаточно опыта, так что сейчас опросят лётчика и лётнаба, и направят рапорт на имя адмирала. Дальше уже он отреагирует. Пока Эссен контролировал действия воздушной разведки, но это на первое время, когда служба наладится, начальник разведки будет отправлять на перехват японских судов миноносцы или вспомогательные крейсера сам. Опыта к тому моменту наберётся. Кстати, один из миноносцев стал отходить от стенки, да и у второго дым из труб валил, похоже, планируется пробных выход в море для тренировки. Командовать обоими миноносцами Эссен поставил капитана второго ранга Берга, он был старший пока не большой флотилией, и лейтенанта Кузнецова. Экипажи опытные, было видно что «истребители» им хорошо знакомы. Правда эти японской постройки, как я успел рассмотреть не номерные, и имеют названия. Новенькие, одного типа. Четырёх лет не было,

как их на воду спустили. Один «Мурасаме», второй «Араре». Это пока, чуть позже названия сменяются на «Хулигана» и «Драчуна», это я придумал названия.

Наконец вот она, площадь. Моё неторопливое шествие помогло, понемногу, но площадь наполнялась, и как я одобрительно успел заметить, не только видными людьми города, но и простыми гражданами. В основном речь я буду держать перед ними, мне требовалось заинтересовать их, сделать союзниками, впоследствии возможно подданными, но к этому ещё нужно прийти, война с Японией только-только вступила в боевые действия. Причём меня уже ждут, англичане должны были об этом позаботиться. Вот только японцы ждали меня совсем в другом месте и явно не ожидали, что я возьму Тайвань.

Пройдя к ступеням какого-то административного здания, китайской постройки, между прочим, я поднялся на неё и осмотрел собравшуюся толпу.

— Здравствуйте, жителей Тайбэя. Меня зовут, профессор Максим Ларин. Я владелец нескольких компаний и привело меня к вам одно дело. Не буду ходить вокруг да около, и сразу сообщу. Моё судно было незаконно арестовано японской администрацией в порту Тайбэя три месяца назад, груз похищен японцами. Поэтому мной было принято начать войну с Японией частным образом. Первая задача близиться к завершению, захватить Тайвань. Я планирую в будущем, когда мы победим японцев, а в победе ни я, ни мои люди не сомневаются, после победы в качестве репараций в моих планах взять Тайвань себе, в собственность. Сразу сообщая, земли у помещиков будут выкуплены и переданы арендаторам-крестьянам. Налоги будут более чем щадящими. Более того, все жители острова будут иметь те же права, что и другие граждане, включая дворян. Все будут уравнины. Все граждане будут обязаны по исполнению восемнадцати лет, что мужчины, что женщины отслуживать в армии или на флоте. Женщины только во вспомогательных подразделениях. Сословная разница будет убрана. Правда у дворян останутся привилегии, вроде службы в армии или на флоте, поступления в высшие учебные заведения которые я планирую развернуть на Тайване. Так же в моих планах поднять на острове уровень жизни процентов на десять выше. Далее, будет происходить набор добровольцев в территориальную пехоту. Все кто прослужит в экспедиционном корпусе до конца войны, вместе с благодарностями и наградами за отличную службу или храбрость в бою, получают в собственность земельные наделы. Размеры зависят от самого добровольца. Минимальный размер выдаваемой земли пять соток. Налоги такие добровольцы не будут платить в течение двух лет, после признания Тайваня другими государствами. Сейчас, мне нужно поговорить с видными людьми города, которых японская администрация отстранила от службы.

В горле немного пересохло, так что, сделав пару глотков из фляги, которую подал один из солдат, что меня охраняли, Эссен запретил мне появляться в городе без охраны, не смотря на мою должность главнокомандующего, такие приказы тот отдавать мог. Недолгое бурление в толпе и ко мне вышло семнадцать человек. Комендант уже подготовил здание под комендатуру, это как раз и было административное японское здание за моей спиной, так что нас сопроводили туда, в достаточно просторный зал для совещания. По коридорам бегали солдаты или быстро ходили офицеры, комендатура обживалась, куда-то тянули два телефонных провода. Видимо трофеи использовали, у нас телефонов не было.

С тайванцами я общался долго, семеро почти сразу отсеялись, мне не понравилось, как они со мной говорили, через губу, и я сделал запись, чтобы впредь никаких благ они не получали. А вот остальные очень даже крепкие такие китайцы, в возрасте и в прошлом они имели неплохие и что немаловажно высокие посты, остались. Тут был бывший начальник порта, заместитель начальника полиции, прошлый начальник был расстрелян, четыре офицера, один бывший командир батальона, остальные или предприниматели или чиновники невысокого ранга.

Однако все они были нужны. После достаточно долгих и заметно тяжёлых переговоров, между нами была заключена сделка, они работают на меня, по своим специальностям, дальше уже я сдерживаю обещания. Более того был составлен договора на русском и китайском языках. Когда все подписались, отказавшихся не было, попросил тайванцев найти тех, кто знает русский. Должны такие тут найтись. Их следовало отправить в комендатуру на должности переводчиков. К сожалению, кроме меня и одного солдата при коменданте, никто китайского не знал, Ен разве что, но он оборудует пулемётные позиции вокруг города и у будущего аэродрома. Да и солдат японский знал так-сяк, он ранее охранял строительство железной дороги на Дальний Восток вот и нахватался. Что говорят, всё понимал, ответить было сложно, словарный запас маленький.

Комендант что прибыл по моему приказу, выслушал о пополнении, я приказал ему формировать из тайванских добровольцев одну пехотную роту, и одну артиллерийскую батарею, оснащая их трофейным оружием, и униформой, но с нашими знаками различия. Роту направить пока на охрану японских военнопленных.

— А не выпустят? — с сомнением спросил штабс-капитан.

— Тут другого нужно бояться, местные японцев очень не любят, были причины, у них тут администрация вела жёсткую политику. Так что как бы они всех пленных не постреляли. Поэтому офицера и отделение солдат всё же выдели, чтобы присматривали за ними. Пусть наши у пулемётов стоят. Когда местные осwoятся, развернём в батальон. Будет участвовать с нами в боях с японцами. Уже договорился. Если будут ещё добровольцы, то их будем использовать в береговой охране. Пусть остров свой защищают, ну и нашу базу заодно.

— Командир, а что вы им такое говорили, что и на площади вас странно восприняли, и эти какие-то задумчивые?

— Сказал, что на остров мы пришли навсегда, — спокойно ответил я.

— Это как? — несколько изумился комендант.

— В прямом смысле этого слова. Я планирую победить Японию, это не так и сложно, если знать куда бить, я знаю, куда и как. Это вопрос решаемый, меня он не особо беспокоит, однако когда Япония капитулирует, нужно что-то ещё с них взять кроме извинения за арест судна...

— Кстати, командир, когда наши освободили тюрьму, то нашли там экипаж «Глории», только капитана и штурмана нет, их японцы с собой забрали. Экипаж освобождён, направлен на отдых в гостиницу. Мы её взяли под контроль, теперь это ведомственная гостиница комендатуры. Принадлежала японцу, а персонал местный. Договорились, что будем платить им чуть больше японцев. Те вообще мало платили.

— Банк? — коротко поинтересовался я.

— Взят, все наличные средства наши.

— Пока будем использовать японские иены. Раз они тут в ходу, а потом перейдём и на рубли, это будет основная денежная единица, когда Тайвань станет королевством России. Я хоть и собираюсь остров сделать своим, конституционная монархия, я король и владелец всего и вся, а вот править будет премьер-министр, мне это не интересно. Скажу какую политику ожидаю, дальше пусть работает и своих замов напрягает, но чтобы жизнь на острове простых граждан улучшилась. Основные налоги я планирую получить от туризма, но это в будущем, а так буду строить на острове заводы.

— Планы у вас, однако... — покачал головой капитан.

— А то. Иметь здоровую наглость в планах это нормально. Кстати, кто после победы над Японией решит переселиться из России сюда, в королевство, буду только рад. Земли на это дело хватит. Тем более можно соседние острова использовать, чтобы поставить там поместья или особняки дворян. Между прочим, отличный курорт получится, хотя вам такое словосочетание не понятно. Будь уверен, уже через пять лет тут будут толпы отдыхающих из России бродить. Мягкий климат, тёплая вода и отличная природа поможет этому, санатории и курорты, всё будет. Ну и налоги увеличатся... Ладно, это дело будущего.

То, что остров я собираюсь сделать своим леном, в экспедиционном корпусе никто не знал, как и на флоте. Так что моё сообщение вызвало изрядное удивление, пока как это воспринимать комендант не знал. Правда, это не помешало ему включиться в работу. Я представил его всем присутствующим в зале, познакомил с тайванцами коменданта и отправил их дальше самими решать свои вопросы. Кстати, повезло с бывшим начальником порта, я планировал поставить его на ту же должность. Всё равно японцы в лагере, а тот сам из местных наберёт людей. Естественно он будет руководить гражданским портом. Образование местной полиции и других службу всё это на коменданте, тот понимал, что работы много, но не был, раз поставлен на пост, то нужно действовать и соответствовать.

Потом за меня взялись моряки и посыльный полковника Ларцева. Начал с посыльного, у того срочные вести. Благодаря взятым и допрошенным пленным удалось выяснить, что японцев на острове не так и много, если сил бороться с повстанцами вполне достаточно, то противостоять кадровой армии они ничем не могут. В общем, выбив японцев из двух небольших городков и осмотрев с десяток деревень, Ларцев двинул дальше. Все их атаки и появления в городах были неожиданными, слух о нас расползлись ещё не успел, за счёт этого и такое быстрое продвижение, вкупе с небольшими потерями. Госпитальное судно с основным караваном идёт, но небольшая группа врачей с нами прибыли, они осваивали японский госпиталь в Тайбэе, сейчас перевозка имущества шла. Но при этом хирурги уже плотно работали, раненых у нас было много. Комендатура же занималась погребением павших. Два десятка пленных японских солдат копали братскую могилу за голодом на холме, я там планировал в будущем поставить гранитный обелиск с фамилиями павших. Мы должны помнить своих героев. Судовой капеллан будет читать молитвы над могилой. Он сейчас обмыванием павших занимался.

Так же полковник просил обеспечить воздушную разведку, ну и прикрытие с воздуха, особенно бомбардировщиками. Потери пока не большие, около трёх сотен пленными направлены к нам под конвоем. Это всё. Летуны сообщили, что работа по аэродрому сдвинулась с мёртвой точки, им выделялись люди из местных и шанцевый инструмент. Поле, найденное ими вполне неплохое, но не имеет ничего, так что помимо выравнивания будущей взлётной полосы там планировалось построить казармы, дома для лётчиков, склады и башню наблюдения за полётами. То есть повторить инфраструктуру аэродрома в Париже. Правильное решение, но долгосрочное. Я велел выделить им пока палатки, в них поживут, главное развернуть авиа часть и начать работать, полковник очень просил. Васильев отправил на аэродром зама, тот проследит за работами, а сам с большей частью своих людей отправился на судно, где и находилась техника эскадрильи, нужно было осторожно переправить разобранные самолёты на пирс, там повозки будут ждать выделенные комендантом, и дальше перевозка на поле. Когда взлётная полоса будет готова, техники соберут самолёты, проверят их и эскадрилья будет готова к действию. Для аэродрома уже была выделена охрана, взвод солдат при пяти пулемётах, два трофейных было. Их задача сделать стационарные узлы обороны и взять под охрану аэродром. Там поручик Ен командовал, указывал, где ставить пулемётные точки, чтобы те перекрывали всё вокруг, и не оставались мёртвые зоны.

После лётчиков, я, наконец, смог поговорить и с морским офицером. Тот чуть в стороне ожидал свою очередь, к нему часто связные прибегали, сообщали последние новости, так что тот был хорошо информирован по действию нашей небольшой, но уже настоящей флотской эскадры. Первым делом он сообщил, что все четыре боевых корабля полностью очищены от противника, последних японских моряков отыскивали по закоулкам и отправили в лагерь для военнопленных. Миноносцы уже осваиваются и вышли в открытое море на ходовые испытания и на тренировки. Через пару дней их можно будет включать в работу. На «Фудзи» сейчас идёт ремонт, повреждены некоторые его части. Работы мелкие, но всё же требующие время, так что на ближайшие шесть дней на броненосец можно не рассчитывать. В принципе я и не собирался. Мы его и планировали ввести в состав береговой обороны. Будет подходы охранять. С «Корейцем» было куда лучше, команда осваивается на местах, причём треть, включая командира корабля и адмирала, ходили ранее на нём же, так что знали его от и до что помогало осваивать корабль. Уже через пару дней крейсер можно полноценно использовать, он будет введён в строй. Так же офицер сообщил, что воздушная авиаразведка обнаружила шесть пароходов, пять под японским флагом, один нейтрал. Вернувшись, он доложил местонахождение и курс всех японцев, и к ним было направлено четыре вспомогательных крейсера. Среди них и мой «Низвергатель». Так как он продолжал входить в состав экспедиционного флота и имел полную команду, разве что абордажников добавили, то адмирал отправил его в море на перехват самого дальнего из пароходов. Миноносцы пока были на учениях, их не трогали, наши вооружённые пароходы вполне справятся, они уже пару часов как покинули порт, благо команды успели пополнить запасы угля. Только один вспомогательный крейсер остался в порту. Были проблемы с машинами и там шёл ремонт.

После этого порученец Эссена, капитан второго ранга Вятков, пожаловался на недостаточные мощности порта. Для гражданских он подходил, но для военных мало. То есть японцы так же не использовали его как военно-морскую базу, стоянка для боевых кораблей подходила, но базы всё же тут не было, соответственно и инфраструктура была откровенно слабой. Хотя и была, этого не отнять, флотские спецы уже там осваивались, прикидывая, что можно использовать. Склады на берегу тоже осмотрели, в двух пакгаузах обнаружилось флотское имущество, включая небольшой склад с боеприпасами, так что пока проблема со снарядами для броненосца и миноносцев были решены, вот для «Корейца» нашлось не так и много снарядов, для главного калибра так и вовсе не было. Надо будет допросить офицеров с крейсера, похоже тот на момент нашей атаки оказался тут случайно.

Закончил тот доклад тем, что доставивший сообщение о японских пароходах гидросамолёт поставлен на ремонт, шла плановая замена двигателя, выработавшего свой ресурс, так что в воздухе второй самолёт, он и совершает облёт острова. Пока я общался с местными жителями и принимал доклад, тот вернулся, и в море был отправлен один из миноносцев, второй в резерве, так сказать тренировки не отходя от дела. Небесные разведчики обнаружили шесть джонок, что максимальным ходом шли в сторону Китая, вот задача у команды миноносца перехватить их. Джонки похоже вышли из двух рабочих деревень которые уже проверил полковник, японцы драпали которых не нашли, или местные жители что на них работали. Приказ миноносцу вернуть джонки обратно, при сопротивлении топить.

До самого вечера я сидел в комендатуре, получал доклады и отправлял по подразделениям приказы. Тут ещё Эрих пришёл, он сделал всё что захотел и просил дать доступ к телеграфу. Подумав, я разрешил его использовать через пару дней. Тогда можно будет. Хотя вряд ли японские телеграфисты пропустят сообщение дальше. Эрих так и носился вокруг с фотоаппаратом, делая бесценные снимки.

Следующая неделя прошла с заметным напряжением, но главное что за это время с такими

небольшими, но хорошо вооружёнными и маневренными подразделениями мы взяли под контроль весь Тайвань. Было организовано четыре полевых лагеря для пленных, и постепенно их охрану мы перекладывали на плечи местных. За неделю было сформировано двенадцать пехотных рот по сотне солдат, примерно половина раньше до японской оккупации носили военные мундиры, так что знали, как держать винтовку в руках и учили остальных. Сейчас там шли учения, солдаты притирались друг к другу, ну и военная подготовка шла своим ходом. Две роты солдат были отправлены мной в качестве абордажных команд на вспомогательные крейсера, что как лисы в курятнике творили в окрестностях что хотели. Четыре дня назад Эссен, забрав оба миноносца и два вспомогательных крейсера, ушёл к берегам Японии. Его задача обстрелять несколько портов, напомнив, что мы всё ещё здесь. Японцы о нас знали, это точно, но никакой реакции я пока от них не заметил. Японские эскадры вблизи Тайваня разведчиками замечены не были.

Сегодня вернулся дальний разведчик, и я, наконец, вздохнул с некоторым облегчением, в трёхстах километрах от нас был обнаружен караван под командованием Небогатова. Разведчик сделал круг над судами и полетел обратно. Как только разведчики доложили, что нашли наших, навстречу каравану замом Эссена капитаном первого ранга Довлатовым, он был военным комендантом порта кроме всего прочего, я имею виду командования «Фудзи», выслал на встречу один из наших вспомогательных крейсеров чтобы тот привёл караван прямо в Тайбэй. Главное с авианосцем было всё в порядке, шёл в центре ордера судов.

За эту неделю остров нами был полностью взят под контроль, как я уже говорил, во всех городах были организованы комендатуры, но администрации была в основном из местных. Те, кто не запятнал себя ярым служением японцам, оставались на своих постах и должностях, продолжая получать зарплату. Было пара неприятных инцидентов. Местные повстанцы решили проверить нас на прочность. Сначала пропал морской лейтенант, что на двухколке ехал из одного города в Тайбэй. Потом обстреляли разъезд казаков. Машины те не использовали, ресурс берегли, так что захватив достаточно приличное количество верховых лошадей передвигались на них. Реакция последовала незамедлительно, поднятый разведчик обнаружил лагерь повстанцев и навёл на них бомбардировщики. Звено сделало два захода, сбрасывая мелкие бомбы, а подошедшие казаки и рота тайванских солдат довершили начатое. Пленных не было, просто не брали. Тут же в глубокой яме и лейтенанта нашли. Живого, бомба не попала в зиндан. Кроме многочисленных синяков и сломанной челюсти никаких других повреждений он не имел и был отправлен в госпиталь. Во время второго схожего инцидента также применялась авиация, лётчики использовали любую возможность получить боевой опыт, честно говоря, точность при бомбардировании хромала, и это по неподвижной цели. Во время захвата острова бомбардировщики редко использовались, и развернуться им не дали, лишь все разведчики и часть истребителей использовались по полной для контроля окрестных вод. Четыре самолёта было переправлено с отрядом техников на противоположную сторону Тайваня, к городу Гаосюн. Сперва это был аэродром подскока, но на месте уже начался строиться второй аэродром Тайваня. На аэродроме Тайбэя, шла сборка обоих «Аэробусов», у меня на них были свои планы.

Причина, почему лейтенант объезжал окрестности, была прозаична как никогда. То есть, то что Тайвань я собираюсь сделать своим островом, по моим людям разнеслось мгновенно. Так же я сообщил, что всем офицерам и отличившимся солдатам и морякам по окончании войны будут выделены в собственность земли. Вот часть офицеров, из тех что не воспринял мои слова с улыбкой пренебрежения, мол, ох и мечтатель профессор, тут ещё Японию победить надо, стали изучать окрестности. Я дал разрешение выбирать, что им понравится. Местные помещики были возмущены. Однако я показал несколько изданных мной законов, местные помещики не смогут сохранить за собой земли, когда остров официально станет моим, если не

воевали на нашей стороне. Если нет, пододвиньтесь, вы тут лишние. После этого офицеров в пятом колониальном полку стало даже больше, чем было должностей для них. Две артиллерийских батареи сформированных из японской материальной части, трёх орудийного состава, тоже использовались нами, но только в обороне порта. Никакой обороны с моря Тайбэй не имел, вот я и разместил обе батареи с двух сторон на хорошо просматриваемых возвышенностях. Правда, пушки не самые хорошие для этого, полевые трёхдюймовки, причём наши, взятые японцами в войну трофеями, но зато артиллеристы, что ранее на них воевали, помогли тайванцам изучать матчасть. Боеприпасов к пушкам хватало. Отогнать вспомогательные крейсера и миноносцы могли, этого достаточно, а вот против более крупных кораблей, есть пушки броненосца, и бомбы эскадрильи. Однако пока было тихо, видимо японцы, побыв несколько дней в шоке от нашей наглости, начали готовиться. Уверен в скором времени их стоит ожидать. Для нас главное, из-за чего мы и старались вести себя тише воды ниже травы, это благополучный приход каравана. Как только тот войдёт в порт, надеюсь уместиться весь, всё же порт был не сказать что самый крупный, вот тогда и можно будет развернуться, уже есть чем.

Местные китайские богачи, которых японцы до конца прижать не успели, хотя кислород перекрыли основательно, будто вздохнули глотка свежего воздуха, когда мы появились. Торговля в городах острова сразу стала увеличивать свои обороты. Так как призовые суда разрешал флоту продавать для выплаты командам призовых, десять процентов шло Эссену как командующему флотом за каждый приз, треть команде, треть мне и треть в банк на обустройство Тайваня. В общем, китайские бизнесмены стали скупать грузы, а так же и сами призы. Оказалось, продавать современные пароходы местным торговцам, было запрещено. За неделю в порт пригнали шестнадцать призов, включая пятнадцать, что мы застали в порту, и четыре взятых в порту Гаосюна. Два парохода были включены в состав вспомогательных крейсеров, они были скоростными и вполне неплохо радиофицированы, а остальные пошли на продажу. Даже торги пришлось организовывать из-за возникшего ажиотажа. Сейчас новые команды осваиваются на них, пара пароходов так ушли в сторону Филиппин с грузами, торговцы желали побыстрее отбить потраченное. Тут и возникла проблема, Тайвань считается под японцами, над островом подняты флаги моих компаний, я сразу три использовал. Так под каким флагом отправить на Филиппины эти пароходы? Ведь со сменой власти их статус пока был не понятен. В общем, я махнул рукой и дал разрешение временно использовать все три флага моих компаний. На Филиппинах сейчас бутанцы властвуют, посмотрим, как они на это отреагируют. Пока не знаю, оба парохода ушли всего два дня назад. А так торговцы в основном занимались продажами по острову, хотя внешний рынок так и манил их, однако я посоветовал подождать окончания войны, обещая, что долго она не продлится. Так что только самые нетерпеливые, или недоверчивые отправили своих помощников на купленных пароходах осваивать внешний рынок.

Грузы военного значения не продавался, он шёл на обеспечение флота. Для пленных японцев, а их набралось без малого семнадцать тысяч, тоже работа находилась. Часть восстанавливала дороги, вернее проводила надлежащий ремонт, но большая часть, переведённая в Тайбэй, работала в порту, там используя повозки, от берега в море стали медленно строить волнолом. Два инженера, что были у меня на борту, провели замеры и сообщили, что можно увеличить акваторию порта за счёт этого волнолома, благо каменоломни были не так и далеко. На его конце реально поставить маяк. Так как за сидение в лагере давали довольно скудный рацион, а за работу кормили вполне нормально, добровольцев на работы хватало, так что пятый территориальный полк в основном был занят на охране лагерей и таких вот трудовых работ. Японских офицеров и их дворян на таких работах не использовали, те вообще проживали в отдельных домиках, и с них была взята подписка, что для окончания вооружённого конфликта проблем от них не будет. Те с нашими офицерами в плену тоже в основном обращались

хорошо, так что и мы не уходили от этой традиции. Пока проблем с их стороны не возникало.

Причина постройки волнолома была банальна, пока есть дармовые рабочие, это я о пленных, а так же целый склад цемента, причём на одном из призов тоже груз был цемент, стоит всё это использовать и этот волнолом был выбран мной их десятка предложений, как самый полезный. Тайвань я обратно японцам, и уж тем более китайцам, отдавать не собирался. Мы даже все окрестные островки посетили, на двух были японские гарнизоны. Те кто не погиб, пополнили лагеря или госпиталь для военнопленных, там японские медики работали. А на островах были подняты мои флаги. Правда, гарнизоны я там не оставлял, смысла не видел.

Вот так вот и протекала моя работа на Тайване. База была подготовлена к приёму экспедиционного корпуса и флота, так что встречаем и, дав небольшой отдых, надеюсь, к этому моменту японцы, наконец, двинут флот к нам, начнём работу.

Прибытие каравана было встречено нами с триумфом, все дошли, смогли, Небогатов оказался действительно на удивление талантливым управленцем, раз смог всё так качественно подготовить и организовать. Он у меня шёл первым на роль будущего премьер-министра. Это так, один из вариантов. А пока я планировал его поставить военным наместником Тайваня, кто-то же должен взять на себя общие бразды правления островом и держать в кулаке нашу военно-морскую базу в Тайбэе. Как раз адмирал, по моему мнению, с этим справится.

После того как командир каравана сошёл на берег и я после взаимных поздравлений и объятий поблагодарил за проделанную работу, после чего сразу с ходу озадачил Небогатова. Велел ему организовать администрацию наместника Тайваня, назначив его самого наместником. Здание для администрации уже выделено, одно из самых крупных, где раньше комендатура располагалась, она уже в соседнее строение переехала. Взвод местной пехоты для охраны администрации тоже был выделен, они уже вполне прошли проверку, так что мы туземцам стали доверять больше. Людей набирать из состава экспедиционного корпуса и флота, а также местных жителей я разрешил Небогатову самостоятельно. Даже выделил ему двух вполне неплохих переводчиков из состава комендатуры, там их четыре было. Вот так вот и озадачил. К счастью у адмирала был человек на замену на должность начальника штаба флота, так что перестановка прошла быстро и дальше началась серьёзная и отнюдь не лёгкая работа. Поход был действительно тяжёлый и почти месяц солдаты и моряки не ступали на землю, так что почти сразу по прибытию началась высадка войск и части команд. Для них в город и за городом были подготовлены места для проживания. Даже казармы японского батальона были приведены в порядок после боя и пожаров, отремонтированы и покрашены. Правда, там располагался один из пяти батальонов пятого территориального полка, но места хватало разместить ещё один батальон.

Разгружались войска, часть судов направились в другие города, чтобы высадить их там, для усиления обороны. А я помогал Небогатову осваиваться на новом месте, в кресле наместника. Тот надо сказать очень серьёзно подошёл к делу, так что моя помощь требовалась всё меньше и меньше, так как я занимался и другими делами. В основном флотом, так как Эссен и большая часть его офицеров ушли в рейд и пока не вернулись, хотя мы и ждали их скорого возвращения.

Следующие три дня с момента прибытия каравана, проходили нормально, корпус готовился к боям и окапывался на побережье. Создавая три линии обороны. Для их возведения использовались пленные. Были проблемы с пушками, однако, основная задача корпуса отбить морские десанты, японские боевые корабли я брал на себя, это задача авиации. Сегодня

из разведотдела штаба флота узнал, что, наконец, активизировались японцы. С трёх сторон появились их боевые корабли. Три группы, в одной крейсер и два миноносца, в другой крейсер и три миноносца, в третьей два броненосных крейсера. Всё под японскими флагами. Но основной эскадры пока не было, однако я уверен, что вскоре та появиться на горизонте, пока в пределах дальности разведчиков они замечены не были. Кстати, на броненосных крейсерах были гидросамолёты-разведчики производства моего завода. Всё же англичане подсуетились и поставили их японцам вместе с инструкторами. Не удивлюсь, что в кабинах сидят лётчики-инструкторы из Англии. Их начали пускать на воду, как только обнаружили наш разведчик. Тот направился обратно и ушёл от японцев. Более того после дозаправки вернулся и снова повёл за собой взлетевшие с воды вооружённые бипланы. Однако в этот раз обойдя оба японских гидросамолёта с тыла, зайдя с солнца их атаковало две пары наших истребителей, под командованием ротмистра Васильева. Он же в этой истории одержал первую победу в воздушном бою. Видимо лётчик был убит, так как пикируя без дыма, самолёт врезался в воды моря. После этого несколькими заходами был сбит и второй японец, вторым в мире одержал воздушную победу мичман Угаров, ведущий второй пары, так что броненосные крейсера лишились поддержки с воздуха, а на подходе к ним уже было все десять бомбардировщиков под командованием штабс-ротмистра Кулагина. Это был их командир. На восьми бомбардировщиках были пятисоткилограммовые бомбы, но на двух первых сотки, они и наводили на цель. Три истребителя прикрывали бомбардировщики, один со снижением пошёл к берегу на аэродром, были попадания в самолёт от стрелка второго японца и мотор работал с перебоями. Подставился под очередь при заходе на цель. Всё же мало опыта у лётчиков в воздушном бою. Это вообще первый воздушный бой в мире был. Истребитель сопровождал наш разведчик, это если вдруг придётся приводниться, чтобы подобрать лётчика. Такая операция пока не была проработана, но одна из обязанностей разведчиков спасать сбитых лётчиков с воды. Второй разведчик кружил вокруг крейсеров, снимая момент атаки и результаты бомбардировки.

Был и третий разведчик, им управлял я, находясь в кабине пилота, а сзади на месте лётнаб-стрелка бесновался Эрих, который радостно орал в переговорную трубку, что это будет первая в истории атака на боевые корабли и снимает это именно он. Мол, теперь его имя точно прославиться и он войдёт в анналы журналистики. Особо не слушая беснования Эриха, я наблюдал за действием, что разворачивалось в водах Восточно-Китайского моря. До Тайваня отсюда было всего двадцать морских миль. Мы позволили войти этим бронированным гигантам как можно глубже в наши воды. Чтобы они достаточное время пребывали в зоне действия наших бомбардировщиков, я точно не представлял последствия налета, и требовалась возможность сделать ещё несколько, мало ли. За остальными группами наблюдали разведчики эскадрильи Васильева. Сухопутники.

Это была первая бомбардировка крупных боевых кораблей, и я просто не мог остаться в стороне и не посмотреть лично на результаты. Тем более за бомбардировщиками Кулагина шла вторая волна бомбардировщиков, уже с авианосца. Те с пятисотками с палубы взлетать не могли, поэтому все бомбардировщики были переведены на аэродром ротмистра Васильева и работали оттуда, а вот разведка и истребители как раз с авианосца взлетали. Я решил начать с броненосных крейсеров как с самого серьёзного отряда отправленного японцами на разведку. Наверняка они шли перед эскадрой первой линии Японского флота. Если удастся покончить с ними, хотя бы повредить до невозможности вести бой, займёмся остальными группами. Они, ещё не понимая, что входят в нашу ловушку, приближались к берегам Тайваня. Ничего и до них очередь дойдёт.

— Что? — не расслышал я, прижав ухо к переговорной трубке.

— Я говорю второй это «Баян».

— Уверен?

— Да, я видел его после поднятия в бухте «Порт-Артура» и восстановления. Он. Не все ваши моряки успели взорвать или потопить корабли в бухте Порт-Артура, но «Баян» успели. Правда, он не взорвался, просто утонул. А второй не знаю что за корабль.

— Я знаю, в штабе флота уже опознали его. Это «Адзума» французской постройки. Про «Баян» не говорили. Думали это один из японских крейсеров. Лётчикам уже указали слабые места на палубе крейсера, хотя не думаю, что те смогут произвести точные бомбометания.

— С какой высоты бомбить будут?

— Триста метров. Ниже нельзя, если будут попадания, своими же осколками достанет... Снимай, ведущий под управлением Кулагина пошёл боевым курсом.

Крейсера не делали противоздушных зигзагов, они ещё не знали что это такое. Кулагин был досочно жёстко заинструктирован КАК нужно заходить на боевые корабли для бомбардировки, так что, сделав разворот, повёл бомбардировщики на «Баян» со стороны кормы. Так площадь накрытия больше, как и шансов попасть в корабль. Бывший «Баян» шёл вторым в порядке, поэтому не удивительно, что атаку начали с него. Вот Кулагин, сбросив скорость, догнав крейсер, нажал на сброс, и вниз посыпались сотки. А бомбардировщик, ревя двумя моторами, стал уходить влево, давая доступ следующим воздушным судам.

Как ни странно, но штабс-ротмистр отбомбился на удивление точно, из пяти соток две попали в цель. Точно в боевую рубку и у головного орудия. Японцы оборудовали их щитами, но расчёты это не спасло, их сдуло с палубы, где разгорался пожар. Крейсер вильнул и пошёл на циркуляцию. Тут Кулагин поступил правильно. Замахал красными флажками и велел идти остальным на второй крейсер. Второй бомбардировщик заход сделать не успел, проскочил, поэтому пошёл на разворот, в принципе, как и три следующих за ним бомбардировщика, а вот пять остальных курс сменить успели и вышли точно на корабль. Первый заход мимо, фонтан у борта, однако детонатор от удара о воду не сработал. Второе, бомба легла у носа, и что хорошо, сработала, нос крейсера подкинуло, но тот только прибавил ход. У третьего пятисотка тоже легла у борта, Эрих ругался за спиной, но четвёртому повезло, попадание в корму. Бомба рванула и взрывной волной сбила с боевого курса пятый бомбардировщик, за которым уже пристраивались те, кто не успел отбомбиться. Лётчик смог выровнять самолёт и стал отворачивать, чтобы снова повторить заход.

Когда дым рассеялся, ещё до того как на «Адзуму» посыпались следующие бомбы, мы с Эрихом рассмотрели повреждения нанесённые бомбой. Да, такие повреждения, однако очень серьёзные. Корма была разворочена, орудия отсутствовали снесённые в воду. Палуба пошла волнами, в месте разрыва «розочка», изувеченной брони концами внутрь. Оттуда валил дым, и виднелись языки пожара, а сам крейсер стремительно терял ход, заметно оседая на корму. Потом было ещё два попадания, пятисоткой и соткой. Это и добило крейсер, да ещё был подрыв погребов, и корабль стал стремительно тонуть. Кулагин повёл своё отряд обратно на аэродром, последний бомбардировщик едва тянул, левый мотор работал с перебоями. Или было попадание с крейсера, хотя вроде по самолётам никто не стрелял, или возможно мотор не выдержал полной бомбовой нагрузки, перегрев и имеем то, что сейчас имеем. Ничего планёр хороший, пустым бомбардировщик и на одном моторе может долететь. При тренировках это отработывалось. Посмотрев на номер бомбардировщика, что имел проблемы с двигателем, поморщился. Похоже, это переусердствовал пилот, из аргентинских добровольцев. Я знал, на какой машине тот летал. Кстати, это он шёл за Кулагиным, и имел на борту сотки. Одну из них

он положил достаточно прицельно, вызвав пожары на полубаке «Адзумы».

А в это время подходила вторая волна под командованием капитана второго ранга Ларина. «Адзума» уже легла на бок, так что они пошли на неподвижного бывшего «Баяна». Бомбардировка как на полигоне. Встав на боевой курс, бомбардировщики засыпали крейсер бомбами. Не смотря на то, что в пожарах и подрывах на борту крейсер стал заваливаться на правый борт, бомбардировщики продолжали сбрасывать на гибнувший корабль свой смертоносный груз. Не на него, так в море придётся это сделать, совершать посадку на палубу авианосца с бомбами, было категорически запрещено.

— Ну вот и всё, было два крейсера и нет их.

— Да, не ожидал такого результата, ведь по силе эти механизмы несравнимы, — ответил ошарашенный Эрих.

Несмотря на эмоции, снимать он не переставал.

— Да, многие недооценивают самолёты, а теперь поймут какая это сила... Ладно, возвращаемся.

— А японские моряки?

— Не думаю, что много их выжило, однако вспомогательный крейсер «Акация» уже идёт полным ходом из Тайбэя к месту боя. Так что подберёт выживших.

— Это хорошо.

Мы догнали строй бомбардировщиков и вместе со вторым наблюдателем, там делались снимки для штаба флота, стали сопровождать самолёты к аэродрому. Добравшись до суши, я не стал смотреть, как бомбардировщики осторожно по одному совершают посадку на аэродроме, а приводившись в бухте и подогнав гидросамолёт к пирсу, где и была стоянка разведывательных самолётов, дождался, когда на лодке подвезут канат и нас вручную подтянут к берегу. Там выбрался на пирс и поспешил в штаб флота. Сейчас техники и оружейники экстренно готовят самолёты ко второму вылету, летит вторая смена лётчиков. Их цель вторая группа с бронепалубным крейсером и тремя миноносцами. Разбомбить миноносцы надежды мало, и цель маленькая и юркие, если только случайно сыпнуть сотками, а вот крейсер отправить на дно все шансы есть. Поэтому две трети бомбардировщиков брали сотки на борт, у нас их было просто больше, а пятисотки нужно беречь для броненосцев, в их эффективности мы убедились на деле.

В штабе, где собрались все старшие летчики, совершавшие первый боевой вылет на корабли противника, мы долго, шумно и спорно обсуждали вылет. Одно было ясно по сияющим лицам офицеров, быть японцам битыми. В этом уже никто не сомневался. Один из воздушных разведчиков доставил информацию, где на данный момент находится вторая группа японцев, поступил доклад, что самолёты подготовлены, оружейники и техники работали аврально, и я отдал приказ взлетать. До наступления темноты три часа, должны успеть. Перед тем как я покинул здание, где располагался штаб нашей эскадры, пришло сообщение от разведотдела. Разведчики обнаружили возвращающиеся корабли Эссена. Количественно рейдовая группа была увеличена, вместо двух миноносцев три, «Кореец» и с ним рядом шло неизвестное явно сторожевое боевое судно. Было два транспорта обеспечения, а увеличились ещё на пять единиц. На вид повреждений в рейдовой группе нет. Разведчика заметили и поприветствовали холостым выстрелом из пушки. На борту одного из транспортов обеспечения был свой гидросамолёт, но его в воздух не поднимали, и так шли на максимальном ходу, подстроившись

под самое медлительное судно. Преследования за группой выявлено не было. Те со стороны Тихого океана шли подальше от чужих глаз.

Мой гидросамолёт уже заправили и провели обслуживание, Эрих сидел в кабине лётнаба и беспечно крутил головой, наблюдая, как со стоявшего в бухте авианосца неторопливо взлетают истребители, и на ходу разбившись на пары, направляются в сторону открытого моря. За ними пристраиваются морские бомбардировщики, взлетевшие с полевого аэродрома. Теперь они первыми шли в атаку, чуть позже подойдёт вторая волна из сухопутной эскадрильи. Мы тоже не заставили себя ждать, и следом за наблюдателем оторвавшись от поверхности воды стали поднимать в ярко-голубое небо. Догнали строй уже фактически над японцами, и смогли пронаблюдать и даже заснять результат бомбардировки. В этот раз так же сработали отлично. Удалось потопить один миноносец, тот от разрыва сотки погиб мгновенно, та видимо пробив палубу, взорвалась не сразу, небольшой боевой кораблик разломился и моментально затонул. Крейсер, отхватив четыре сотки и две пятисотки так же быстро ушёл на дно, а вот за остальными миноносцами началась охота. Те знали, что такое маневрирование, бывали под артиллерийским огнём. Поэтому уходя на максимальном ходу, бросали свои кораблики из стороны в сторону. Против бомбардировщиков это помогало, но не против истребителей. Те делали заход за заходом и команды, находящиеся на открытой палубе несли тяжёлые потери. Один рыскнул на ходу и стал выписывать циркуляцию, одной из очередей с истребителя были убиты все, кто находился на мостике и миноносец потерял управление. Сюда уже шли два вооруженных вспомогательных крейсера. Повезёт, будет у нас добыча.

Истребители до того замордовали миноносцы, что на палубах никого не было и корабли фактически шли не глядя, машинным командам никто не приказывал застопорить ход. Флажками я приказал Кулагину, он подходил второй волной, идти на запасную цель, то есть к третьей группе, где она находилась тоже известно. Топлива должно хватить, японцы были уже фактически в пределах видимости с берегов Тайваня, так что точно хватит.

— Держись! — крикнул я Эриху и подал флажками двум наблюдателям на гидросамолётах приказ: «Делай как я».

Мой гидросамолет, теряя скрасить, стал заходить на посадку неподалёку от одного из миноносцев. Волны были пологими и волне позволяли совершить посадку. Опытному лётчику. К сожалению таких среди нас троих просто не было, однако повезло друг за другом под прикрытием истребителей, мы приводинились и на подводных крыльях, глиссируя под рев моторов, понеслись за ближайшим миноносцем, догоняя его.

Понятно, что всё это наглость и можно огрести проблем, но как у нас говорят — наглость это второе счастье. Догнав миноносец, я подвёл самолёт так, чтобы крылом тот касался борта. Эрих уже знал что делать, я объяснил, и он по крылу осторожно, чтобы не повредить обшивку, добравшись до борта японца, перебрался на него. Там нашёл бухту верёвки, и радостно ею потряс, я продолжал вести самолёт рядом ожидай действий своего напарника и поглядывал, что предпримут другие лётчики. Вдруг раздался рёв мотора сверху и по палубе миноносца забарабанили пули, было множество рикошетов. Видимо кто-то из японцев привлечённый шумом пытался узнать, что происходит, выбравшись наружу. А сверху оно видно всё, вот прикрытия и отработало. Судя по вою, кого-то зацепили, ладно хоть по Эриху не попали, тот чуть позже выглянул из-за фальшборта и посмотрел на меня большими круглыми от испуга глазами. Два других разведчика подошли по очереди к другому борту и высадили своих лётнабом. У тех револьверы были, штатное оружие летунов, а вот пулемёты они не снимали. Сложно ползти по крылу, да ещё с этой дурой в руках.

Эрих, как и договорились, бросил верёвку мне, и я привязал её к опоре пулемётов, после чего заглушил мотор и быстро пополз по крылу. Тело немного затекло, всё же столько времени в одной позе, однако я уверенно добрался до края. Эрих верёвкой подтягивал машину, чтобы крыло не уходило от борта, и я смог перебраться на борт миноносца, что и сделал. Мы дождались, когда самолёт уйдёт за корму вытравили метров двадцать, привязали верёвку, буксируя самолёт за кормой. После этого Эрих остался на месте, всё же он журналист, а не боец, да и запрещено ему в подобном участвовать, а сам побежал в рубку, перепрыгивая через трупы. В одном месте на пролитой крови поскользнулся и упал, стукнувшись коленкой, больно, но хромая добрался до рубки. Тут же и осмотрелся, отработав машинным семафором на средний ход и покрутив штурвал, направил миноносец к напарнику. Оба лётнаба были на палубе и контролировали люки. Лётчики это поняли и стали наблюдать за вторым миноносцем, к которому мы шли. Тот в трёх километрах от нас был, в другую сторону шёл не управляемый, однако ничего, нагоняли. Вот только не смотря на работу машинного телеграфа, японцы внизу никак не реагировали, как шёл миноносец полным ходом, так и шёл.

Лётнабы мне, к сожалению, ничем помочь не могли, оба насколько я знал, были из пехоты. Один унтер-офицер, другой вообще из полковой разведки, прапорщик, а сейчас оба мичманы. Однако японцев сдерживали, да ещё нашли личное оружие офицеров и довооружились. Главное что взяли на себя основную проблему, а с остальным разберёмся. Единственно, что беспокоило, это разведчик коей мы тащили на буксире, его мотало из стороны в сторону, и я с беспокойством оглядывался, как бы чего не было. Остальные два гидросамолёты уже давно были в небе. Полетели к берегам Тайваня.

Сейчас у нас главная проблема, машинная команда внизу и оставшиеся в живых японцы. Не думаю что их много, скорее всего даже мало, быстро пробежавшись глазами по палубе пересчитывая истерзанные пулями трупы, определил, что внизу не больше десятка человек, почти вся команда оказалась тут. Более того судя по дыму и тому что миноносец начинает понемногу сбрасывать ход, угля никто в топку не подбрасывает. Похоже, в машинном отделении никого не было, и возможно оставшаяся в живых команда готовится к бою. Как бы они сейчас толпой не полезли.

Подозвав Эрих, я поставил его за штурвал, выбросив трупы рулевого и офицеров из рубки. Больно уж был бледен журналист. Правда, за штурвал встал твёрдо, ухватившись за рукоятки. То, что нужно держать направление на второй миноносец, тот уяснил хорошо. Я же достав из кобуры капитана корабля револьвер, бросился вниз.

— Что у вас тут?

— Что-то задумали япошки, — ответил бывший разведчик.

— Тоже так думаю. Мне кажется они у кормового люка, там удобно всем разом на палубу выскакивать. Нужно опередить их. Значит ты, резко распахиваешь люк, а мы стреляем. Подходим осторожно, шума не издавать.

Когда лётнаб имевший широкий разворот плеч резко дёрнул на себя крышку люка, отшатнувшись в сторону, мы сразу открыли огонь из револьверов. Прямо за люком с оружием в руках сосредоточились японские моряки, пятеро как я понял. Шквалом пуль из четырёх револьверов, их просто смело вниз.

— Оба вниз, осмотреть корабль.

Оба лётнаба скатились вниз, держа оружие в руках, бывший разведчик успел перезарядиться,

и исчезли в переходах. Вскоре бывший унтер появился.

— Три раненых и никого.

— Нормально.

Показав унтеру как подбрасывать угля и держать давление, всё было просто, поднялся в рубку и сменил Эриха. Тот стал обходить корабль и делать снимки. Свою бандуру фотоаппарата он не бросил и носил с собой. Ход миноносца стал постепенно нарастать, и мы нагнали второй корабль. Оба лётнаба уже были готовы, так что когда мы притёрлись, сразу перескочили на второй корабль и побежали по местам. К сожалению, мне пришлось остаться на первом миноносце, но недолго, вдали были видны дымы двух вспомогательных крейсеров, там помимо абордажников были и перегонные команды. Второй миноносец тоже сбрасывал ход. Нет, это не действия лётнабов, их задача не выпустить остатки команды снизу, видимо тоже в топку уголь никто не подкидывал.

Вдруг со второго миноносца донеслась загроможденная стрельба. Мы отошли метров на сто, но слышно было хорошо. Со стороны нашего борта удалось рассмотреть фигурки трёх японцев, они крались к корме с нашей стороны. Отпустив штурвал, я бросился к левому борту и, направив на них штатный пулемёт, парой очередей положил моряков. Спрятаться те не успели, до укрытий слишком далеко было. Чуть позже на виду показался один из лётнабов и помахал рукой, мол, пока всё в норме, отбились.

Когда подошли вспомогательные крейсера, оба миноносца стояли борт к борту и дрейфовали. Один из лётнабов, тот что унтер, был тяжело ранен, а второй имел лёгкое касательное ранение. Главное сделано, оба миноносца у нас, я успел допросить пленных, так что появилась, наконец, первая информация от японцев. А то Эссена ждали, или когда вспомогательные крейсера поднимут с воды уцелевших моряков с утонувших крейсеров. Хоть обстановку прояснил. Среди пленных был раненый японский офицер, кстати, он пытался перед абордажем отдать приказ взорвать погреба с боезапасом, однако вовремя мы появились. Не успели. На вопросы он отвечать не хотел, но потом разошёлся, зацепил я его вот тот в горячке и выболтал так нужную мне информацию.

То, что Тайвань захвачен моими войсками, вызывало в Японии шок. Меня ждали у берегов, а я их дальнюю колонию захватил и совершенно спокойно обустроиваюсь. А тут ещё Эссен стал терроризировать их прибрежные воды. Пришлось выделять группу крейсеров для поисков и перехвата рейдовой группы. Япония и так была сильно ослаблена войной, можно сказать с трудом приходила в себя, а тут всё по новой. Тонут пароходы у входа в бухту у всех на глазах, причём большой броненосный крейсер вдруг стал вести огонь по порту, вызвав там многочисленные пожары и разрушений. Был под покровом ночи торпедирован бронепалубный крейсер, из-за чего ему пришлось выброситься на берег. Пропала канонерская лодка, хотя солдаты береговой обороны слышали в открытом море оружейную стрельбу, вроде даже пулемётную.

Это всё что знал лейтенант, Эссена поймать не успели, а флот уже двинул к берегам Тайваня. Причина задержки банальна, десант в срок не уложился, но главное к нам помимо практически всего флота, шло на транспортных судах две пехотные дивизии с усилением. Шли позади разведки с отставанием на сто морских миль. Угу, значит, флот уже должен быть в пределах дальности наших разведчиков.

Передав раненого и оба миноносца перегонным командам, на борту одного из вспомогательных крейсеров был врач, он и о нашем раненом позаботиться и о японцах, мы расстались. Я с

Эрихом и вторым лётнабом подтянув самолёт, перебрался на него, немцу пришлось тесниться в одной кабине с лётнабом, однако ничего запустили мотор, и после долгого взлёта, всё же самолёт утяжелён, полетели к Тайбэю. О захвате ещё двух миноносцев там знали, истребители давно вернулись и доложились. Другое плохо, взлететь ночью мне удалось благополучно, однако совершать посадку ночью на воду ещё не удавалось, однако кто-то догадливый, когда я делал третий круг над портом, приказал зажечь прожектор одного из судов и осветить воды порта, так что мы благополучно приземлились и подошли к месту стоянки. Там уже на лодке перебрались на берег, самолёт техники начали осматривать, поздравив нас с захватом двух миноносцев, уже всем известно, а мы заторопились в штаб флота. Хотя нет, я один, лётнаб в свою часть пошёл, Эрих к себе, мне дом выделили бывшего главы города, он в лагере был, а семью отправили в другое место, Эрих жил со мной. Так вот в штабе меня поздравили с захватом, хлопая по плечам и спине, и доложили, что стало с третьей группой. О ней тоже можно не беспокоиться. Разнесли крейсер, причём с первого же захода, повезло, что сотка после подрыва вызвала инициацию погребов, и тот камнем пошёл на дно. Крейсер был определён как бывший «Варяг». Миноносцев тоже погоняли, одного сразу под воду загнать смогли, а вот со вторым намучились. Пока не догадались карусель закрутить и борт-стрелки из пулемётов не проредили команду. Защиты у неё никакой не было, кроме как спустится под палубу. Истребителей не было, пришлось своими силами. После этого, когда миноносец стал неуправляем, отбомбились последними сотками, отправив его на дно, и полетели обратно. Вот садились уже в сгущающихся сумерках, наступала ночь. Опыта посадки ночью не было, хотя на аэродроме и зажгли костры, однако у двух самолётов подломаны шасси и повреждены лопасти винтов. Ремонт идёт, благо запчастей есть, однако, по словам инженера обеих эскадрилий, быстро вернуть самолёты в строй не удастся, нужно не меньше пяти дней. Подумав, я отправил вестового на авианосец, попросил техников, помочь сухопутникам с ремонтом. У меня сейчас каждый самолёт на счету, так как к нам шли достаточно большие силы.

Данные что мне удалось узнать от пленного и раненого японского морского офицера, уже были озвучены, составлены списки кораблей сил японского флота, что к нам подходили. Думаю, они под покровом ночи сближаются. Эссен ещё не подошёл, но по словам разведки, вскоре должен входить в порт, близко наша рейдовая группа была. Ничего не оставалось, как ждать, тогда будет возможность поднять гидросамолёты и изучить будущий театр военных действий, нам нужно найти, где сейчас японцы. Стычка с разведчиками, а это именно стычка, нам очень помогла. Теперь лётчики были уверены в своих силах, и воодушевлены, в принципе такое же воодушевление прокатилось и по остальным войскам, которые продолжали окапываться и возводить оборону. Сейчас все лётчики, что сухопутные, что морские пользовались заслуженной славой и уважением, герои и это без пафоса. Однако я велел усилить охрану авианосца и аэродрома. А так же места где расквартированы техники и лётчики. От случайностей мне зависеть не хотелось. Эссен уже выходил на связь, ему приказали не подходить к порту, а ожидать рассвета поблизости. Все огни в городе были потушены, соблюдалась светомаскировка, специальные патрули наблюдали за этим, маяк естественно так же не работал.

Изучив все последние свежие данные, отдав несколько распоряжений, направился к себе домой, под охраной четырёх солдат. Они меня по городу всегда сопровождали. В штаб Кондратьева я не заходил, все спят, там разве что дежурный у телефона и всё. Завтра выслушаю доклад по обороне. Генерал как раз вернулся после облёта позиций, в некоторых местах совершал посадку, нужно было что-то улучшить, где-то маскировку навести, чтобы окопы с воздуха было плохо видно. Оценив удобство перемещения на связном самолёте, генерал практически редко бывал в штабе, а производил облёт укреплений. Единственно на что генерал жаловался, отсутствие неморальной артиллерии, две батареи на входе в Тайбэй,

одна пяти орудийного состава у Гаосюна, второго порта, прикрывает со стороны моря, и всё, полевая батарея, что с нами прибыла, это так, на один укус. В общем, требовалась артиллерия. Это всё я ещё вчера обещал выдать, скоро будет. Японцы сами нам всё доставят, да ещё на берег перевезут. Разве что подарочной ленточкой не перевяжут с бантиком сверху.

Эрих уже спал, так что после водных процедур, один из солдат меня из ведра поливал во внутреннем дворике особняка при свете масляной лампы, я отправился спать. Здание охраняют десять солдат, вполне хватает. Правда сингалки на дверь и на окна я поставил. Обычные вещи, которые когда падают, издают шум. Приспособление нужное, пусть будут. Причины чтобы ставить сигналки были, нападают на наших, ещё как. Казаки, которых придали полицейским силам, изо всех сил ловят недобитков, выявляют и уничтожают, однако потери мы всё равно несём. Правда всё меньше и меньше, выбиваем местных сопротивленцев. Действуют те в основном ночью, трижды на патрули нападали, были убитые и раненые, видимо оружие пытались добыть. Один раз в дом проникли, вырезали семью и офицера что у них квартировал. Пропало его личное оружие. Правда эту банду уже взяли, после допроса расстреляли, у них оружие и было найдено.

Утром, сразу после завтрака я направился в штаб. То, что Эссен прибыл видно хорошо, «Кореец» в порту, три миноносца, ещё два вчера нами захваченных у стенки стояли, новые команды их принимали. Вот сторожевое судно стояло отдельно, там велись какие-то работы, и было пришвартовано несколько лодок. У пароходов тоже царила жизнь, там шла разгрузка.

— Неужто пушки? — изумился я, рассмотрев, что на пирс, к сожалению, встать сразу там могло только два судна, с помощью крана спускают гаубицу.

Удивлённо покачав головой, я поспешил в штаб флота, Эссен был тут, усталый, но счастливый. Он уже получил доклад по нашим действиям, явно пребывая в шоке от такой лёгкой победы над всеми тремя разведывательными группами японцев. Эссен был из тех, кто достаточно скептически относился к бомбардировщикам и истребителям, а вот разведчиков, особенно гидросамолёты считал шедевром, «глазами флота». Сейчас адмирал распоряжался увеличенным составом флота, проще говоря, ставил командиров на корабли, ну и команды. Канонерку, не смотря на то, что оно было вооружено четырьмя современными двадцатимиллиметровыми пушками, в состав флота включать адмирал не стал. Теперь у нас было специализированное охранное судно для патрулирования побережья, а заодно и учебное судно, будем готовить на нём моряков. После войны конечно, а так нужно перегнать его в Гаосюн, чтобы прикрыло второй порт. Само судно была канонерской лодкой типа «Майя» и ранее несло название «Акаги». Пока новое наименование она не получила, некогда, да и шло комплектование команды.

Посмотрев в окно на разгрузку транспорта, да, там была артиллерия, я выслушал доклад Эссена по рейду. Продуктивный надо сказать рейд. В порту приземлился один из разведчиков, похоже, скоро у нас будут разведанные по японцам. Хотя чего их разведывать, вон на горизонте всё черно от дымов. За ночь сблизилась. Сейчас разведчики только уточнят весь тут флот или разделились и часть пошла другому побережью. Ничего у нас организованы узлы обороны на возвышенностях, дадут десанту прикурить. Жаль только, кроме авиации спасти пехоту от действий морских орудий было некому. Бросать в бой свой флот я не собирался, на добывание это можно, но не на бой, пусть сначала японцев мои лётчики потреплют, и начнут они с боевых кораблей. Десант мне был нужен. Желательно живым. Очень много требовалось дармовой рабочей силы. И пока пленные будут работать над стройками, предварительные расчёты для них проведены, мы устроим рейд к Японии. Правда после капитуляции придётся всех вернуть, однако что-то сделать те успеют, в будущем сэкономив нам время. Один из

планов сделать аэродром с бронированной полосой для «Аэробусов». Последние были практически готовы, на борту радиоаппаратура, кроме пилота, ещё лётнаб, корректировщик и радист. Их задача для наших артиллеристов сообщать координаты кораблей противника. В основном для броненосца, но раз теперь есть гаубицы, то можно и их использовать. Дивизиону, который принял полковник Гордеев, уже передали одну радииную машину со специалистами из резерва Кондратенко.

Вот так встав у окна и наблюдая, как гидросамолёт подходит к причалу, ближе нельзя, только буксировкой с помощью, каната, я и слушал адмирала. Тот действовал вполне в моей манере. Скрываясь от чужих глаз в Тихом океане, уйдя подальше от транспортных маршрутов, он добрался до берегов Японии. Там пользуясь тем, что о них пока было не известно, сходу атаковал один порт, ворвавшись внутрь. Десант, высаженный на берег за два часа до прорыва обеспечил спокойный прорыв. Пушки на берегу не стреляли. В порту был захвачен миноносец. Двадцатишестиузловой. Из бывших наших. Команду под него быстро подобрали, взорвали все портовые сооружения и укрепления и так же быстро покинули порт. В бухте было два грузовых судна, причём оба с полными трюмами риса и других круп. На Тайване пока проблем с продовольствием не было, однако тихоходы адмирал прихватил. Те ждали, когда адмирал отправиться в обратный путь в назначенной точке и адмирал их забрал, так что у нас два судна с продовольствием. Будет чем пленным кормить. Так вот, дальше адмирал направился вдоль побережья к Токио, топя всё, что имело японский флаг. Как удалось захватить канонерскую лодку, даже пересказывать забавно. На неё миноносец из истребителей наскочил в темноте и тумане. Удара удалось избежать, якорная цепь, не дала проскочить мимо и прижала борт миноносца к канонерке. Однако капитан корабля не растерялся и решил пойти на абордаж. Пятьдесят русских моряков, включая трёх аргентинских добровольцев, с рёвом полезли на палубу судна противника. На других миноносцах сообразив, что происходит, подошли к другому борту и участвовали в истреблении команды. В общем справились. Ночью часть команды спала, была только вахтенная смена, поэтому потери и были небольшими, одиннадцать убито, восемнадцать ранено. А канонерку Эссен приказал забрать, пригодиться. На неё перешла перегонная команда. Этой же ночью удалось с миноносца торпедировать крейсер, что их искал и тот выбросился на берег. Другая мина прошла мимо, но и одной хватило, к сожалению тот не затонул, был близко от берега и в будущем у японцев есть все шансы его восстановить.

Дальше рейдовая группа действовала так же, остановка японцев с последующих их утоплением, судов, команды отправлялись на берег. Вот тогда и встретилось нашим три парохода, причём войскового обеспечения, что спешили к месту сбора флота. На одном были артиллеристы и часть боезапаса, на втором шестнадцать английских вполне современных гаубиц, полный гаубичный дивизион, на третьем боезапас. Артиллеристы сдаваться не захотели, и были отправлены артиллерийским огнём с крейсера на дно, а два других благополучно взяты на абордаж. Ещё сутки адмирал бесчинствовал в опустевших водах, обстреливая порты, взял призом ещё один пароход с боеприпасами для японского флота, после чего ночью направился обратно. Своё дело он сделал, показал, что мы силу имеем, как и наглость, и это хорошо. Единственно, что я бы сделал на его месте, разделил обряд на две группы. Например, оба миноносца с одним из вспомогательных крейсеров в одну сторону, флагман с другим вспомогательным крейсером в другую. Больше побережья бы охватили. Однако и так вполне неплохо.

Прихватив по пути оба судна с припасами, он двинул дальше, пока не вернулся на Тайвань, счастливо избежав по пути встречи с японским флотом. В принципе на этом всё. Кондратенко уже в курсе и у него были артиллеристы, и сейчас шло формирование дивизиона. Четырёхбатарейного состава. Правда, лошадей для перевозки гаубиц не было, на пароходах

впрочем, тоже. Однако две упряжки из местных лошадей и коноводов сформировать удалось, так что перевозились гаубицы к узлам обороны с помощью них. Причём полностью дивизион не разгружался, две батареи планировалось морем отправить в Гаосюн, там тоже артиллерия нужна. Вот так частично и решена была проблема с пушками. Тяжёлые удалось достать.

Лётнаб сначала забежал в разведотдел, оставил там аппаратуру, снимки сделать, и уже оттуда был отправлен к нам.

— Докладывайте, — приказал адмирал.

Лётнаб был мичманом и относился к морякам, то есть был в подчинении адмирал, те же сухопутники были в подчинении Кондратьева, хотя совместные операции проводились без проблем. Пока генерал только использовал разведчики. Между прочим, он своих тоже выслал к эскадре и приказал сделать облёт острова, чтобы засечь подбирающегося врага. Сам доложил мне, когда благодарил Эссена за доставленные гаубицы. Ночью в удобных местах для высадки были выставлены посты, но пока сообщений не было, чтобы кто-то пытался под покровом ночи выбросить на берег разведывательную или возможно даже диверсионную группу. Японцы они хорошие ученики и на своих ошибках учатся, как бы не решили повторить мои дела на их острове. Рвануть склады. Однако я тоже об этом подумал и создал несколько десятков небольших и хорошо охраняемых складов. Так что дело изначально обречено на провал.

— Японский флот обнаружен, с высоты тысяча метров проведена съёмка. Пришлось делать восемь снимков, чтобы вся группировка и суда обеспечения вошли. Аппарат отдал в спецотдел, вскоре должны быть готовы снимки. Разделения флота на эскадры не выявлено, похоже идут полным составом, тридцать семь боевых кораблей и порядка шестидесяти грузовых и транспортов обеспечения. Впереди двигается передовой отряд из крейсера и трёх миноносцев. За ним броненосные крейсера и броненосцы. Дальше транспорты и в прикрытии две канонерские лодки и два миноносца. Левее со стороны китайского берега были обнаружены ещё три крейсера, идут под английским флагом, видимо наблюдатели. С другой стороны ещё два крейсера и два миноносца, тоже нагличане. Курс флота на Тайбэй. До моего отлёта и передачи наблюдения сменившему нас экипажу разведывательному воздушному судну мичмана Круглова, смены курса не выявлено.

— Покажите на карте, — приказал адмирал, и лётнаб наклонившись, карандашом, стал наносить метки кораблей противника, поясняя, где какие идут. Сверялся он со своей картой, где были нанесены кроки.

Когда мичман ушёл, адмирал осмотрел карту и, вздохнув, с удовлетворением в голосе сказал:

— Наконец-то научились правильно докладывать и наносить на карту метки.

— Учатся, — согласился я.

Мы, используя карту, стали ставить задачи нашим истребителям и бомбардировщикам, командиры морского авиаполка и эскадрильи до этого находились в коридоре, а тут адъютант адмирала вызвал лётчиков. Все пять миноносцев, что входили в состав нашего флота готовились покинуть бухту. Удача при захвате миноносцев сыграла со мной дурную шутку, флотские офицеры вполне серьёзно внесли в планы захваты других японских миноносцев схожим способом, причём готовились серьёзно, внося пару новшества, а наши миноносцы несли призовые команды, их задача догнать неуправляемых японцев высадить абордажников для окончательно зачистки и перегона трофеев в порт Тайбэя.

Естественно я не мог оставить это дело в стороне и так же приказал готовить свой гидросамолёт к вылету. Первый удар должен быть сокрушительным. Поэтому бомбардировщики несли пятисотки, но у ведущих были только сотки. Первая и вторая волна под прикрытием истребителей. Хотя у истребителей как раз была своя задача. Первыми в воздух стали подниматься морские бомбардировщики, парни Кулагина последуют за нами чуть позже. Поднялся в воздух и я, сзади, как и в прошлый раз устроился Эрих. Пресса штука серьёзная и бросать информационную составляющую любой войны не просто глупо, преступно. Тем более Эрих уже нашёл возможность, как передавать информацию в Циндао, причём с помощью телеграфа, и уже все газеты в Европе, особенно в Берлине и России, пестрели заголовками о подвигах экспедиционного флота и корпуса в конфликте с Японией. Захвачен Тайвань и японцы выбиты с острова. Взято много трофеев и пленных. Захвачены боевые корабли. Проведён рейд к берегам Японии, так же взяты богатые трофеи. Про уничтожение разведывательных групп японцев с воздуха тоже информация пошла, но только сегодня утром, чтобы не спугнуть японцев. И вот сейчас, то на что мы и поставили в этой войне, гудя моторами сближались с флотской группировкой японцев. Там поднялось двенадцать гидросамолетов, и направились в нашу сторону. Звено истребителей Васильева, их задача расчистка воздуха двинула на встречу, перехватывая японцев.

Как-то сразу начался бой. К счастью истребители шли далеко впереди, так что когда они перехватили передовую группу японцев и умудрились сбить три из них, строй бомбардировщиков сплотился, мы уже отработывали возможную оборонительную позицию на случай атаки с самолётов противника. Штурманы-стрелки готовились открывать огонь. Шесть гидросамолётов прорвались к нам и, напрягая моторы, разрозненно потянулись к строю бомбардировщиков. С нами в непосредственном охранении осталось две пары истребителей. Обе были выше на пятьсот метров и оттуда атаковали два гидроплана. Один сбили, второй ушёл со скольжением на левое крыло, а остальные прорвались к нам и за них принялись стрелки. Длинные пулемётные очереди сразу семнадцати стрелков смогли подбить один гидросамолёт, тот камнем пошёл вниз, и повредить ещё два, четвёртый сам отвернул, уходя от атаки истребителя сверху. Тот успел снова подняться на высоту и атаковал, потеряв где-то ведомого. Завертелась круговерть боя, сейчас в небе шло две схватки, потери японцев были не сравнимы, уже шесть самолётов сбито и три с дымными хвостами потянулись к своим. Правда и у нас один истребитель клюнул нос и, дымя, пошёл вниз, вот от него отделился тёмный комок и раскрылся парашют. Ещё один истребитель пошёл с заметным дымным хвостом в сторону Тайбэя, правда дымило не сильно и истребитель похоже, управлялся нормально, главное чтобы мотор не заглох до аэродрома. К сбитому лётчику сразу направился один из наших гидропланов, готовясь совершить посадку на спокойные тропические воды. Кабина лётнаба была пуста, задача пилота как раз поднимать возможных сбитых с воды. И вот они у нас появились. Неприятно, но не смертельно.

Атака гидропланов строя бомбардировщиков не прошла зря. Я подлетел ближе и осмотрел, как топорщиться фанера на фюзеляжах и ткань на крыльях, а мотор одного из бомбардировщиков, один из двух, стал работать с перебоями, выбрасывая в небо клубы дыма, оставляя за собой дымный след. Правда, лётчик упорно шёл на цель, мы были практически над эскадрой. Он снижался. Один мотор не тянул машину с нагрузкой, однако думаю, что до японцев он дотянет и сбросит груз, повернув обратно. Так же, похоже, считал и сам лётчик, он не отворачивал. По номеру определил, что это один из добровольцев русской армии, взял его по договорённости Николаем, император хотел прогнать своих офицеров через подобные бои. Японская война много что дала, но и потери были большими.

Что странно японцы как шли плотным строем так и шли, однако как оказалось подготовиться они успели и я не говорю о самолётах, что им передали англичане, мы их почти все выбили.

Истребители ушли на аэродром, похоже боезапас весь расстреляли, но вернувшись, добьют остатки воздушных японских сил. Нет, подготовка японцев к возможной нашей встрече заключалась в другом. Видимо их специалисты, изучив переданные самолёты, помозговали и выдали идею. Они сделали станины и подняли вверх пушки заряженные шрапнелью. Фактически это были первые зенитные орудия в мире. Правда на весь флот их и десятка не наберётся, одно первые разрывы, далеко и неточно, удивили меня и напрягли лётчиков, строй чуть не смешался. Штурман с ведущего бомбардировщика замахал флажками и бомбовозы стали выстраиваться в длинный строй, готовясь сбрасывать на японцев свой смертоносный груз. Тут-то с японцами их плотный строй и сыграл дурную шутку. Да, зенитки в таком строю били достаточно плотно, хотя по моему мнению попадания если будут, то только случайные, однако это всё же мешало нашим лётчикам. Нервировало.

Первые сотки и пятисотки посыпались вниз, вставали водные столбы промахов, и гремели взрывы в облаках огня на бортах. Атаковали мы броненосцы, они наша главная цель. Эрих снимал сзади, что-то выкрикивая в азарте. Три сотки и две пятисотки попали в головной броненосец. Бывший английский корабль, переданный нагличанами во время Русско-Японской войны такого не перенёс, был взрыв погребов и броненосец как утюг ушёл под воду. Всё произошло за минуту. Взрывная волна разметала бомбардировщики, сбив их с боевого курса, и те посыпали бомбы вниз, уже фактически не целясь, однако и тут были попадания. Вздохнув, я покачал головой, всё же мало опыта боя, думали, всё будет как на ученьях, вроде избиения разведки, нет, тут дело серьёзное. После головного броненосца по одной пятисотке получали броненосный крейсер и бывшая «Победа», в прошлом русский броненосец, бомба попала в центр корпуса, там были большие разрушения и дым. Броненосец выкатился из строя. Вторая бомба попала в броненосный крейсер, на полубак, так же взрыв огонь и дым, три попадания сотками вызывали пожары на других кораблях, но ни один корабль японцев больше утоплен не был. Фактически первый налёт пошёл прахом. Не смотря на уничтожение одного и повреждения трёх боевых кораблей.

Тут как раз подполз подбитый бомбардировщик с пятисоткой. Горевший мотор уже остановился, да и огонь удалось лётчику сбить, слегка дымил только, однако бомбу он сбросил и о счастье прямое попадание в бронепалубный крейсер, до строя броненосцев тот просто не дотянул. Переломившись, крейсер пошёл ко дну. Вернее носовая часть сразу ушла под воду, в вот корма держалась как поплавок и что странно винты ещё крутились. Правда корма продержалась недолго, пару минут и тоже ушла на дно. А бомбардировщик, завывая одним мотором развернувшись, пошёл на аэродром. Упорный парень, нагружу. Вот остальных пилотов первой линии уже нет, атака была проведена откровенно скверно.

Топлива у меня хватало, были дополнительные баки, всё же разведчик, поэтому я дождался второй волны. За это время единственный оставшийся гидроплан японцев, после перезарядки пулемётов и пополнения топлива так же начал взлетать, оставляя пенисты след на воде. Не знаю, что он собирался противопоставить строю из восьми бомбардировщиков, однако истребительного прикрытия не было, я сделал ошибку взяв в первый вылет все истребители, не использовав их по очереди, вот и осталась вторая волна без прикрытия. В воздухе только я и второй разведчик, там лётнаб вёл съёмку. Два гидроплана, что занимались спасением лётчиков с воды, отсутствовали. Один полетел к берегу доставить поднятого с воды сбитого лётчика, а второй сопровождал подбитый бомбардировщик. Что-то у него и со вторым мотором проблемы возникли, похоже, приводняться придётся. Блин, первый налёт и такие потери, два самолёта. И не факт что все вернувшиеся с задания техники выпустят в небо. Некоторые наверняка так же имеют повреждения и требуют ремонта. Взять хотя бы ту же обшивку.

Вдали уже показались точки бомбардировщиков второй волны. Пока только восемь машин, две, что поломались при посадке, пока вводили в строй, работы там много, но обещали сделать в

ближайшее время. Один бомбардировщик точно сегодня. Нам эти машины были очень нужны, поэтому лётчики и командование корпусом поторапливало техников. Японец уже взлетел, и второй наблюдатель стал пикировать на него. Обе машины были схожи, пулемёты у стрелка сзади, поэтому лётчик повёл машину сверху, обогнав японца, и резко снизился, давая лётнабу возможность открыть огонь. Меря вынужденная чтобы не подставиться под огонь стрелка с японца. Вот так лётчик, пользуясь своей большей скоростью, вырвался вперёд, и лётнаб фактически в упор расстрелял беззащитную жертву. Отвернуть японца не мог, скорость небольшая была, только-только от воды оторвался, чуть тронешь рукоятку штурвала и завалишься на крыло, а вода вот она, снизу блестит на ярком солнце. В общем, пули рвали обшивку и рикошетили от двигателя. Японцу так и не дали взлететь, надрывно ревущей мотор, что тянул гидросамолёт в воздух, зачихал, выбросил столб дыма и, клюнув носом, самолёт противника, успевший подняться на двадцать метров, с левым разворотом рухнул в воды восточно-китайского моря. Последний гидросамолёт японской эскадры, развалившись и оставив на поверхности моря мелкие обломки, скрылся под водой. Мотор потянул своей массой на дно. Лишь один выживший барахтался в воде. Видимо кто-то из экипажа выжил. А наш самолёт стал кругами набирать высоту.

Японцы, разозлённые гибелью последнего гидросамолёта, обрушили на нашего разведчика шквал снарядов. Лётчик, видя рвущуюся вокруг шрапнель счёл лучшим прервать набор высоты и со снижением уйти за дальность стрельбы зениток японцев. Это он молодец, я сам в стороне держался, чтобы по мне не стреляли. К этому времени подошла вторая волна бомбардировщиков и, встав на боевой курс, пошли на строй броненосцев японского флота. Сами японцы смогли выставить аж одиннадцать броненосцев. Тут были и английские, те что они передали во время Русско-Японской войны, подставляя нас, и наши трофеи, ну и из японских, на которых они воевали с нами. Из тех, что уцелели. Один броненосец мы утопили, второй вышел из строя, чудом никого не таранив, и находился далеко в стороне, сбросив ход. Там к нему подошёл один из бронепалубных крейсеров. Похоже, попаданием бомбы были убиты все офицеры и полностью разрешена рубка. Управление боевым кораблём было нарушено. Это не наша цель, корабль выведен из строя и, похоже, надолго, а цель, которая нас интересовала, это остальные девять броненосцев. У одного был пожар на полубаке, но строй тот не покинул, экипаж боролся с повреждениями и огнём. Японцы ещё не поняли что такие вот плотные строи при фактическом отсутствии зенитного или авиационного прикрытия опасно, прежде всего, им самим. Так и оказалось, наши бомбардировщики накатывались на строй броненосцев и посыпали на них пятисотки. Пять соток на ведущем бомбардировщике, и семь пятисоток на остальных. В этот раз зенитный огонь строй с курса не сбил, молодцы, выждали и сбросили бомбы. Три пятисотки и две сотки фактически разнесли флагман японцев, на борту которого находился главнокомандующий флотом Камимура. Детонация пороховых погребов на борту не оставили ни кораблю ни команде ни единого шанса. Ещё одна пятисотка, попала в нос броненосца английской постройки. Детонация боеприпаса полностью разрушила носовую часть, повредив взрывной волной переборки, и тот стал тянуть. Тяжело, долго, но корабль шёл ко дну.

Бомбардировщики, собравшись в строй, потянули на аэродром, ну и мы следом за ними. Лившись трёх броненосцев, броненосного и бронепалубного крейсеров, были повреждены ещё один броненосец и бронепалубный крейсер, однако флот был силён. С гибелью командующего, уверен, что он погиб, да и флаг на этом броненосце адмиральский развивался, дальнейшие планы японцев мне становились неизвестными. Если Камимуру я ещё мог попробовать просчитать, то что будет делать его приемник пока не понятно. Нужно прикинуть. Судя по адмиральским флагам ещё на трёх боевых кораблях, адмиралов в составе флота хватало, так что пока мы перезаряжаемся, кто-то из них возьмёт командование на себя. Сами японцы упорные, скорее всего планы они не поменяют, ещё бы, такая пощёчина, да ещё после

недавней победоносной победы. Как поступят японцы? Чем дольше они будут под бомбами моих летунов, тем больше будут нести потерь. Вывод очевиден, нужно как можно быстрее подойти к порту и огнём броненосцев поддержать высадку десанта. Как только авианосец и полевой аэродром будут захвачены, чаша весов склонится на сторону японского флота и армии. Это понимали японцы и это прекрасно понимали мы.

Вернувшись в порт и совершив посадку, я велел технику моего гидроплана как можно быстрее заправить самолёт. Бочки стояли у берега, так что пока техник осматривал самолёт, два его помощника готовились заправлять машину. Эрих поспешил к нашему месту жительства, ему нужно оставить снятые пленки и забрать новые, а я в штаб флота. Пока идёт заправка, успею пообщаться с командующим флота. Эссен был на месте, в штабе царила деловитая суэта, чувствовалось, что офицеры были на душевном подъёме. Видимо были хорошо ознакомлены с последними потерями японцев.

Первым делом я отругал летунов, оба командира, и Васильев и Ларин были тут, сейчас вылетали на бомбёжку и прикрытие бомбардировщиков вторые смены, вот оба командира, что участвовали в первом вылете и находились тут. Я хорошо пропесочил обоих, правда, Васильеву так же вынес благодарность за прикрытие, но это после того как описал их ошибки, буквально тыкая носом. Ничего, с опытом придёт и умение. Потом Эссен и Кондратенко доложились, генерал тоже прибыл в штаб флотских. Эссен сообщил, какие потери у японцев, как будто я сам не знал, подтвердил, что через полчаса морские бомбардировщики смогут подняться в небо и что рейдовая группа заканчивает подготовку к выходу, их задача преследовать разбитые суда и корабли японцев. Пока до этого далеко, хотя сама группа стояла под парами, вскоре они покинут бухту. Вот генерал порадовал. Одна гаубичная батарея уже на позициях и готова открыть огонь по противнику, вторая пока только перемещается, хотя капониры уже были открыты. Через два часа два орудия этой батареи будут готовы открыть огонь, через шесть часов будут доставлены на холм ещё два и батарея сможет стрелять уже в полном составе.

Помимо этого адмирал сообщил, что все пять наших миноносцев уже час как покинули порт. Дело в том, что один японский бронепалубный крейсер в сопровождении трёх миноносцев направился в отрыв от общего строя японского флота в обход Тайваня. Видимо их задача провести разведку побережья. Похоже, японцы так и не поняли, куда девалась их прошлая разведка. А может и поняли, когда мы их бронированные утюги на дно пускали, а разведанные им всё равно кровь из носу нужны. Для миноносцев были выделены четыре истребителя, задача с воздуха выбить палубную команду, а наши миноносцы доставят к бортам японских кораблей абордажные и перегонные команды. Все пять миноносцев были до предела загружены моряками. В случае удачи трофеи должны были быть перегнаны в порт Гаосюн. Тот кроме артиллерийского прикрытия, откровенно слабого, больше ничего не имел. Даже канонерскую лодку, что мы собрались туда отправить адмирал оставил в порту Тайбэя, четыре мощных морских орудия, что находились на палубе боевого судна, нам могут пригодиться. Если японцы промедлят и не поторопятся сблизиться с нашими берегами, то у нас есть все шансы отбиться.

Судя по докладу адмирала, главная цель наших истребителей должна быть палуба японского крейсера, она открытая, после нескольких заходов очиститься, а потом они будут работать по миноносцам, дальше уже как у абордажников дело сложится. При этом адмирал выразил искреннюю надежду, что удастся взять трофеями все четыре боевых корабля. Опыт для этого был, причём удачный. Подумав, я согласился с ним, шанс есть, но при этом посоветовал усилить истребительную группу ещё на две машины, всё же звена на четыре боевых корабля мало, сложно карусель крутить будет, чтобы палуба японского корабля, который они атакуют, была под постоянным ливнем пуль. Причём всю шестёрку нужно использовать только на одном

корабле. Как очистят палубу, можно приниматься за следующий, пока наши миноносцы ловят неуправляемый корабль. Один истребитель следует выделить для прикрытия абордажников, чтобы тот загонял японцев обратно под палубу, если те решат вылезти и дать отпор нашим бойцам. Тут главное точность стрельбы, в прошлый раз нам повезло, не рванули мины в торпедных аппаратах и орудийный боезапас от ливня пуль, а тут посмотрим, как получится.

Истребители ещё не взлетели, рано им, наши миноносцы до места сражения пока не добрались, поэтому Васильев и Ларин поспешили отдать приказы своим лётчикам, достаточно подробно описав их задачи. Как они это сделали, не выходя из штаба? Так на одном из складов были захвачены приличные запасы кабелей и с десятков телефонов. Так что на аэродром и на авианосец несколько наших телефонистов-связистов телефонные линии прокинули, а это жизненная необходимость. Именно поэтому так скоро лётчикам была поставлена конкретная задача и те, поднявшись воздух, направились к небольшой группе японских боевых кораблей. Те уже удалились от основного состава далеко, так что помочь им будет некому. Шанс один, в рассыпную. Надеюсь, те не догадаются, трофеи мне нужны. Свой флот у меня будет.

Тут вестовой сообщил, что мой самолёт заправлен и подготовлен к вылету и, не мешая дальше офицерам работать, они и сами прекрасно знают, что нужно делать, я поспешил к пирсу. Там уже ждал Эрих, переминаясь с ноги на ногу, мы накинули лямки парашютов и забрались в лодку. На ней добрались до стоявшего на якоре самолёта, и забрались в кабину. Дождавшись, когда уберут якорь, запустил мотор, лодочник дёрнул винт, метнувшись в сторону, немного подождал, когда мотор прогреется, после чего дал газу и стал разгонять самолёт. Техникам, что обслуживали у пирса сразу пять гидросамолётов, у нас два прибавилось со вспомогательных крейсеров, было тяжело проводить обслуживание с воды, поэтому для удобства были сколочены два плота-понтон, использовались пустые дубовые бочки, чтобы плоты хорошо держались на воде. Вот их подгоняли к самолётам, и техники уже спокойно работали, ощущая под ногами достаточно твёрдую и надёжную поверхность. А то с лодки проводить заправку и обслуживание, это немалым акробатом нужно быть.

Всё же флот японцев заметно сблизился, значит, командование на себя взял тот, кому остальные сразу подчинились. Флот не сбавляя хода, продолжал двигаться к Тайваню. Надежда не сбылась. Была такая, что японские адмиралы передерутся в борьбе за власть, как это могло бы быть в русском флоте, если там будут адмиралы в одинаковых в званиях и должностях. Никто друг другу не уступит, хотя это тоже от характера зависит, но у японцев видимо адмирал, который числился вторым по званию и должности, пользовался авторитетом.

На подлёте я встретил группу морских бомбардировщиков, они возвращались с боевого вылета, при этом шесть бомбардировщиков совершат посадку на взлётной полосе авианосца, а стольные уйдут на аэродром. Со стороны японской эскадры были видны дымы, причём от пожаров они были как-то гуще и чернее. Приветливо покачав крыльями, я направился дальше, пропустив строй бомбардировщиков в ста метрах по правому борту, летели мы чуть выше, чем те шли. Добравшись до флота противника, я увёл гидроплан в сторону, а то уцелевшие зенитки начали бить, и неподалёку разовралось два шрапнельных снаряда. Смотри-ка, учатся понемногу. Бомбардировщики потерь не имели, я специально пересчитал, а тут два близких разрыва. Может случайность, однако, всё же уйдём в сторону.

— ... н..!

— Что? — прижал я ухо к переговорной трубке. Плохо расслышал, что Эрих сказал.

— Я говорю трёх броненосцев нет, исчезли, осталось четыре в строю, на двух пожары.

— Ясно.

А молодцы летуны, это они одним вылетом пятнадцати бомбардировщиков, два были явно сняты с вылетов из-за повреждений, пустили на дно три броненосцы. Жаль я не видел этого лично. Ничего, разведчик как обычно крутится в стороне, потом посмотрю снимки. Покрутившись вокруг флота, до берега уже осталось двенадцать морских миль, границу дальности стрельбы нашего единственного броненосца и береговых батарей японцы ещё не пресекли, я стал ожидать бомбардировщиков с аэродрома Васильева. Пока вся тяжесть сражения с японским флотом лежали на плечах лётчиков. Понятно, что авианосец находится под ударом запертый в бухте, поэтому в данный момент он в сопровождении «Корейца» и четырёх вспомогательных крейсеров покидал бухту и шёл следом за нашими миноносцами. Вёл отряд адмирал Эссен. Именно поэтому я и вернул на борт авианосца шесть бомбардировщиков, адмиралу они тоже пригодятся. Бывший «Фудзи» остался в бухте, чтобы вместе с канонеркой включиться в контрбатареиную борьбу. Как и раньше в Тайбэе командовал генерал Кондратенко, так что оставшиеся в бухте моряки подчинялись ему. Группа преследования вышла вовремя и стала уходить в сторону. Авианосец им остро необходим, поэтому я его и отпустил. И их прикроет авиацией и сам не попадёт под удар. В стороне помаячит. Сам авианосец вполне ходкий, восемнадцать узлов может дать, не всякий крейсер догонит, так что хорошо вписался в группу. Как наши миноносцы дело сделают, то включатся в группу преследования, отправив возможные трофеи в защищённую бухту.

На виду острова флот японцев начал дробиться на несколько групп, тихоходные транспортники, из-за которых в основном японцы и шли так медленно, под прикрытием пяти канлодок и трёх крейсеров отправились к восточному побережью Тайваня. Хм, понятно. Хотят высадить десант, там берег удобный песчаный, небольшие волны позволяют использовать лодки. Так вот хотят высадить десант и перерезать пути к Тайбэю. То есть окружить порт. Почему-то весь десант и обеспечение пошли этим путём, про небольшую группу, которую уже наверняка перехватили наши истребители и на подходе миноносцы, они послали восточнее, а вот основной флот как шёл прямо на Тайбэй, так и шёл. Разве что прибавил ходу, так как не требовалось прикрывать медлительные транспортные суда. Плохо дело, до темноты всего ничего, а ночью авиация не используется. За ночь броненосцы разнесут город и все постройки. Ответный огонь, конечно, будет, у нас и у самих броненосец был, причём строевой, его ещё не вывели в запас, хотя он и морально устарел, да и артиллерийские и гаубичные батареи поддержат, но потери среди мирных жителей всё равно будут.

Кондратенко был опытным командиром и не мог не учесть того что при обстреле с японских кораблей могут пострадать люди, поэтому ещё сегодня утром когда выяснилось что японская армада на подходе, началась эвакуация. Тех же японских военнопленных длинными колоннами под охранами рот пятого полка территориальной пехоты, уводили вглубь острова. Эвакуация шла, когда я был в штабе в последний раз, то наблюдал за результатами. Жители действительно покидали город, хотя и не все. Сейчас оборона готовилась, и укреплялась, подводились последние штрихи. Что ж, сейчас подойдёт последняя группа бомбардировщиков, восемь машин с аэродрома Васильева, отбомбятся и будет виден результат работы лётчиков на сегодня. В принципе он и так впечатлял, а тут уже после подсчёта будет ясно, как обороняться Кондратенко. Всю ночь будут работать пехотинцы и артиллеристы, именно для этого я и брал их, для кратковременной обороны. Наконец настанет и их очередь внести лепту в нашу победу. Им нужно продержаться ночь, дальше снова вступит в дело авиация. Ночью японцы смогут стрелять только наугад, прикрывая свой десант, ни о какой прицельной стрельбе и слова не может быть. Если наши не откроют ответный огонь и не выдадут свои позиции. Тогда да, огонь противника может быть точным. Днём они конечно смогут определить позиции, но и мы уже сможем использовать авиацию. Да и Эссен будет работать по их тылам,

что тоже изрядно поможет. Правда основная его забота, перехватывать всех кто пойдёт обратно, тех же недобитков, ушёл японский флот к Тайваню и всё, как сгинул. Кстати, я и наглых англичан собирался прищучить, причём щуками в пятьсот килограммов. Они до того обнаглели что при бомбардировке опасно близко сближались с кораблями противника, поэтому я отдал такой приказ, увидите под собой корабли под английским флагом бомбите смело, это японцы так маскируются. Лётчики это восприняли с немалым удовольствием и энтузиастом, все помнили, кто помогал японцам победить Россию в этой войне. Предателей никто не любит, ни своих, ни чужих. Правда, попросил пока сосредоточиться на японцах. Нужно выдрать у них зубы-броненосцы, а с остальными мы справимся.

В этот раз второй волной подошли не восемь, а девять бомбардировщиков, что не могло не радовать, значит, одну машину вернули в строй. В этот раз бомбардировщики под командованием лейтенант Арефьева, направили воздушные суда не навстречу строю броненосцев а, облетев строй боевых кораблей и развернувшись, стали нагонять броненосцы. Наконец-то правильно сделали, да и Васильев, которому я это вдальблывал в голову, смог передать приказ. В этом случае скорость полёта будет ниже по отношению к броненосцам, соответственно и бомбить можно куда прицельнее. Результат меня не мог не порадовать. Два попадания, один из броненосцев покинул строй и стал заваливаться на бок, пока не перевернулся, это был бывший «Петропавловск» я его сразу узнал, а второй вывалившись из строя, таранил один из бронепалубных крейсеров. Бронепалубнику конец, это было видно, он фактически был перерублен пополам, да и сам броненосец которому бомба попала в центр корпуса и разворотила борт, тоже не жилец. Волны что били в борт, захлёстывали пробоину, вода стала попадать внутрь, при этом гася пожар, что там бушевал. На одном из двух оставшихся броненосцев был пожар, видимо сотка с ведущего попала, от пятисоток куда серьёзнее разрушения, а вот последний броненосец продолжал идти на максимальном ходу в окружении стаи своего сопровождения из более малых кораблей на Тайбэй. Он один не получил повреждения.

О подбитых кораблях я не беспокоился, и бывшая «Победа» что на горизонте дрейфует и вот эта слипшаяся парочка, всё это на Эссене, подранков добывать должен он. Жаль топить наши бывшие корабли, из наших бывших броненосцев в строй остался только «Цесаревич», остальные мы утопили или скоро утопим, однако делать нечего, взять их целыми и вернуть обратно, было практически невозможно. С «Фудзи» просто было удачное стечение обстоятельств.

Бомбардировщики легли на обратный курс, а я, сделал пару кругов, позволяя Эриху сделать несколько снимков, особенно корпус перевернувшегося «Петропавловска» отлично смотрелся. Правда вскоре и он пошёл ко дну.

— Что? — не расслышал я крик Эриха, прижав ухо к переговорной трубке.

— Второго наблюдателя обстреливают с гидросамолёта, — услышал я крик Эриха. — Их двое, англичане, судя по знакам.

Закрутив головой, досадуя на себя, столько внимания японцам уделил, что не обращал внимания на нагличан, а те подняли в воздух два своих гидроплана и напали на второй наш разведчик. Причём найдя место боя, он был ниже нас на пятьсот метров, я обнаружил, что схватка шла один на один. Где же второй? Если есть второй, то думаю его цель мы.

Резко дёрнув штурвал в сторону, я ввёл самолёт в пике, под испуганные крики пассажира, но очередь незаметно сблизившегося с нами нагличанина прошла мимо. Сделав несколько воздушных пируэтов, крики сзади усилились, ничего потерпит, всё же пристёгнут, я смог

выйти в хвост англичанину. Нет, не изучают они подобную тактику боя, хорошо, что вообще летать научились, и стал сблизаться с противником. Тот пытался крутиться да куда там. Стараясь держаться чуть ниже хвоста, чтобы стрелок англичанина меня не срезал, я сблизался с гидропланом. На Эриха надежды не было, пулемётом тот не воспользуется, как аккредитованному корреспонденту им вступать в схватки категорически запрещено. Вот и приходится делать всё самому.

Всё же англичанин не ушел, как ни старался, опасно сблизившись с его птичкой, я совершил первый в этом мире воздушный таран. Удара не было. Винт стал осторожно рубить хвостовое оперение, всё же хорошо, что у нас не деревянные винты как советовал один французский инженер, занимающийся авиационными моторами. Нет, винт был стальной, поэтому хвост был снесён мгновенно, правда и у нас возникли проблемы, на небольшой стеклянный козырёк стало хлестать масло, обороты упали, появилась мелкая противная дрожь, но она снизилась, когда я убавил обороты двигателя, однако дело сделано. Сделав несколько оборотов вокруг своей оси, небольшой биплан стал падать в море. Бой мы вели на километровой высоте, так что оба летчика покинули машину и над ними раскрылись парашюты. Развернув гидроплан, я стал медленно планировать к берегу, надеясь дотянуть до порта. Бой двух других самолётов продолжался, хотя Эрих, он меня ругал за фигуры высшего пилотажа, выпустил фотоаппарат и тот улетел вниз, булькнув в волнах, говорил, что дымят уже оба. Но упорно сходятся вновь и вновь.

— Ничего, скоро узнаем, кто кого, хотя я и уверен в результате. Всё же у наших лётчиков были подготовки по ведению воздушного боя... А англичан надо бить. Теперь уже точно.

Всё же мы дотянули до порта и совершили посадку в сгущающейся тьме вечера. Подсвечивать не пришлось, освещения вполне хватало приводниться. Буквально через пару минут, нас как раз на шлюпке буксировали к пирсу, мотор после посадки заглох, приводнился и разведчик. Мотор дымил, так что стрелок покинул кабину, встав на поплавок, и стал забрасывать мотор пригоршнями воды. Молодцы, отбились. Вот только почему лётчик не выбирается? К самолёту рвануло сразу две лодки. В одном был дежурный врач, видимо тот был ранен. Как только нас добуксировали до пирса, мы перешли в шлюпку, а с неё уже на твёрдый берег. Эрих направился к нам, к месту жительства, а три солдата приставленных ко мне для охраны, сопроводили до штаба флота. Так как оба штаба, и флота и корпуса находились в одном здании, было проще получить нужные сведения. Кондратенко уже знал точное количество потопленных и повреждённых броненосцев на данный момент, лётчики с аэродрома отзвонились.

Сообщив генералу о нападении на нас английских ВВС, оба гидроплана вышли из строя, и скорее всего ремонт потребует времени, до двух дней. У меня точно мотор на замену шёл, отремонтировать можно, но это время. Да и ресурс уже был на исходе, а что со вторым я не знаю. Приказ мой гласил, как только покончим с броненосцами и канонерками, то всей силой авиации навалимся на английские крейсера. Тем более как раз подошёл лётнаб с повреждённого разведчика. Его лётчик был тяжело ранен, хотя и смог довести машину до порта, и сейчас находился в госпитале, шла операция. Так вот, по словам лётнаба, он сам видел, как оба гидросамолёта спускают с палуб именно английских крейсеров. Значит это не подстава. Лётнаб сказал, что нападения он не ждал, посчитал, что те проводят разведку, поэтому атака англичан был для него полной неожиданностью.

После того как я выяснил всё что мне нужно и отдав нужные приказы, штаб Кондратенко продолжал работать, сейчас пришло их время, не стал дальше мешать, что нужно делать офицеры знали без меня, столько раз обговаривалось и даже проводились тактические учения

на карте Тайваня, направился домой. После душа, лёг спать и достаточно быстро уснул, умотал меня этот тяжёлый, но надо сказать вполне результативный день. А выспаться нужно, завтра снова в воздух, самолет, если мой за ночь не починят, мне подберут. Лишь в середине ночи вскочил было, проснулся от грохота канонады, но потом снова уснул, дальше стрельба и грохот разрывом меня не беспокоили. Разве что стекла выбило взрывной волной. В принципе японцы по городу не стреляли, били по портовым сооружениям да по обнаружившим себя береговым батареям, грохотал залпами наш броненосец, укрытый в бухте, однако спускаться в погреб, в укрытие я не посчитал нужным. Эрих убежал в порт, он в штабе флота выпросил себе старенький фотоаппарат и снова был при деле, а я спал, набирался сил перед завтрашним днём. Чую он будет очень тяжёлым.

12 лет спустя, борт королевской парусной яхты-катамарана «Свобода». Аравийское море, окрестности Мумбаи, Индия.

Волны буквально швыряли небольшую двухкорпусную яхту по волнам. А тут ещё трос, что поднимал штормовой парус, без которого просто не обойтись, закусил на верхнем блоке. Была бы у меня двухмачтовая яхта, я бы не обеспокоился. На второй мачте парус поднял, однако, яхта у меня гоночная, небольшая, и с одной мачтой. Пришлось лезть вверх, благо была специально для этого натянута верёвочная лестница, их ещё вантами называют. Поднявшись до середины, я почувствовал, как натянулся пояс, страховочная верёвка не давала подняться выше. Отстегнув страховику, полез дальше. Наконец вот он, блок, чтобы ему пусто было. В это время, налетевший шквал практически положил яхту набок, чуть не сорвав меня с вант, как удержался, сам не понимаю. Сердце стучит, несмотря на ливень и ветер, обливаюсь потом, но шквал был кратковременный, поэтому яхты с грохотом опустила на второй корпус, и меня как пращей с верхушки мачты запустило в воздух. В этот раз удержаться уже не смог. Летел и думал, хорошо, что я в путешествие один отправился, жена и сын-наследник остались на Тайбэе, никто больше не пострадает. В это время последовал удар о воду и волны сомкнулись надо мной.

Видимо от удара я потерял сознание, так как было-что-то похожее, как будто выключили-включили сознание. Вода быстро привела меня в чувство, и я заработал руками и ногами, пока не вынырнул на поверхность. Вот тут я испытал шок. Волны были пологими, море тихим, сверху светило солнце, никакой бури и даже следа моей яхты вокруг не было. Далёкий берег едва приглядывался на горизонте, видимо это Индия рядом с берегом которой меня несло по воле ветра и волн. Что случилось, понять было не трудно, снова перенос.

— Охренеть, — пробормотал я.

Мой же голос меня изменил, он стал тоньше... мальчишеским? Быстро себя ошупав и осмотрел, я счастливо захохотал. Я снова молодой, мальчишка и главное — Я СВОБОДЕН.

— Я сво-бо-ден! — заорал я, не удержав эмоции, работая руками и ногами, чтобы удержатся на поверхности. В принципе и так нормально держался, больше подрабатывал.

То что меня снова куда-то закинуло, да ещё омолодило, беспокоило мало, самое большое счастье я испытал когда понял что всё, мои мытарства подходят к концу. Да и сходу разобрался, сколько мне лет. Когда меня скидывали с семнадцатого этажа, и произошёл первый перенос, у меня тогда на руке была поджившая царапина, да в принципе просто красный след остался. Сейчас эта царапина была, значит мне тринадцать с половиной лет.

А я счастлив.

Дёрнувшись, я проснулся и посмотрел на солдата, что меня разбудил:

— Рассветает, ваше благородие, — сказал солдат. — Завтрак готов.

— Отлично, — бодро и энергично откинул я одеяло. — Сейчас и наваляем япошкам и нагличанам. Ох они у меня получают за те двенадцать лет будущей каторги в роли короля целого государства. Глюки врать не будут, мы победим, а вот дальше катастрофа, я стану правителем и на простую прогулку на яхте смогу вырваться только через долгих двенадцать лет... Беда-а...

Конец книги.

mir-knigi.org